

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Курт (Kurt) против Австрии»¹

(Жалоба № 62903/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 15 июня 2021 г.

По делу «Курт против Австрии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда,*

Йона Фридрика Кьельбро,

Ксении Туркович,

Пауля Лемменса,

Бранко Лубарды,

Армена Аругюняна,

Жоржа Раварани,

Габриэль Кучко-Штадльмайер,

Алены Полачковой,

Паулиине Коскело,

Йована Илиевского,

Марии Элосеги,

Джилберто Феличи,

Дариана Павли,

Эрика Веннерстрёма,

Раффаэле Сабато,

Саадет Юксель, *судей,*

а также при участии Мариалены Цирли, *Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 17 июня 2020 г. и 24 марта 2021 г.,

вынес в последнюю из указанных выше дат следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 62903/15) поданной 16 декабря 2015 г. про-

тив Австрийской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Австрийской Республики Сенай Курт (Senay Kurt).

2. Интересы заявительницы представляли адвокаты К. Колбич и С. Азиз, практикующие в г. Вене. Власти Австрийской Республики были представлены своим Уполномоченным при Европейском Суде, послом Г. Тихи, главой Департамента международного права Федерального министерства по европейским и иностранным делам.

3. Заявительница, в частности, утверждала, что власти Австрийской Республики оказались неспособны защитить ее и ее детей от насилия со стороны ее мужа, результатом чего явилось убийство последним их сына.

4. 30 марта 2017 г. власти Австрийской Республики были уведомлены о жалобах, касающихся статей 2, 3 и 8 Конвенции; в остальной части жалоба была признана неприемлемой для рассмотрения по существу на основании пункта 3 правила 43 Регламента Европейского Суда.

5. Жалоба была передана на рассмотрение в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 4 июля 2019 г. Палата³ названной Секции в составе Председателя Палаты Ангелики Нуссбергер, судей Йонко Грозева, Андре Потоцкого, Мартиньша Митса, Габриэль Кучко-Штадльмайер, Латифа Гусейнова, Ладо Чантурии при участии Секретаря Секции Клаудии Вестердийк вынесла Постановление по делу. Палата единогласно объявила жалобы на нарушение статьи 2 Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу и установила, что отсутствовало нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте. К Постановлению было приобщено совпадающее мнение судьи Гусейнова.

6. 27 сентября 2019 г. заявительница подала ходатайство о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. 4 ноября 2019 г. Коллегией Большой Палаты ходатайство было удовлетворено.

7. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Европейского Суда.

8. Заявительница и власти Австрийской Республики каждый со своей стороны направили

¹ Перевод с английского ООО «Развитие правовых систем».

² Настоящее Постановление вступило в силу 15 июня 2021 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ Здесь и далее имеется в виду Палата Европейского Суда (Пятая Секция) (*примеч. переводчика*).

письменные замечания по существу данного дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, были получены замечания организаций, участвовавших в рассмотрении данного дела Европейским Судом в качестве третьей стороны – Группы экспертов Совета Европы по противодействию насилию в отношении женщин и домашнему насилию (ГРЕВИО/GREVIО), организаций «Женщины против насилия в Европе (WAVE)», «Союз женщин против насилия» (Donne in Rete Contro la Violenza – D.i.Re), «Австрийская ассоциация независимых убежищ для женщин» (Verein Autonome Osterreichische Frauenhauser – AÖF), Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) и «Равенство сейчас» (совместно), Австрийская федеральная ассоциация центров защиты от насилия (Bundesverband der Gewaltshutzzentren Osterreichs) и «Женская народная инициатива 2.0» (Vrauenvolksbegehren 2.0).

9. Слушания проходили 17 июня 2020 г. в режиме видеоконференции во Дворце прав человека в г. Страсбурге.

В заседании Суда приняли участие:

а) от властей государства-ответчика:

Г. Тихи (H. Tichy), посол, Федеральное министерство по европейским и иностранным делам – Уполномоченный Австрийской Республики при Европейском Суде;

Б. Омс (B. Ohms), Ведомство Федерального канцлера – заместитель Уполномоченного Австрийской Республики при Европейском Суде;

К. Фамира (K. Famira), Федеральное министерство по европейским и иностранным делам,

Е. Самойлова (E. Samoilova), Ведомство Федерального канцлера,

У. Песендорфер (U. Pesendorfer), Федеральное министерство юстиции,

А. Ронер (A. Rohner), Федеральное министерство юстиции,

П. Андре (P. Andre), Федеральное министерство внутренних дел,

В. Диллингер (W. Dillinger), Федеральное министерство внутренних дел – советники;

б) от заявительницы:

С. Азиз (S. Aziz), адвокат,

К. Колбич (C. Kolbitsh), адвокат – адвокаты, участвующие в деле.

Европейский Суд заслушал выступления Г. Тихи и С. Азиз, а также ответы Г. Тихи, У. Песендорфера, П. Андре и С. Азиз на вопросы, поставленные судьями Европейского Суда.

ФАКТЫ

10. Заявительница родилась в 1978 году и проживает в г. Унтерваграме.

11. Она вышла замуж за Е. в 2003 году. У них было двое детей: А., 2004 г.р., и Б., 2005 г.р.

I. СОБЫТИЯ, ПРИВЕДШИЕ К СМЕРТЕЛЬНОМУ РАНЕНИЮ СЫНА ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

А. Первый приказ об ограничениях и защите, выданный в отношении Е., и последующие события

12. 10 июля 2010 г. заявительница обратилась в полицию, так как ее муж избил ее. В заявлении в полицию она утверждала, что на протяжении нескольких лет у нее существовали проблемы в отношениях с мужем и он неоднократно ее избивал. В последние месяцы ситуация ухудшилась, так как ее муж имел пристрастие к азартным играм, он много задолжал и потерял работу. Она заявила, что всегда оказывала мужу финансовую поддержку, но она также потеряла работу и больше не могла платить по его долгам. В полиции отметили, что у заявительницы присутствуют признаки телесных повреждений, а именно гематомы на локте и в верхней части руки, которые, по ее заявлению, были получены в результате побоев со стороны мужа.

13. Руководствуясь статьей 38а Закона о полиции безопасности (*Sicherheitspolizeigesetz* – см. ниже § 48), заявительнице была вручена памятка, в которой, помимо прочего, говорилось о возможности получения временного запретительного приказа (*einstweilige Verfügung*) в отношении ее мужа на основании статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве (см. ниже § 54 *et seq.*).

14. Когда полиция предъявила Е. указанную жалобу, он заявил, что каких-либо проблем с женой у него нет, но прошлым вечером он подрался с братом и получил травму лица. Каких-либо сведений о том, что Е. владел оружием, не имелось. В отношении Е. был выдан приказ об ограничениях и защите (*Betretungsverbot und Wegweisung zum Schutz vor Gewalt*) в соответствии со статьей 38а Закона о полиции безопасности. Данный приказ обязывал Е. не приближаться к месту его совместного проживания с заявительницей, а также к месту проживания родителей заявительницы и прилегающим территориям в течение четырнадцати дней. По-видимому, Е. выполнил требования приказа. Полиция направила рапорт в прокуратуру (*Staatsanwaltschaft*), которая 20 декабря 2010 г. предъявила Е. обвинение.

15. 10 января 2011 г. земельный суд по уголовным делам г. Граца (*Landesgericht für Strafsachen*) признал Е. виновным в причинении телесных повреждений и опасных угрозах и приговорил его к трем месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком три года. Заявительница отказалась давать показания против Е. Тем не менее он был признан виновным в том, что ударил ее о стену, нанес ей пощечину, а также угрожал своему брату и племяннику.

В. Второй приказ об ограничениях и защите, выданный в отношении Е., и последующие события

16. Во вторник 22 мая 2012 г. заявительница вместе с ее адвокатом из Центра защиты от насилия (*Gewaltscutzzentrum*) прибыли в окружной суд г. Санкт-Пельтена (*Bezirksgericht*) и подали заявление о расторжении брака. В своем выступлении в судебном заседании, состоявшемся в 11.20, она заявила, что причиной расторжения брака являются постоянные угрозы со стороны ее мужа, а также насилие, которому она подвергалась на протяжении всей их семейной жизни. Она указала, что в прошлую субботу ситуация еще больше обострилась и ей были нанесены травмы. Она добавила, что планирует сообщить об этом в полицию и надеется, что в отношении него будет выдан приказ об ограничениях и защите.

17. В этот же день в 13.05 заявительница вместе с ее адвокатом из Центра защиты от насилия обратились в полицию с заявлением в отношении ее мужа, обвиняя его в изнасиловании и угрозе жизни. Ее опрашивала сотрудник полиции женского пола, имеющая опыт в делах о домашнем насилии. В своих свидетельских показаниях заявительница подробно описала следующие события.

18. Согласно показаниям заявительницы, в субботу 19 мая 2012 г., когда возник вопрос о возможном расторжении брака, ситуация в ее отношениях с мужем обострилась. В этот день она пришла домой с работы около 15.00. Муж отправил детей на улицу погулять, так как, по его словам, он хотел поговорить с ней. Он спросил, что она собирается делать, имея в виду свое увлечение азартными играми, в котором он считал виновной заявительницу. Он назвал ее шлюхой и обвинил ее в том, что у нее есть другие мужчины, раз она не спит с ним с февраля 2012 года. В ходе последовавшего спора Е. неоднократно повторял, что не сможет жить без нее и детей и что он увезет детей в Турцию. Затем он начал душить ее и, держа руку на ее горле, повалил ее на диван. Он сказал, что он мужчина, а она женщина, и поэтому она обязана заниматься с ним сексом. Заявительница просила его остановиться, но он сорвал одежду с нижней части ее тела и изнасиловал ее. Она сказала, что, хотя он не держал ее крепко во время изнасилования, она не сопротивлялась, опасаясь быть избитой за это. После случившегося она приняла душ, оделась и пошла в аптеку за противозачаточными таблетками, опасаясь забеременеть.

19. Заявительница далее показала, что муж проявлял насилие по отношению к ней с самого начала семейной жизни и что в 2010 году в отношении него выдавался приказ об ограничениях и защите сроком на две недели, так как он нанес ей телесные повреждения. После этого инцидента Е. был осужден за нанесение телесных повреждений, а также

за угрозы брату и племяннику. Заявительница пояснила, что с 2010 года находилась в регулярном контакте с местным Центром защиты от насилия. Но, так как впоследствии ее муж добровольно обратился в медицинское учреждение и прошел лечение от игровой зависимости и психологических проблем, она простила его, не стала давать против него показания в рамках возбужденного в отношении него уголовного дела и решила дать ему еще один шанс. Однако в феврале 2012 года ситуация ухудшилась, так как у мужа снова появилась тяга к азартным играм. Заявительница пояснила, что после прохождения лечения в 2010 году муж сказал ей, что, если у него снова появится игровая зависимость, она может уйти от него. Поэтому с февраля 2012 года он стал еще агрессивнее, боясь, что она может «поймать» его на обещании. Заявительница показала, что с начала марта 2012 года он стал угрожать ей ежедневно, одними и теми же словами: «Я убью тебя», «Я убью детей на твоих глазах», «Я с тобой такое сделаю, что ты будешь умолять меня убить тебя», «Я покалечу детей твоего брата, если меня вышлют в Турцию» (брат заявительницы живет в Турции), и «Я повешусь перед дверью твоих родителей». Она заявила, что воспринимала эти угрозы очень серьезно, но не сообщала о них, так как боялась, что в этом случае он от слов перейдет к делу.

20. Заявительница показала, что муж регулярно избивал ее, а также шлепал детей, особенно когда возвращался из букмекерской конторы. В большинстве случаев дети каких-либо повреждений от этих шлепков не получали; лишь в одном из случаев у А. возникла гематома на щеке. Она показала, что дети также боялись ее мужа. В течение нескольких месяцев она думала о том, чтобы подать заявление о расторжении брака, но боялась, что в этом случае он причинит ей или детям какой-либо вред. Заявительница добавила, что муж иногда отбирал у нее мобильный телефон и запирали в квартире, чтобы она не могла куда-либо выйти. Она повторила, что очень боялась своего мужа и сообщила обо всем случившемся в полицию, так как хотела защитить себя и своих детей.

21. В полиции были сделаны фотографии полученных заявительницей травм (гематомы на горле и царапин на подбородке). Медицинский осмотр не выявил наличия повреждений в области половых органов (см. ниже § 28).

22. В соответствии с установленным порядком полицией в отношении Е. была проведена онлайн-проверка через центральную электронную базу данных, где содержатся сведения об основаниях и объеме ограничений, которые устанавливались в ранее выданных приказах об ограничениях и защите, временных защитных приказах или временных судебных приказах. Полиция также провела проверку реестра владельцев огнестрельного оружия на предмет наличия такового у Е., и результат был отрицательный.

23. После того как заявительница сообщила о произошедшем в полицию, двое сотрудников полиции (мужчина и женщина) отвезли ее домой, где находился Е. и их дети. Сотрудники полиции поговорили с детьми, которые подтвердили, что отец бил их мать, а также регулярно шлепал их.

24. Е. добровольно проследовал с сотрудниками полиции в отдел полиции. Впоследствии в 16.00 он был допрошен. Е. отрицал обвинения в применении насилия, изнасиловании и угрожающем поведении. Он признал, что у него был половой акт с женой 19 мая 2012 г. Однако он утверждал, что его половые контакты с женой всегда проходили по сценарию, когда она сначала отказывалась, но потом давала себя уговорить. Он пояснил, что раньше бил жену, но прекратил это делать три года назад.

25. На основании имеющихся фактов в соответствии со статьей 38а Закона о полиции безопасности в 17.15 в отношении Е. был выдан приказ об ограничениях и защите. Согласно данному приказу Е. был обязан покинуть место его совместного проживания с семьей на две недели, а также ему было запрещено приближаться к этому месту и прилегающим к нему территориям; ему также было запрещено приближаться к квартире родителей заявительницы и прилегающей территории. У него были изъяты ключи от дома.

26. Заявительнице была вручена «Памятка для жертв насилия», где помимо прочего содержалась информация о возможности продления срока и территории распространения действия приказа об ограничениях и защите, для чего необходимо получить временный защитный приказ (*einstweilige Verfügung*) на основании статей 382а и 382в Закона об исполнительном производстве (см. ниже § 54 *et seq.*). В памятке также говорилось, что заявительница может обратиться в соответствующий окружной суд для дальнейшей информации о судебных процедурах. Кроме того, в памятке утверждалось, что приказ об ограничениях налагает обязательства не только на виновное лицо, но и на потерпевшего, который не имеет права пускать лицо, представляющее угрозу, в жилое помещение, и что полиция будет следить за выполнением условий приказа. В памятке указывалось, что данные заявительницы будут переданы в Центр защиты от насилия и ей предоставили контактную информацию об организациях, оказывающих консультативную помощь жертвам насилия.

27. В рапорте полиции, касающемся выдачи приказа, сообщалось, что заявительница «была в слезах и очень напугана». Е. характеризовался как «несколько возбужденный», но «готовый сотрудничать». В разделе «Признаки непосредственной опасности нападения» (*Merkmale für einen bevorstehenden gefährlichen Angriff*) говорилось, что заявительница сообщила об изнасиловании, что налицо признаки насилия в виде гематом, что

имели место постоянные угрозы и дети регулярно получали пощечины. В разделе «Признаки возрастания риска со стороны лица, представляющего угрозу» (*Merkmale für eine erhöhte Gefährlichkeit des Gefährders*), полиция отметила:

а) известные ей (как сообщенные, так и не сообщенные) факты насилия (не только в настоящее время, но и в прошлом);

б) ухудшение ситуации (увеличение частоты и степени тяжести актов насилия);

в) существующие факторы стресса (безработица, расторжение брака, раздельное проживание с партнером/детьми и т.д.), а также

г) устойчивую тенденцию упрощать или полностью отрицать факты насилия (когда насилие считается законным способом поведения).

28. Вечером в 18.10 22 мая 2012 г. полиция сообщила по телефону о происшествии дежурному прокурору (*Journalstaatsanwalt*). В приложенном к материалам дела заключении прокурор указал следующее:

«Обвиняемый подозревается в изнасиловании своей жены 19 мая 2012 г., постоянных угрозах на протяжении их семейной жизни и нанесении побоев ей и детям. Жена сформулировала данные обвинения при помощи представителя Центра защиты от насилия, и в настоящее время осуществляется процедура расторжения брака.

Обвиняемый признает наличие половых отношений с женой, но отрицает наличие субъективной стороны преступления. Половые отношения на протяжении их семейной жизни (по его утверждению) заключались в том, что жена «играла в недотрогу». И тогда необходим был физический контакт, чтобы в конце концов она дала уговорить себя на половой акт. По его утверждениям, такое поведение типично для женщин в Турции. Она, как утверждалось, на протяжении десяти лет постоянно говорила, что не хочет секса с ним, но тем не менее секс у них был.

Что касается телесных повреждений, по сообщению сотрудника полиции, потерпевшая не имела повреждений в области половых органов, однако у нее были царапины на подбородке. Жена показала, что, когда она сказала (обвиняемому), что не хочет секса с ним, он начал ее душить. Тогда она перестала сопротивляться и позволила ему совершить половой акт. Во время полового акта он не применял насилия, и она не кричала. С марта 2012 года он предположительно регулярно угрожал убить ее.

[Как лицу, представляющему угрозу], полицией ему был выдан приказ об ограничениях и защите.

Я постановляю допросить детей, представить мне рапорт о результатах расследования и предъявить обвинения [лицу, представляющему угрозу], не лишая его свободы (*auf freiem Fuß angezeigt*).

В тот же день прокуратура возбудила в отношении Е. уголовное дело по обвинению в изнасиловании, нанесении телесных повреждений и угрозах жизни и здоровью.

29. В период с 18.50 до 19.25, дети А. и Б. были подробно допрошены полицией в доме их бабушки и дедушки по поводу насилия, которому они подвергались со стороны отца. Полицией был составлен протокол допроса. Оба ребенка подтвердили ранее данные показания о том, что отец часто шлепал их и кричал на них и точно так же вел себя по отношению к их матери.

30. В 23.20 уполномоченный сотрудник полиции направил прокурору рапорт о результатах расследования уголовного дела в отношении мужа заявительницы, а также протоколы допроса жены, детей и самого Е. В рапорте упоминалось, что в отношении Е. был выдан приказ об ограничениях, а также перечислялись, помимо прочего, преступления, в совершении которых подозревался Е. (изнасилование, угрозы, истязания или унижение несовершеннолетних, малолетних или беззащитных лиц). В разделе «Факты» ситуация была описана следующим образом:

«Подозреваемый избивал жену и детей на протяжении нескольких лет. 19 мая 2012 г. подозреваемый душил жену, в результате чего у нее появились гематомы на горле и подбородке, которые задокументированы путем фотофиксации. Затем он совершил половой акт с женой, хотя она неоднократно говорила ему, что не хочет этого. Более того, на протяжении нескольких месяцев он неоднократно угрожал убить жену и детей».

31. Рапорт полиции о выдаче приказа об ограничениях и защите, в котором содержался список признаков повышенного риска насилия (см. выше § 27), в прокуратуру не направлялся.

32. 23 мая 2012 г. Федеральное управление полиции г. Санкт-Пёльтена (*Bundespolizeidirektion*) провело проверку законности выдачи приказа в отношении Е. (на основании части 6 статьи 38а Закона о полиции безопасности). Было установлено, что имеющиеся доказательства «ясно и убедительно» (*klar widerspruchsfrei und schlüssig*) свидетельствуют о том, что Е. применял насилие к членам своей семьи и поэтому приказ был выдан законно.

33. 24 мая 2012 г. в 9.00 Е. по своей инициативе прибыл в отдел полиции, чтобы узнать, можно ли ему будет пообщаться с детьми. Воспользовавшись случаем, сотрудники полиции ознакомили его с показаниями детей, в которых говорилось, что он бил их, и допросили его по этому поводу. Е. признал, что шлепал их «время от времени», но «только в качестве воспитательной меры», «никогда не бил по лицу» и «без агрессии». Его жена их тоже иногда шлепала. Он добавил, что дети для него все, и кроме детей у него больше никого нет. Он показал, что днем ранее он говорил по телефону с дочерью и она хотела с ним увидеться. Он признал, что у них с женой были проблемы, что он больше не спит с ней в одной постели, а спит на диване в гостиной, потому что «она такая холодная женщина». Он показал, что за последние три года

ее ни разу не бил. Сотрудники полиции отразили в рапорте, что в их присутствии Е. не проявлял каких-либо признаков возможной агрессии.

34. В результате упомянутого выше допроса, Е. было предъявлено дополнительное обвинение в истязаниях или унижении несовершеннолетних, малолетних или беззащитных лиц в порядке статьи 92 Уголовного кодекса Австрии (далее – УК Австрии). 24 мая 2012 г. прокурор обратился в земельный суд г. Санкт-Пёльтена с ходатайством об очной ставке (*kontradiktorische Vernehmung*) заявительницы и ее детей, для чего просил привлечь к участию в процессе специалиста по детской психологии.

II. СМЕРТЕЛЬНОЕ РАНЕНИЕ СЫНА ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

35. 25 мая 2012 г. Е. пришел в школу, где учились А. и Б. Он спросил учителя А., не может ли он поговорить с сыном с глазу на глаз, так как он хотел дать ему денег. Учительница, которая позже показала, что ей было известно, что на некоторые школьные нужды ученикам необходимы были деньги, но что ей ничего не было известно о проблемах в семье, согласилась. Когда А. не вернулся в класс, она начала искать его. Она нашла его в школьном подвале с пулевым ранением в голову. Сестра Б., которая видела, как стреляли в ее брата, не пострадала. Е. скрылся. В отношении него был немедленно выдан ордер на арест. А. был доставлен в отделение интенсивной терапии местного госпиталя.

36. Полиция допросила ряд свидетелей, включая заявительницу и ее дочь. Заявительница показала, что у ее мужа было несколько «разных лиц»: с незнакомыми людьми он был дружелюбен, но только она знала его «настоящее лицо». После выдачи приказа об ограничениях и защите он звонил ей по телефону по нескольку раз каждый день. Он хотел увидеться при ней с детьми. Она отвечала, что он, конечно, может увидеться с детьми, но только в присутствии их дедушки. Она также сказала детям, что они могут видеться с отцом, когда захотят. Ей только хотелось избежать встреч мужа с детьми при ней одной, так как она опасалась, что он может убить их у нее на глазах. Заявительница показала, что в это утро она видела мужа сидящим в машине у входа в школу, до происшествия. Она собиралась сообщить учителю о проблемах в семье на следующий день, 26 мая 2012 г.

37. Адвокат заявительницы из Центра защиты от насилия (см. ниже § § 46 и 71) показала, что она никогда не думала, что Е. способен совершить подобное преступление. Учительница А. показала, что никогда не видела на его теле каких-либо травм и не замечала каких-либо признаков того, что он мог быть жертвой домашнего насилия. Она также никогда не слышала, чтобы в адрес детей

поступали какие-либо угрозы. Мать одноклассника А., медсестра, охарактеризовала Е. как «дружелюбного и вежливого человека». Она встретила Е. у входа в школу за час до происшествия, он поприветствовал ее и поздоровался за руку. Отец еще одного одноклассника А. также встретился с Е. в то утро перед школой, по его словам, Е. был «спокоен и вежлив».

38. В 10.15 того же дня Е. был обнаружен мертвым в своей машине. Он совершил самоубийство, застрелившись. Из найденной при нем предсмертной записки, датированной 24 мая 2012 г., стало ясно, что Е. планировал убить обоих детей, после чего совершить самоубийство. Он писал, что любит жену и детей и не может жить без них.

39. 27 мая 2012 г. А. скончался от полученных ранений.

III. ПРОИЗВОДСТВО ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

40. 11 февраля 2014 г. заявительница инициировала производство об установлении ответственности в отношении должностных лиц. Она утверждала, что после того, как она подала заявление в отношении ее мужа в полицию 22 мая 2012 г. прокуратура должна была ходатайствовать о заключении Е. под стражу до суда. Имел место прямой и непосредственный риск повторного совершения Е. преступления против членов своей семьи. Властям должно было быть понятно, что приказ об ограничениях не является достаточной мерой защиты, тем более что полиции было известно, что действие такого приказа не могло быть распространено на школу, где учились дети. Заявительница потребовала выплатить ей 37 000 (тридцать семь тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда. Она также ходатайствовала перед судом о вынесении определения об установлении юридического факта (*Feststellungsbegehren*), что Австрийская Республика принимает на себя обязательство возместить любой ущерб, который может быть нанесен заявителю в будущем (такой как физические или психические проблемы), связанный с убийством ее сына, который она оценила в 5 000 (пять тысяч) евро.

41. 14 ноября 2014 г. земельный суд г. Санкт-Пельтена (*Landesgericht*) отказал в удовлетворении исковых требований заявительницы. Суд указал, что, учитывая информацию, имевшуюся в распоряжении властей в рассматриваемое время, непосредственная угроза жизни А. отсутствовала. Согласно выданному защитному приказу Е. было запрещено приближаться к месту совместного проживания и прилегающим к нему территориям, а также к квартире родителей заявительницы. Никогда ранее Е. не вел себя агрессивно в общественных местах. Хотя он, как утверждалось, неоднократно угрожал членам семьи, эти угрозы никог-

да не приводились им в исполнение. Он соблюдал все ограничения, наложенные приказом об ограничениях и защите в 2010 году, и после этого не совершал каких-либо правонарушений вплоть до поступления жалобы заявительницы 22 мая 2012 г. Не было каких-либо сведений о том, что Е. владеет огнестрельным оружием или пытается его приобрести. Более того, после выдачи приказа Е. сотрудничал с полицией, агрессивного поведения не демонстрировал, поэтому у властей были основания полагать, что напряжение в семье уменьшится. Земельный суд счел существенным тот факт, что сама заявительница показала в заседании, что у полиции могло сложиться впечатление о неагрессивности мужа и его готовности сотрудничать. Она заявила суду, что ее муж был хорошим актером, умел вести себя на людях. С другими он всегда был добр и дружелюбен. Она сама давала ему возможность исправиться, всякий раз как он выражал раскаяние в своем поведении и обещал вести себя лучше. Суд дал оценку праву заявительницы и ее детей на защиту в совокупности с правами Е., которые определены статьей 5 Конвенции, и указал, что содержание под стражей до суда может применяться только в качестве *ultima ratio*¹. Поэтому была применена менее строгая мера в виде запрета приближаться к жилым помещениям заявительницы и ее родителей. Ввиду этого суд заключил, что решение прокуратуры не заключать Е. под стражу до суда не было незаконным и не может быть вменено ей в вину.

42. Заявительница подала апелляционную жалобу, где повторила свой довод о том, что прокуратура должна была осознавать более высокий риск совершения насильственных действий со стороны Е. с момента подачи ею заявления о расторжении брака. Она представила статистические данные, свидетельствующие о том, что число убийств, совершаемое членами семьи, возрастает в период сепарации с партнером, то есть именно в той стадии, в которой находились заявительница с Е. Заявительница утверждала, что властям было известно, что уровень насилия в отношении нее со стороны Е. возрос с февраля 2012 года. В частности, он угрожал, что убьет детей на ее глазах, а также, что убьет ее или себя. Заявительница утверждала, что у властей государства-ответчика возникли позитивные обязательства в рамках статьи 2 Конвенции по защите ее жизни и жизни ее детей путем использования положений уголовного законодательства и применения соответствующих уголовно-правовых мер, что конкретно в ее ситуации означало только помещение под стражу. Приказ об ограничениях и защите как «менее строгая мера» оказался недостаточным, так как полиция не смогла распространить его действие на школу, где учились дети.

¹ *Ultima ratio* (лат.) – крайняя мера.

43. 30 января 2015 г. Высший земельный суд г. Вены (*Oberlandesgericht*) отказал в удовлетворении апелляционной жалобы. Он указал, что при вынесении решения о содержании под стражей прокуратура имеет определенную дискрецию. Гражданская ответственность должностных лиц возникает только в том случае, если решение не было оправданным в конкретных обстоятельствах. Отправной точкой для оценки таких решений должна служить конкретная информация, которой обладали власти на момент принятия такого решения. Прокуратура должна принимать решение, основываясь на этой конкретной информации и обстоятельствах рассматриваемого дела. В отсутствие такой информации общие сведения о возрастающем количестве убийств во время расторжения браков не могут служить решающим доводом. Значение имело только то, были ли в рассматриваемое время серьезные основания полагать, что существовал реальный риск того, что именно Е. в дальнейшем совершит тяжкие преступления в отношении заявительницы и ее детей. На основании имеющейся на тот момент у прокуратуры информации и учитывая вынесение приказа об ограничениях и защите, не было поводов предполагать существование такого риска, тем более в общественных местах, в силу причин, изложенных в решении земельного суда г. Санкт-Пельтена.

44. 23 апреля 2015 г. Верховный суд отклонил чрезвычайную жалобу заявительницы по вопросам права. Решение суда было вручено адвокату заявительницы 16 июня 2015 г.

СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО АВСТРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО АВСТРИИ

A. Приказы об ограничениях и защите

1. Положения, действовавшие во время рассматриваемых в жалобе событий

45. Часть 2 статьи 22 Закона о полиции безопасности (озаглавленная «Профилактические меры при защите законных интересов»), действующая во время рассматриваемых в жалобе событий, определяет, что «органы общественной безопасности обязаны предотвращать посягательства на жизнь, здоровье, свободу, мораль, собственность или окружающую среду, если существует вероятность таких посягательств». В этих случаях полиция обязана принимать достаточные и пропорциональные меры защиты по своей собственной инициативе, если лица, подвергшиеся посягательству или иным образом оказавшиеся в опасности, не могут защитить себя самостоятельно. Часть 3 статьи 22 Закона о полиции безопасности определяет, что

после совершения посягательства органы безопасности обязаны установить соответствующие обязательства. Как только конкретное лицо будет определено в качестве подозреваемого, они обязаны действовать в интересах правосудия, применяя положения Уголовно-процессуального кодекса Австрии (далее – УПК Австрии) (см. также статью 18 УПК Австрии).

46. Статья 25 Закона о полиции безопасности, озаглавленная «Профилактические меры полиции безопасности», определяет, что власти обязаны предотвращать посягательства на жизнь, здоровье и собственность различными средствами и поощрять проекты, направленные на предотвращение таких посягательств. Во исполнение части 3 статьи 25 Закона о полиции и безопасности, действующей во время рассматриваемых в жалобе событий, федеральный министр внутренних дел одобрил создание на договорной основе проверенных и подходящих организаций по защите жертв насилия с целью оказания правовой помощи жертвам домашнего насилия. На момент совершения преступления и в случае заявительницы эта задача выполнялась Центрами защиты от насилия (см. выше §§ 16, 17, 37 и ниже § 71).

47. В статье 38а Закона о полиции безопасности (озаглавленной «Приказ об ограничениях и защите» – *Betretungsverbot und Wegweisung zum Schutz vor Gewalt*), действующей во время рассматриваемых в жалобе событий, органы полиции были уполномочены выдавать приказы об ограничениях и защите в отношении лиц, предположительно виновных в домашнем насилии, если имелись основания полагать, что им или ею могут быть совершены новые акты насилия. В то время, когда произошли рассматриваемые события, действие таких приказов об ограничениях и защите было ограничено домом жертвы и пространством в непосредственной близости от него, а также другими частными местами, где могла бывать жертва, такими как дома ее или его родителей.

48. Соответствующие части статьи 38а Закона о полиции безопасности, действовавшие в рассматриваемый период времени, гласят следующее:

«(1) Если на основании установленных фактов, в особенности по причине происходящих ранее посягательств, можно предположить наличие непосредственной угрозы посягательства на жизнь, здоровье и свободу, сотрудники органа полиции уполномочены запретить лицу, представляющему угрозу, проживать в доме, где проживает лицо, подвергающееся угрозе, а также находиться в непосредственной близости от него. [Полиция] обязана проинформировать [лицо, представляющее угрозу] о помещениях, на которые распространяется запрет; данная территория должна определяться в соответствии с требованиями эффективной профилактической защиты.

(2) При наличии условий, изложенных в подпункте (1), органы общественной безопасности уполномочены выдавать приказы об ограничении

ях и защите, содержание которых определяется в соответствии с подпунктом (1); однако применение силы для выполнения такого приказа не допускается. В случае запрета лицу проживать в его или ее собственном доме необходимо обращать особое внимание, является ли такое вмешательство в частную жизнь данного лица пропорциональным. Сотрудники органа полиции обязаны предоставить [лицу, представляющему угрозу], возможность ... проинформировать его или ее о том, где он или она могут найти возможности для временного проживания...

/.../

(4) Сотрудники органа полиции... обязаны проинформировать лицо, находящееся в опасности, о возможности получения временного запретительного приказа на основании статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве и обращения в соответствующие учреждения по защите жертв насилия...

/.../

(6) Органы безопасности должны быть немедленно извещены о выдаче приказа об ограничениях и защите и обязаны рассмотреть его [на предмет законности] в течение сорока восьми часов...

(7) Выполнение условий приказа об ограничениях и защите должно проверяться органами общественной безопасности по меньшей мере один раз в течение трех дней с момента его вступления в силу. Приказ об ограничениях и защите прекращает свое действие через две недели с момента выдачи, если [в течение двух недель] не будет направлено ходатайство в компетентный суд о выдаче временного запретительного приказа в порядке статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве (*Exekutionsordnung*)...».

49. При принятии решения о выдаче приказа об ограничениях и защите полиция немедленно проводит оценку степени опасности.

50. Согласно статистике, опубликованной Министерством внутренних дел Австрии (*Innenministerium*), в 2012 году полицией было выдано 7 647 приказов об ограничениях и защите на основании статьи 38a Закона о полиции безопасности.

51. Соответствующие части статьи 84 Закона о полиции безопасности, действовавшие на момент рассматриваемых событий, гласят:

«(1) Лицо, которое...

/.../

2. нарушает условия приказа об ограничениях и защите, выданного на основании подпункта 2 статьи 38a... считается совершившим административное правонарушение, и на него налагается наказание в виде штрафа в размере до 500 (пятисот) евро либо ареста на срок до двух недель в случае неуплаты штрафа».

2. Последующие изменения в законодательстве и практике

52. Следствием данного дела явилось внесение изменений в статью 38a Закона о полиции

безопасности. С 1 сентября 2013 г. полиция имеет право выдавать приказы об ограничениях и защите, действие которых распространяется на школы и другие детские учреждения, которые посещают находящиеся под угрозой дети в возрасте до 14 лет. Соответствующие части статьи 38a Закона о полиции безопасности в новой редакции гласят:

«(1) При наличии доказательств, в частности фактов имевших место ранее насильственных действий, дающих разумное основание предполагать наличие непосредственной угрозы посягательства на жизнь, здоровье или свободу, сотрудники органов полиции имеют право запретить лицу, представляющему угрозу, приближаться:

1. к дому, где проживает лицо, находящееся под угрозой, и прилегающей территории;

2. а также, если лицо, находящееся под угрозой, не достигло 14 лет:

a) к школам, которые посещает ребенок для получения обязательного образования... или

b) детским садам, которые он или она посещает, или

c) детским яслям, которые он или она посещает, включая прилегающую территорию в радиусе пятидесяти метров.

(2) ...В случае, если приказ об ограничениях и защите запрещает лицу возвращаться в свой дом, необходимо, в частности, убедиться, не является ли такое вмешательство в частную жизнь затрагиваемого лица чрезмерным...

/.../

(4) Сотрудники органа полиции обязаны также информировать:

1. Лицо, находящееся под угрозой, о возможности получения им временного запретительного приказа на основании статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве, а также о местонахождении организаций по защите жертв насилия... а также

2. Если лица, находящиеся под угрозой, не достигли 14 лет, незамедлительно [информировать]:

a) местный отдел органа по защите детей и подростков в целях реализации положений настоящей статьи... а также

b) руководителя организации, которой касается выданный приказ, в целях реализации положений подпункта 1(2) настоящей статьи...».

53. 1 января 2020 г. в статью 38a Закона о полиции безопасности были внесены новые изменения. В дополнение к приказам об ограничениях и защите был введен приказ о запрете контактов (*Annäherungsverbot*), который запрещает лицу, предположительно причинившему насилие, приближаться к лицам, находящимся под угрозой, на расстояние ближе 100 метров. Школы и другие детские учреждения в тексте больше не упоминаются, так как лицо, представляющее угрозу, в любом слу-

чае не имеет права подходить к ребенку, находящемуся под угрозой, на расстояние ближе 100 метров.

В. Временный запретительный приказ

54. Жертвы насилия также имеют право обратиться в компетентный суд с просьбой о выдаче временного запретительного приказа на основании статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве с максимальным сроком действия шесть месяцев и один год соответственно. Такие приказы выдаются в отношении любого места, которое будет признано необходимым для защиты жертвы насилия от предполагаемого обидчика, то есть не только жилище лица, находящегося под угрозой, но и школы, места работы и т.д.

55. Соответствующие части статьи 382b Закона об исполнительном производстве (озаглавленной «Защита от насилия в месте проживания» – *Schutz vor Gewalt in Wohnungen*) гласят:

«(1) Суд в отношении лица, которое делает невыносимым продолжительное совместное проживание с другим лицом путем совершения физических посягательств либо угрозы совершения таковых, либо поведения, серьезно влияющего на психическое здоровье [лица, находящегося под угрозой], по заявлению [лица, находящегося под угрозой], имеет право:

1. Предписать такому лицу покинуть место его проживания и прилегающую к нему территорию, а также

2. Запретить ему или ей возвращаться в место проживания, если оно является основным или единственным местом проживания заявителя...».

56. Соответствующие части статьи 382c Закона об исполнительном производстве (озаглавленной «Процедура и выдача» – *Verfahren und Anordnung*) в редакции, действующей во время рассматриваемых событий, гласят:

«(1) В случае, если возникает непосредственная угроза дальнейших насильственных действий со стороны лица, представляющего угрозу, судебные заседания [в отношении него или [нее] перед выдачей временного запретительного приказа не проводятся, как определено подпунктом 1 статьи 382b. Такой порядок возможен в особенности, при получении рапортов органов правопорядка, которые суд принимает к рассмотрению по своей инициативе; органы правопорядка обязаны направлять такие рапорты в суд немедленно по их составлении. Однако [поступившее по данному вопросу заявление] должно направляться ответчику незамедлительно в случае, если это заявление поступило в суд без необоснованной задержки с момента выдачи приказа об ограничениях и защите (подпункт 7 статьи 38a Закона о полиции безопасности)...».

/.../

(3) Следующие лица должны немедленно уведомляться о содержании судебного приказа, выданного по заявлению о получении временного запретительного приказа в соответствии со ста-

тьей 382b, а также о принятии судом решения об отмене временного запретительного приказа...

/.../

2. В случае, если одно из лиц является несовершеннолетним – местный орган по защите детей и подростков...».

57. Соответствующие части статьи 382e Закона об исполнительном производстве (озаглавленной «Общие меры защиты от насилия» – *Allgemeiner Schutz vor Gewalt*) гласят:

«(1) Суд предписывает лицу, которое делает невыносимым продолжительное совместное проживание с другим лицом путем совершения физических посягательств либо угрозы совершения таковых, либо поведения, серьезно влияющего на психическое здоровье [лица, находящегося под угрозой], по заявлению [лица, находящегося под угрозой]:

1. Не приближаться к определенным местам, а также

2. Избегать встреч и общения с заявителем, если это не противоречит существенным интересам [лица, представляющего угрозу]...».

58. Заявление о выдаче временного запретительного приказа на основании Закона об исполнительном производстве, расширяющего сферу действия полицейского приказа об ограничениях и защите как по времени (статья 382b), так и по территории (статья 382e), может быть подано в течение двух недель с момента выдачи соответствующего полицейского приказа. Хотя это прямо не предусмотрено в законе, суд по гражданским делам обязан рассмотреть ходатайство в порядке статьи 382e в течение не более четырех недель.

59. Как указано выше, согласно процессуальным нормам, содержащимся в статье 382c Закона об исполнительном производстве, окружной суд обязан действовать «незамедлительно» и не проводить судебных заседаний с участием ответчика, «если возникает непосредственная угроза дальнейших насильственных действий со стороны лица, представляющего угрозу». Согласно сложившейся судебной практике и мнению юридического сообщества Австрии, эта же норма применима к приказам, выдаваемым в порядке статьи 382e Закона об исполнительном производстве, позволяя, таким образом, выдать такой приказ немедленно после поступления жалобы жертвы о фактах домашнего насилия. Заседания с участием обвиняемого проводятся только в исключительных случаях (Решение земельного суда г. Линца 15 R108/06t; Решения земельного суда г. Вены 45 R478/06m, 42 R573/01b: EFSlg 98.711,115.566–115.568; Решение земельного суда г. Линца 15 R125/18k: EFSlg 159.356; Решение Верховного Суда 3 Ob 198/08a). Судебная практика государства-ответчика и мнение юридического сообщества сходятся в том, что «запретительный приказ должен выдаваться без заслушивания ответчика, если эффективность

такой меры «зависит от немедленного решения». На практике суды государства-ответчика регулярно пользовались этой нормой и выдавали запретительные приказы одновременно с направлением уведомления ответчику, чтобы предотвратить возможность недостижения цели принятой меры защиты (см., например, Решения Верховного суда 1 Ob 156/10p, 2 Ob 140/10t, 4 Ob 119/14z, 7 Ob 185/17g, а также Решение земельного суда Вельса 21 R65/12a EFSlg 136.516). Право ответчика быть заслушанным обеспечивается возможностью направления последним возражений (*Widerspruch*), как это предусмотрено статьей 397 Закона об исполнительном производстве.

60. С 1 сентября 2013 г. на основании положений части 2 статьи 211 Гражданского кодекса Австрии Агентство по защите детей и молодежи (*Kinder- und Jugendhilfeträger – YWO*) должно получать информацию от полиции о случаях выдачи приказа об ограничениях и защите, касающегося жилых помещений, где проживают дети. Агентство по защите детей и молодежи также имеет право подавать заявление на выдачу временного запретительного приказа в порядке статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве от лица несовершеннолетних, подвергающихся опасности, если их законный представитель по какой-либо причине этого не сделал.

С. Методика оценки рисков и тематические конференции

61. В 2011 году в г. Вене была организована так называемая МКОР (Межведомственная конференция по оценке рисков; см. также ниже § 88) с участием представителей полиции г. Вене, должностных лиц системы правосудия, организаций по защите женщин, организаций, занимающихся проблемами мигрантов, неправительственных организаций, работающих с правонарушителями, и других заинтересованных лиц. Целями МКОР являлись систематическая, скоординированная оценка риска и планирование по вопросам безопасности. Аналогичные межведомственные пилотные проекты были запущены еще в двух провинциях Австрии в 2015 году. В 2017 и 2018 годах Министерством внутренних дел была проведена оценка этих проектов, результатом чего явилось прекращение участия в МКОР представителей органов государственной власти. По-видимому, теперь в их работе принимают участие только неправительственные организации и организации по защите жертв насилия.

62. Механизм оценки рисков, названный SALFAG (*Situationsanalyse bei familiärer und Beziehungsgewalt – Ситуационный анализ насилия в семье и между родственниками*), был разработан психологами по просьбе Министерства внутренних дел и опробован в трех провинциях Австрии в ноябре 2013 – июне 2014 года. После оценки результа-

тов использование этого механизма было прекращено.

63. Согласно приказу Министерства юстиции от 3 апреля 2019 г., озаглавленному «Указания по уголовному преследованию за преступления, совершенные в близком социальном окружении» (*Richtlinien zur Strafverfolgung bei Delikten im sozialen Nahraum*), в апреле 2017 года Министерство юстиции и Венский кризисный центр против насилия в семье (*Wiener Interventionsstelle gegen Gewalt in der Familie – Кризисный центр*) подписали соглашение, согласно которому с момента подписания во всех случаях домашнего насилия, имеющих место в пределах г. Вены, (1) полиция обязана уведомлять прокуратуру обо всех случаях выдачи приказов об ограничениях и защите и направлять при этом все необходимые документы; (2) Кризисный центр составляет анкету по оценке степени опасности и направляет ее в полицию, которая впоследствии должна консультироваться с Кризисным центром по поводу дальнейших действий и организации расследования; и (3) «метод оценки опасности», используемый Кризисным центром, должен быть направлен Министерством юстиции в Генеральную прокуратуру (*Oberstaatsanwaltschaft*).

64. 1 января 2020 г. были внесены изменения в часть 2 статьи 22 Закона о полиции безопасности, согласно которым появилась возможность созыва конференций по делам полиции безопасности (*Sicherheitspolizeiliche Fallkonferenz*). Целью таких конференций является возможность скоординировать действия полиции с другими заинтересованными органами в случаях, когда определенное лицо с высокой вероятностью, на основании предшествующих опасных посягательств, может вновь совершить серьезное преступление против жизни, здоровья, свободы или достоинства другого лица.

Д. Основания для ареста и содержания под стражей до суда

65. Статья 170 УПК Австрии (содержащаяся в главе под названием «Арест») гласит:

«(1) Лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть арестовано в случаях:

1. если лицо задержано в момент совершения преступления либо имеются убедительные подозрения в его причастности к преступлению, либо лицо задержано с предметами, указывающими на его причастность к совершению преступления;

2. если лицо бежало и скрывается либо имеются подтверждения существования риска того, что лицо может бежать и скрыться;

3. если лицо оказывает влияние на свидетелей, экспертов или соучастников по делу, уничтожает или похищает доказательства по делу либо любым иным способом мешает установлению истины, либо при наличии фактических подтверждений существования риска совершения лицом вышеуказанных действий;

4. если лицо подозревается в совершении преступления, которое наказывается лишением свободы на срок более шести месяцев, либо если имеются фактические доказательства, позволяющие предполагать, что лицо может совершить такое преступление, направленное против тех же охраняемых законом интересов, либо, что оно сможет привести в исполнение попытку или ранее высказанную им угрозу (пункт 5 части 1 статьи 74 УК).

(2) Если преступление наказывается лишением свободы на срок, превышающий десять лет, выдается ордер на арест, если нет причин полагать на основании фактических доказательств, что основания для ареста, изложенные в пунктах 2–4 части 1, могут быть исключены.

(3) Арест и содержание под стражей не применяются, если они являются чрезмерными, исходя из значительности рассматриваемого дела (статья 5)».

66. Соответствующие части статьи 171 УПК Австрии, действовавшие во время рассматриваемых в жалобе событий, гласят:

«(1) Арест производится полицией на основании ордера, выданного прокуратурой и одобренного судом.

(2) Полиция может арестовать подозреваемого по своей инициативе:

1. в случаях, указанных в пункте 1 части 1 статьи 170, а также

2. в случаях, указанных в пунктах 2–4 части 1 статьи 170, если по причине непосредственной угрозы ордер, выданный прокуратурой, не может быть получен вовремя.

(3) В случае ареста на основании части 1 подозреваемому немедленно или в течение 24 часов после ареста вручается одобренный судом ордер на арест. В случае ареста на основании части 2 [подозреваемому направляется] письменное постановление полиции, раскрывающее причины подозрений в совершении преступления и основания для ареста. Более того, подозреваемый должен быть проинформирован в момент задержания или сразу после ареста, что он имеет право:

1. сообщить родственнику или другому доверенному лицу, а также адвокату о своем аресте самостоятельно или через третьих лиц;

2. в необходимых случаях ходатайствовать о назначении адвоката-защитника;

3. подавать заявления и жалобы на свой арест и требовать своего освобождения в любое время».

67. Соответствующие части статьи 173 УПК (содержащейся в главе под названием «Содержание под стражей до суда»), действовавшие во время рассматриваемых в жалобе событий, гласят:

«(1) Принятие решения о содержании под стражей, а также о продлении срока содержания под стражей возможно только по ходатайству прокуратуры и только если обвиняемый серьезно подозревается в совершении тяжкого преступления и он был допрошен судом по данному вопросу, а равно по вопросам условий заключения под стражу, и при наличии одного из оснований для содержания под стражей, указанных в части 2.

Такое решение не принимается и сроки не продлеваются, если такая мера является чрезмерной применительно к обстоятельствам дела или возможному наказанию либо если цели правосудия могут быть достигнуты более мягкими мерами (часть 5).

(2) Основания для содержания под стражей возникают, если согласно имеющимся фактам, находясь на свободе, подозреваемый может:

1. бежать или скрыться ввиду грозящей ему меры или строгости возможного наказания либо по другим причинам;

2. оказывать влияние на свидетелей, экспертов или соучастников, уничтожать доказательства совершенного преступления либо любым другим способом мешать установлению истины.

3. Несмотря на то, что в отношении [подозреваемого] проводится расследование по факту совершения преступления, предусматривающего срок лишения свободы, превышающий шесть месяцев,

a. он или она совершает преступление, повлекшее тяжкие последствия, направленное против тех же интересов, охраняемых законом, что и преступление, повлекшее тяжкие последствия, в котором он или она уже подозревается,

b. он или она совершает преступление, влекущее не только незначительные последствия, направленное против тех же самых охраняемых законом интересов, что и преступление, в котором он или она уже подозревается, если он или она ранее были осуждены или в настоящее время подозревается в неоднократном или продолжительном совершении таких преступлений,

c. он или она совершает преступление, которое наказывается лишением свободы на период более шести месяцев, направленное против тех же самых охраняемых законом интересов, что и преступление, в котором он или она уже подозревается, аналогичное тем, за которые он или она ранее уже были осуждены дважды, или

d. предпринимает попытку или демонстрирует угрозу совершения преступления, в которых он или она подозревается (пункт 5 части 1 статьи 74 УК Австрии).

(3) Риск совершения побега в любом случае не должен подразумеваться, если лицо, подозреваемое в совершении преступления, срок наказания за которое не превышает пяти лет лишения свободы, имеет стабильные жилищные условия и постоянно проживает в Австрии, только если это лицо не совершает приготовлений к побегу. При оценке возможности совершения подозреваемым преступления на основании пункта 3 части 2 наиболее веским основанием является возможность совершения лицом преступлений против жизни и здоровья, а также возможность совершения им преступлений в составе преступной группы или террористической организации. Кроме того, при оценке данного основания для ареста необходимо учитывать, до каких пределов подобный риск уменьшился с учетом изменившихся обстоятельств по сравнению с теми, при которых он или она совершили преступление.

/.../

(5) Более мягкие меры включают в себя, в частности:

1. обязательство [подозреваемого] не совершать побега и не скрываться от расследования и не покидать место жительства без разрешения прокуратуры до окончания производства по уголовному делу;

2. обязательство не пытаться препятствовать расследованию;

3. по делам о домашнем насилии (статья 38а Закона о полиции безопасности) – обязательство воздерживаться от каких-либо контактов с жертвой, а также выполнять любые указания не приближаться к определенному дому и прилегающей территории, либо требования действующего приказа об ограничениях и защите, выданного в порядке части 2 статьи 38а Закона о полиции безопасности, либо действующего временного запретительного приказа, выданного на основании статьи 382b Закона об исполнительном производстве, включая изъятие [у подозреваемого] всех ключей от дома.

4. указание проживать в определенном месте, с определенной семьей, не приближаться к определенным домам, местам или людям, воздерживаться от употребления алкоголя и других веществ, вызывающих зависимость, иметь постоянную работу;

5. указание сообщать о любой смене места жительства либо отмечаться с определенной периодичностью в органах полиции либо иных органах власти...».

68. В соответствии с частью 2 статьи 173 УПК Австрии фактические предположения о наличии оснований для заключения под стражу должны базироваться на «определенных фактах», вытекающих из каждого конкретного дела. Общего опыта для этого недостаточно (Решения Верховного суда Австрии RS0118185; 13 Os 146/11m, 11 Os 84/08z, 14 Os 5/08d, 15 Os 73/06h). В таких случаях должны учитываться не только внешние, но и так называемые «внутренние» факты; к таковым могут относиться характерные черты и особенности личности обвиняемого (см. JAB512 BlgNR12. GP, p. 9; Решения Верховного суда Австрии 11 Os 31/08f и 12 Os 7/10m). Например, «тот факт, что, основываясь на опыте, обвиняемые скрываются чаще, чем нет, и что обвиняемый, по всей вероятности, понесет суровое наказание в определенном деле», сам по себе не является достаточным основанием для предположения о высокой степени риска совершения побега (RV 39 BlgNR12. GP, p. 24). При оценке степени риска совершения преступления необходимо учитывать не просто вероятность, а конкретную возможность совершения преступления в будущем (Решения Верховного суда Австрии 14 Os 36/14x, 11 Os 119/03 и 13 Os 19/98; см. также Nimmervoll, *Strafverfahren*, 2nd edition, Chapter III, § 613).

69. Более мягкие меры (упомянутые в приведенных выше частях 1 и 5 статьи 173 УПК Австрии), поскольку они выходят за пределы приказов об ограничениях и защите, выданных на основании Закона о полиции безопасности, а также времен-

ных запретительных приказов, выданных на основании Закона об исполнительном производстве, могут применяться только после исследования оснований для досудебного содержания под стражей в порядке пунктов 1–3 части 2 статьи 173 УПК Австрии. Содержание под стражей может быть заменено более мягкими мерами только в случае, если после оценки их реалистичности они могут эффективно предотвратить возникновение оснований для содержания под стражей. В отличие от других процессуальных норм, которые не требуют негативного обоснования, решение об отказе в применении более мягких норм должно быть детально обосновано (пункт 4 части 3 статьи 173 УПК Австрии [см. Nimmervoll, *Strafverfahren*, 2nd edition, Chapter XI, § 635]; см. также Решение Верховного суда Австрии 11 Os 131/93).

70. Согласно статистике Федерального министерства юстиции Австрии (*Bundesministerium für Justiz*), в 2012 году решение о содержании под стражей до суда выносилось 8 640 раз. Из них в 470 случаях за совершение преступлений против свободы личности и в 389 случаях – за совершение преступлений против жизни и здоровья.

Е. Центры защиты от насилия (Gewaltschutzzentren)

71. Правовая помощь жертвам насилия оказывается официально уполномоченными Центрами защиты от насилия (см. выше статью 25 Закона о полиции безопасности, § 46). Эти центры являются специализированными организациями в области частного права, уполномоченными и финансируемыми правительством на основании договора, для оказания полномасштабной индивидуальной помощи жертвам домашнего насилия. В каждой федеральной земле (*Land*) есть свой Центр защиты от насилия, а в г. Вене существует Кризисный центр (*Interventionsstelle Wien*). Их главной задачей является защита жертв насилия и обеспечение их безопасности. Поддержка является бесплатной и конфиденциальной. Потерпевшие могут напрямую обращаться в эти Центры защиты от насилия. Если полиция выдает приказ об ограничениях и защите, центры устанавливают тесный контакт с потерпевшим(и).

72. Услуги, оказываемые Центрами защиты от насилия/Кризисным центром, включают в себя: помощь в защите и увеличении степени защищенности женщин и их детей, применение мер защиты и оценки рисков; информационную помощь и поддержку, особенно после вмешательства полиции; помощь в составлении и направлении в суд заявлений, а также в иных контактах с властями; сопровождение потерпевших во время полицейских или судебных заседаний; психологическую и правовую поддержку; при необходимости привлечение других организаций (убежища для женщин, женские и семейные консультационные цен-

тры, центры защиты детей, психотерапевты и т.д.); при необходимости оказание услуг на родном языке потерпевшего или привлечение переводчика.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Совет Европы

1. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы Res (2002)5 от 30 апреля 2002 г.

73. В Рекомендации о защите женщин от насилия Комитет Министров Совета Европы указал, *inter alia*, что государства-участники должны вводить, развивать и/или при необходимости улучшать внутригосударственную политику, направленную против насилия и основанную на максимальной безопасности и защите жертв [насилия], поддержке и помощи последним, внесении необходимых изменений в уголовное и гражданское законодательство, повышении информированности общества, подготовке профессионалов, занимающихся вопросами насилия в отношении женщин, а также профилактических мерах.

74. В отношении домашнего насилия Комитет Министров рекомендовал, чтобы в государствах-участниках все формы домашнего насилия квалифицировались как преступление, а также должна быть рассмотрена возможность принятия мер, которые, *inter alia*, давали бы возможность судам принимать временные меры, направленные на защиту потерпевших и на запрет предполагаемому виновному лицу вступать в контакт, общаться или приближаться к потерпевшему, а также проживать или приближаться к определенным местам. Также должно быть наказуемо любое нарушение ограничений, налагаемых на виновное лицо, и кроме того, разработан обязательный регламент, чтобы полиция, медицинские и социальные службы действовали в рамках одной процедуры.

2. Стамбульская конвенция

75. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция) была подписана Австрией 11 мая 2011 г., ратифицирована 14 ноября 2013 г. и вступила в силу в отношении Австрии 1 августа 2014 г. Стамбульская Конвенция включает в себя стандарты, выработанные в Рекомендации Комитета Министров Res (2002)5 для государств-участников о защите женщин от насилия.

76. Стамбульская конвенция определяет обязательство государств-участников Конвенции по принятию необходимых мер защиты женщин от любых форм насилия, а также по предотвращению, наказанию и искоренению насилия в отно-

шении женщин и домашнего насилия. В преамбуле Конвенции государства-участники признают «природу насилия в отношении женщин как насилия, основанного на гендерном неравенстве, а также тот факт, что насилие в отношении женщин является одним из главных социальных механизмов, благодаря использованию которых женщин заставляют занять подчиненное положение по сравнению с мужчинами». Далее они признают, что, хотя мужчина тоже может быть жертвой домашнего насилия, оно намного больше затрагивает женщин. Термин «женщина» включает в себя также девочек в возрасте до 18 лет (статья 3 Стамбульской конвенции). Более того, признается, что дети тоже могут быть жертвами домашнего насилия, в том числе как свидетели насилия в семье.

77. В статье 2 Стамбульской конвенции говорится, что она применяется при любых формах физической агрессии в отношении женщин, включая домашнее насилие, которое несоразмерным образом затрагивает женщин, но государства-участники могут применять ее положения ко всем видам домашнего насилия.

78. Статья 3 Стамбульской конвенции определяет понятие «насилие в отношении женщин» как

«...нарушение прав человека и форма дискриминации в отношении женщин и означает все акты насилия по гендерному признаку, которые приводят или могут привести к физическому, сексуальному, психологическому или экономическому ущербу или страданиям женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни».

79. В этой же статье «домашнее насилие» определяется как «акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва».

80. Во исполнение положений части 2 статьи 5 Стамбульской конвенции государства-участники обязуются принять необходимые законодательные и иные меры для проявления должной осмотрительности в вопросах предотвращения, расследования, наказания и выплаты компенсаций за акты насилия, подпадающие под действие Стамбульской конвенции, совершенные негосударственными субъектами.

81. Статья 15 Стамбульской конвенции подчеркивает важность обеспечения или усиления подготовки специалистов, работающих с жертвами домашнего насилия или виновными в нем лицами, по вопросам предупреждения и выявления фактов такого насилия, обеспечения равенства между мужчинами и женщинами, учета нужд и прав жертв насилия и предупреждения вторичной виктимизации.

82. Следующие положения Конвенции также имеют отношение к рассматриваемому делу:

Глава IV – Защита и поддержка

Статья 18 – Общие обязательства

«1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры по защите всех жертв от любых дальнейших актов насилия.

2. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры в соответствии со своим внутренним законодательством для обеспечения того, чтобы имелись соответствующие механизмы реализации эффективного сотрудничества между всеми соответствующими государственными учреждениями, включая судебную систему, прокуратуру, правоохранительные органы, местные и региональные органы власти, а также неправительственные организации и иные соответствующие организации и органы, в целях защиты и оказания поддержки жертвам и свидетелям всех форм насилия, подпадающих под сферу действия настоящей Конвенции, включая направление жертв в общие и специализированные службы поддержки, как это предусматривается в статьях 20 и 22 настоящей Конвенции...».

Глава VI – Расследование, судебное разбирательство, процессуальное право и меры защиты

Статья 49 – Общие обязательства

«1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы расследования и судебные разбирательства в отношении всех форм насилия, подпадающих под сферу действия настоящей Конвенции, осуществлялись без неоправданных задержек и при этом принимались во внимание права жертвы на всех этапах уголовного разбирательства.

2. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры в соответствии с основополагающими принципами прав человека и должным образом учитывая гендерное толкование насилия для обеспечения проведения эффективного расследования и уголовного преследования правонарушений, установленных в соответствии с настоящей Конвенцией».

Статья 50 – Немедленное реагирование, предупреждение и защита

«1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы ответственные правоохранительные учреждения реагировали на все формы насилия, подпадающие под сферу действия настоящей Конвенции, незамедлительно и должным образом благодаря предоставлению адекватной и неотложной защиты жертвам.

2. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы ответственные правоохранительные органы незамедлительно и соответствующим образом осуществляли предупреждение и защиту от всех форм насилия, подпадающих под сферу действия настоящей Конвенции, включая применение профилактических оперативных мер и сбор доказательств».

Статья 51 – Оценка риска и управление рисками

«1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы оценка летальности риска, серьезности ситуации и риска повторного совершения насилия осуществлялась всеми соответствующими органами власти для того, чтобы управлять рисками и, если необходимо, обеспечивать скоординированно безопасность и поддержку.

2. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы оценка, о которой говорится в пункте 1, должным образом учитывала на всех этапах расследования и применения мер защиты тот факт, что лица, совершающие акты насилия, подпадающие под сферу действия настоящей Конвенции, имеют огнестрельное оружие или имеют доступ к нему».

83. В отношении статьи 51 Стамбульской конвенции («Оценка риска и управление рисками») в Пояснительном докладе к Стамбульской конвенции говорится следующее:

«260. Забота о безопасности жертвы должна лежать в основе любого вмешательства в дела о любых формах насилия, подпадающих под действие настоящей Конвенции. Таким образом, данная статья устанавливает обязательства, гарантирующие, что соответствующие власти, не ограничиваясь только полицией, будут эффективно оценивать и разрабатывать план по управлению рисками безопасности, с которыми сталкивается конкретная жертва, отдельно для каждого случая, на основании единообразных процедур и в сотрудничестве и координации друг с другом. Многие лица, совершающие насилие, угрожают своим жертвам серьезными актами насилия, включая смерть, а также подвергали своих жертв серьезному насилию в прошлом. Поэтому представляется существенным, чтобы любая оценка риска и управление им учитывали возможность повторного совершения актов насилия, в частности, связанных с угрозой жизни, и были адекватны серьезности ситуации.

261. Целью данной нормы является создание эффективной команды специалистов из различных ведомств для защиты жертв с высокой степенью риска. Для достижения этой цели должна проводиться оценка риска, направленная на управление установленным риском путем разработки плана безопасности для конкретной жертвы в целях принятия скоординированных мер безопасности или предоставления поддержки в случае необходимости.

262. Однако необходимо обеспечить, чтобы любые меры, принимаемые для оценки и управления рисками возможного насилия, позволяли во всех случаях уважать права обвиняемого лица. В то же время чрезвычайно важно, чтобы такие меры не привели к увеличению вреда, понесенного жертвой, и чтобы расследование и судебные процедуры не привели к повторному преследованию.

263. Пункт 2 данной статьи устанавливает обязательство по обеспечению того, чтобы оценка риска, упомянутая в предыдущем параграфе,

должным образом учитывала достоверную информацию о владении лицом, совершающим насилие, огнестрельным оружием. Владение оружием лицами, совершающими насилие, не только является мощным средством установления контроля над жертвами, но и увеличивает риск совершения убийства...».

84. Статья 52 Стамбульской конвенции касается срочных запретительных приказов:

Статья 52 – Срочные запретительные приказы

«Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы компетентным органам власти предоставлялись полномочия отдавать приказы в ситуациях непосредственной опасности о том, чтобы лицо, совершающее акты домашнего насилия, покинуло место проживания жертвы или лица, в отношении которого существует риск, на достаточный период времени и для того, чтобы запрещать лицу, совершающему акты насилия, входить в место проживания или контактировать с жертвой или лицом, в отношении которого существует риск. Меры, принимаемые в соответствии с данной статьей, в качестве приоритета направлены на обеспечение безопасности жертв или лиц, находящихся в состоянии риска».

85. Пояснительный доклад (§ 264) указывает, что в ситуациях непосредственной угрозы наиболее эффективным способом гарантировать безопасность жертвы домашнего насилия является создание физической дистанции между жертвой и лицом, совершающим насилие. В ней разъясняется (§ 265), что под «непосредственной угрозой» в статье 52 Стамбульской конвенции понимаются любые ситуации домашнего насилия, когда причинение вреда неизбежно либо он уже был причинен и существует вероятность его повторного причинения.

86. Статья 53 Стамбульской конвенции касается приказов об ограничениях или защите:

Статья 53 – Приказы об ограничениях или защите

1. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы соответствующие приказы об ограничениях или защите отдавались в отношении жертв всех форм насилия, подпадающих под сферу действия настоящей Конвенции.

2. Стороны принимают необходимые законодательные или иные меры для обеспечения того, чтобы приказы об ограничениях или защите, о которых говорится в пункте 1:

- обеспечивались для непосредственной защиты и без неправомерных финансовых или административных обременений в отношении жертвы;
- выдавались на определенный период времени или пока они не изменены или отменены;
- при необходимости, выдавались на односторонней основе и вступали в силу незамедлительно;
- имелись независимо от других юридических процедур или в дополнение к ним;

– предоставляли возможность принятия таких приказов в последующих юридических процедурах...».

87. ГРЕВИО – это независимый экспертный орган, ответственный за мониторинг исполнения Стамбульской конвенции Сторонами. Она публикует доклады с оценкой законодательных и иных мер, принятых участниками для выполнения положений Конвенции. ГРЕВИО может также при необходимости давать общие рекомендации по темам и концепциям, касающимся Конвенции.

88. ГРЕВИО опубликовала свой первый основной оценочный доклад по Австрии 27 сентября 2017 г. В резюме доклада (стр. 6) «отмечается целый ряд положительных законодательных и политических мер, принятых в Австрии, и приветствуется длительная история политических мер в области насилия в отношении женщин. В частности, ГРЕВИО дает положительную оценку уверенным лидирующим позициям, которые Австрия занимала в последние 20 лет в вопросах внедрения срочных приказов об ограничениях и защите для жертв домашнего насилия. Сегодня эта система полностью сложилась и признана весьма успешной». В выводах также упоминается «ряд вопросов, требующих совершенствования в целях достижения более высокого уровня соблюдения требований Стамбульской конвенции».

В части, касающейся данного дела, в основном оценочном докладе говорится следующее:

«А. Немедленное реагирование, предупреждение и защита (Статья 50).

/.../

154. Отдельным вопросом, возникающим при расследовании дел о домашнем насилии, является вопрос о содержании под стражей до суда. Уголовно-процессуальное законодательство Австрии предусматривает три основания для содержания под стражей: (i) риск побега, (ii) риск преступного сговора или (iii) риск повторного совершения преступления, если ранее совершенное преступление наказывается лишением свободы на срок более шести месяцев. Информация, полученная ГРЕВИО, свидетельствует о том, что такая мера редко используется прокуратурой, так как она лишь в редких случаях считает какие-либо из приведенных выше оснований применимыми. Специальные службы, занимающиеся правовой помощью и поддержкой, однако, неоднократно указывали, что даже в случаях серьезных актов насилия и угроз, когда жизнь женщины и ее детей явно подвергалась риску, органы прокуратуры предпочитали полагаться скорее на (гражданско-правовой) приказ о защите для обеспечения их безопасности, чем принимать решение о содержании под стражей до суда. Вне зависимости от того, является ли это результатом чрезмерной уверенности в действенности срочных приказов об ограничениях и защите, недостатков системы оценки рисков для конкретных жертв или общего отношения к вопросам домашнего насилия и угрозам, возникающим в данном контексте, ГРЕВИО считает, что подобная практика должна быть пере-

осмыслена... Это действительно необходимо ввиду недавнего происшествия, приведшего к гибели женщины, на которую распространялось действие приказа об ограничениях и защите, и в котором не было принято решение о содержании под стражей, несмотря на неоднократные ходатайства Центра защиты от насилия, представлявшего интересы потерпевшей...

155. ГРЕВИО настоятельно рекомендует властям Австрии:

а. принять дальнейшие меры по улучшению сбора доказательств по делам о домашнем насилии, навязчивом преследовании, насильственном заключении брака, калечащих операциях на женских половых органах, изнасилованиях и насильственных действиях сексуального характера, с тем чтобы в меньшей степени полагаться на показания потерпевшей;

б. усилить меры оценки риска повторного совершения преступления по делам о домашнем насилии для более уместного применения мер в виде содержания под стражей в тех случаях, когда это необходимо.

/.../

В. Оценка риска и управление рисками (Статья 51)

170. Механизм оценки риска для использования его правоохранными органами был недавно разработан Федеральным министерством внутренних дел. Его целью является стандартизация процессов оценки риска по делам о домашнем насилии. Он был опробован в пилотном режиме в нескольких землях Австрии и в настоящее время готов к применению на всей территории страны. Кроме того, в некоторых частях Австрии внедрены процедуры или механизмы межведомственной оценки риска в форме регулярных совещаний или тематических конференций. Некоторые подразделения правоохранительных органов используют МКОР (Межведомственную конференцию по оценке рисков), в которой регулярно принимают участие представители различных ведомств. В федеральной земле Штирия оценка риска проводится главным образом Центрами защиты от насилия на основе DuRIAS (Системы оценки динамики риска). Эта компьютеризированная система высоко оценивается за тщательный подход, и правоохранные органы и органы прокуратуры относятся к ее результатам со всей серьезностью и часто принимают на ее основе решения о заключении под стражу.

С. Срочные запретительные приказы и приказы об ограничениях и защите (Статьи 52, 53)

171. С момента введения срочных запретительных приказов в 1997 году Австрия занимала лидирующие позиции в данной области... Более того, стандарты, установленные статьями 52 и 53 Конвенции, были в значительной степени вдохновлены австрийской моделью приказов об ограничениях и защите. ГРЕВИО приветствует эту роль Австрии и поздравляет власти Австрии с широкой сферой применения приказов об ограничениях и защите, включая использование срочных запретительных приказов в качестве профилактической меры, принимаемой правоохранными органами.

172. Существующая в настоящее время в Австрии система состоит из выдаваемых полицией двухнедельных приказов о запрете лицу, совершающему домашнее насилие, приближаться к месту жительства жертвы (жертв). В дополнение к этому по заявлению жертвы гражданским судом (отделением суда по семейным делам) может быть выдан приказ о защите на срок до 12 месяцев. Интересно, что эти запреты не являются запретами контактов вообще, а запрещают лицу, совершающему насилие, входить в определенные помещения. В результате процесс защиты привязан скорее к местам постоянного проживания жертв, чем к жертвам как таковым...

173. Привязка процесса защиты к месту, а не к человеку влечет за собой риск пробелов, присутствующих любому количественному подходу. Такие пробелы привели к трагическим событиям в прошлом, что побудило законодателей включить (в дополнении к жилищному) образовательные учреждения и детские сады в список мест, на которые распространяется запрет. ГРЕВИО, приветствуя политическую волю, направленную на ликвидацию существующих пробелов, считает, что наилучшим подходом является выдача общих приказов на запрет контактов.

/.../

176. Еще одним вопросом, который хочет поднять ГРЕВИО, является защита детей от домашнего насилия при помощи приказов об ограничениях и защите. До достижения возраста 14 лет они должны автоматически включаться в любой приказ об ограничениях и защите, запрещающий лицу, совершающему насилие, совместное проживание с семьей вне зависимости от того, пострадали ли они, прямо или косвенно, от такого насилия. Однако меры защиты, указанные в приказе об ограничениях, выданном в защиту их матери, не распространяются автоматически на школы и детские сады, которые посещают дети. Такое ограничение должно быть применено отдельно...».

89. В своем докладе по Австрии ГРЕВИО также отметила, что профессионалы в сфере права, в частности судьи и прокуроры, не получали первоначальной подготовки или подготовки без отрыва от работы по вопросам насилия над женщинами как формы гендерного насилия, и подчеркнула необходимость обратиться к решению данного вопроса. Поскольку качество расследования и собранные доказательства существенно влияют на уровень и исход уголовного преследования и количество обвинительных приговоров, ГРЕВИО в своем докладе по Австрии отметила слишком малое количество обвинительных приговоров по делам о насилии в отношении женщин, включая домашнее насилие, по сравнению с количеством заявлений о применении насилия в отношении женщин, что поднимает вопросы, касающиеся роли прокуратуры в контексте их обязанности проявлять должное усердие, как это определено в пункте 2 статьи 5 Стамбульской конвенции.

90. 1 сентября 2017 г. властями Австрийской Республики были направлены комментарии к основному докладу ГРЕВИО перед тем, как этот

доклад был опубликован. Относительно рекомендаций ГРЕВИО об усилении мер по оценке реальности риска рецидива по делам о домашнем насилии (§ 155 основного доклада – см. выше § 88) власти заявили следующее:

«Австрия признает необходимость дальнейшего улучшения системы оценки риска рецидива по делам о домашнем насилии и хотела бы обратить внимание на следующие меры:

Министерством внутренних дел в настоящее время разрабатывается стандартизированный механизм оценки риска, который будет применяться сотрудниками правоохранительных органов на всей территории Австрии. Результаты такой оценки будут доступны прокурору, отвечающему за данные вопросы.

Кроме того, Министерство юстиции в настоящее время анализирует недавнее дело, упомянутое в § 154 [основного доклада ГРЕВИО по Австрии]... и оценивает практику содержания под стражей до суда. В дополнение к этому в результате встречи с представителями Центров защиты от насилия, представителями полиции, прокуратуры г. Вены и Генеральной прокуратуры г. Вены в Министерстве юстиции 20 апреля 2017 г. было достигнуто соглашение об улучшении обмена информацией и связей между Центрами защиты от насилия, полицией и прокуратурой по вопросам оценки риска рецидива с целью обеспечения обратной связи по результатам оценки рисков, проведенной Центрами защиты от насилия, и попытке выработать общее понимание факторов риска рецидива на основе показателей, разработанных Центрами защиты от насилия...».

В. Организация Объединенных Наций

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

91. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году. В 1992 году Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Комитет CEDAW) принял Общую рекомендацию № 19 по вопросам насилия в отношении женщин¹. Австрия ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 31 марта 1982 г. и Факультативный Протокол к Конвенции 6 сентября 2000 г.

92. В Решении Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по делу «Шахиде Гекче против Австрии» (*Şahide Goekce v. Austria*) от 6 августа 2007 г. CEDAW/C/39/D/5/2005), касавшемся убийства госпожи Гекче мужем на глазах двоих дочерей, Комитет установил, что Государство-участник не выполнило свои обяза-

тельства в части должной осмотрительности при попытке защитить Шахиде Гекче, так как полиция не смогла незамедлительно отреагировать на ее экстренный звонок с сообщением об опасности за несколько часов до убийства. Тем самым власти Австрии нарушили право покойной госпожи Гекче на жизнь и физическую и психическую неприкосновенность на основании подпунктов «a», «c»–«f» статьи 2 и статьи 3 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин во взаимосвязи со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Общей рекомендацией № 19 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин. В дополнение Комитет дал следующие комментарии по вопросу о том, почему прокурор не должен был дважды отказывать в ходатайствах полиции о заключении господина Гекче под стражу:

«12.1.5. Хотя Государство-участник справедливо утверждает, что в каждом случае необходимо определять, не является ли содержание под стражей несоразмерным нарушением основных прав и фундаментальных свобод лица, совершившего насилие, таких как право на свободу передвижения и право на справедливое судебное разбирательство, Комитет придерживается мнения... что права лица, совершающего насилие, не могут преобладать над правом женщины на жизнь и физическую и психическую неприкосновенность...».

93. 30 июля 2019 г. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин выпустил «Заключительные замечания по девятому периодическому докладу Австрии» (CEDAW/C/AUT/CO/9). Касательно «гендерного насилия в отношении женщин» Комитет выступил со следующими замечаниями и рекомендациями:

«22. Комитет приветствует принятие государством-участником Закона о защите от насилия и создание Межминистерской рабочей группы по защите женщин от насилия. Однако Комитет выражает озабоченность по следующим вопросам:

(a) Большое количество убийств женщин в Государстве-участнике и отсутствие полной и обновленной статистики по данному явлению;

(b) Занижение данных о фактах домашнего насилия в отношении женщин, а также низкий процент уголовных дел и обвинительных приговоров, что порождает безнаказанность лиц, совершающих насилие...

/.../

23. Основываясь на соответствующих положениях Конвенции и Общей рекомендации № 35 (от 2017 года) о гендерном насилии в отношении женщин, Комитет рекомендует Государству-участнику...

/.../

(b) проводить мониторинг и оценку степени реагирования полиции и судебных органов по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, а также ввести обязатель-

¹ В 2017 году Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин принял Общую рекомендацию № 35 по гендерному насилию в отношении женщин, обновив тем самым Общую рекомендацию № 19 (примеч. редактора).

ные требования, направленные на наращивание потенциала в работе судей, прокуроров, сотрудников полиции и других правоохранительных органов в части строгого применения норм уголовного закона по вопросам гендерного насилия в отношении женщин и учета гендерных факторов при проведении расследования...

/.../

(d) усилить меры защиты и помощи женщинам, являющимся жертвами гендерного насилия, в том числе увеличить вместимость временных убежищ, обеспечить их всем необходимым, а также обеспечить доступность таких убежищ на всей территории Государства-участника; кроме того, усилить финансовую поддержку и сотрудничество с неправительственными организациями, предоставляющими убежище и услуги по реабилитации жертв...».

2. Конвенция о правах ребенка

94. Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., ратифицированная Австрией 6 августа 1992 г., также признает право на защиту детей от домашнего насилия и призывает государства-участники разработать соответствующие процедуры и механизмы, позволяющие решить данную проблему:

Статья 19

«1. Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

2. Такие меры защиты, в случае необходимости, включают эффективные процедуры для разработки социальных программ с целью предоставления необходимой поддержки ребенку и лицам, которые о нем заботятся, а также для осуществления других форм предупреждения и выявления, сообщения, передачи на рассмотрение, расследования, лечения и последующих мер в связи со случаями жестокого обращения с ребенком, указанными выше, а также, в случае необходимости, для возбуждения судебной процедуры».

III. ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

95. 8 декабря 2008 г. Совет Европейского союза (ЕС) принял Методические рекомендации по вопросам насилия в отношении женщин и девочек. Документ описывает насилие в отношении женщин как одно из главных нарушений прав человека в настоящее время и напоминает государствам-членам об их двойной ответственности за предотвращение и реагирование на факты насилия в отношении женщин и девочек.

96. В Методических рекомендациях ЕС по вопросам насилия в отношении женщин и девочек также отмечается следующее:

«3. ...ЕС вновь напоминает о трех неразрывных целях борьбы с насилием в отношении женщин: предотвращение насилия, защита и поддержка жертв и наказание лиц, совершающих подобное насилие.

/.../

3.1.14. ЕС подчеркивает, что государствам необходимо обеспечить наказуемость насилия в отношении женщин по закону, а также принимать меры к тому, чтобы лица, совершающие насилие в отношении женщин, привлекались к ответственности в судебном порядке. Государства должны, в частности, расследовать факты насилия в отношении женщин и девочек быстро, тщательно, беспристрастно и ответственно, а также принять меры в рамках системы уголовной юстиции, в частности, процессуального права и процедур доказывания, которые поощряли бы женщин давать показания и гарантировали их защиту в ходе уголовного преследования лиц, совершивших насилие в отношении них, в частности, давали бы возможность им или их представителям заявлять гражданские иски. Борьба с безнаказанностью также включает в себя такие меры, как подготовка сотрудников полиции и других правоохранительных органов, правовая помощь и другая необходимая защита жертв и свидетелей, а также создание условий, при которых жертва больше не будет экономически зависимой от лица, совершающего насилие».

97. Согласно публикации «Насилие в отношении женщин: общеевропейский опрос», содержащей результаты опроса, проведенного Агентством ЕС по основным правам (FRA) в марте-сентябре 2012 года (опубликован в 2014 году) на основе собеседований с 42 000 женщин из 28 государств – членом ЕС,

«...каждая десятая женщина старше 15 лет испытала на себе ту или иную форму сексуального насилия, а каждая двадцатая была изнасилована. Чуть более одной пятой женщин подвергались каким-либо формам физического и/или сексуального насилия со стороны нынешнего или бывшего партнера, а чуть более 10 опрошенных утверждают, что подвергались тем или иным формам сексуального насилия со стороны взрослых до достижения ими возраста 15 лет. Однако в качестве иллюстрации, только 14% женщин сообщили о наиболее серьезных случаях насилия со стороны полового партнера в полицию и 13% женщин заявили в полицию о серьезных случаях насилия со стороны лица, не являющегося половым партнером».

98. Что касается Австрии, то в опросе, в частности, говорится, что 13% австрийских женщин сообщили, что подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны партнера, в то же время 38% австрийских женщин сообщили, что подвергались тем или иным формам психологического насилия со стороны партнера. Для 8% женщин Австрии психологическое насилие было сопряжено с угрозами или фактическими действиями партнера, наносящими вред детям.

IV. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

99. Согласно данным сравнительного правоведения, имеющимся в распоряжении Европейского Суда и включающим в себя данные по законодательству сорока двух государств – членов Совета Европы (Албании, Андорры, Армении, Азербайджана, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Хорватии, Чешской Республики, Эстонии, Финляндии, Франции, Грузии, Германии, Греции, Венгрии, Исландии, Ирландии, Италии, Латвии, Лихтенштейна, Литвы, Люксембурга, Монако, Черногории, Нидерландов, Северной Македонии, Норвегии, Польши, Португалии, Республики Молдова, Румынии, Российской Федерации, Сан-Марино, Сербии, Словацкой Республики, Словении, Испании, Швейцарии, Турции, Украины и Соединенного Королевства), во всех опрошенных государствах имеется ряд защитных и/или предупредительных мер, установленных в различных правовых нормах (уголовном, гражданском и/или административном праве), применяемых в контексте домашнего насилия. В двадцати восьми государствах-членах приняты специальные законы о домашнем насилии. Основной защитной/профилактической мерой являются запретительные приказы и/или защитные приказы. Другие профилактические/защитные меры включают в себя размещение жертв насилия и членов их семей во временных убежищах (четынадцать государств-членов), специальные меры, направленные на обучение лиц, совершающих насилие, ненасильственному поведению (семь государств-членов), и запрет на ношение оружия (семь государств-членов).

100. В двадцати девяти государствах-членах упоминаются специальные защитные и/или профилактические меры в отношении детей в контексте домашнего насилия. Данные меры включают в себя возможность ограничения или лишения родительских прав и/или помещения детей в приемную семью (двадцать три государства-участника) либо ограничение контактов детей с лицами, совершающими насилие (семнадцать государств-членов). В двенадцати государствах-членах защитные/профилактические меры в интересах детей включают в себя ограничение контактов с детьми жертвы в определенных географических точках, например в школах. Дети и их законные интересы учитываются при оценке риска во всех опрошенных государствах-членах.

101. Когда власти сталкиваются с ситуацией домашнего насилия, во всех опрошенных государствах-членах проводится та или иная оценка риска, чтобы определить, может ли жертва подвергнуться дальнейшим актам насилия. В большинстве опрошенных государств-членов такая оценка проводится главным образом полицией, часто совместно с судебными органами и социальными службами. В пяти государствах-членах оценка риска прово-

дится исключительно судьями. По меньшей мере двенадцать государств-членов применяют общие стандарты оценки риска. Стандарты, специально разработанные для использования в делах о домашнем насилии, применяются в двадцати шести государствах-членах. В этой связи некоторые государства-участники используют международные стандарты, такие как Оценка риска супружеского насилия (SARA) и Система анализа динамики риска (DyRiAs). Иные же государства, по-видимому, разрабатывают свои собственные детализированные стандарты оценки рисков.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

102. Ссылаясь на статьи 2, 3 и 8 Конвенции, заявительница жаловалась на то, что, во-первых, власти Австрии не смогли защитить ее и ее детей от насилия со стороны ее мужа. Она подчеркнула, что недвусмысленно указала в заявлении в полицию, что опасается за жизнь своих детей. Тем не менее, в полицейском рапорте они не были упомянуты в качестве лиц, которые находятся в опасности. Власти государства-ответчика располагали всей необходимой информацией для того, чтобы быть осведомленными о существовании повышенного риска дальнейшего насилия со стороны Е. в отношении своей семьи, однако они не сумели принять эффективных профилактических мер. Она настаивала на заключении под стражу до суда.

103. Во-вторых, заявительница жаловалась на то, что предусмотренные законом меры защиты в контексте домашнего насилия были недостаточными, так как в рассматриваемое время действие приказа об ограничениях и защите не могло быть распространено на школу, вследствие чего дети, находясь в школе, остались без защиты. Это представляло собой небрежное бездействие, которое само по себе нарушает статью 2 Конвенции.

104. Принимая во внимание существующую судебную практику и характер жалобы заявительницы, Европейский Суд, будучи уполномоченным давать юридическую характеристику фактов, изложенных в деле, считает, что вопросы, поднятые в настоящем деле, должны быть исследованы исключительно с точки зрения материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции (для сравнения см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес ди Оливейра против Португалии» (Fernandes de Oliveira v. Portugal) от 31 января 2019 г., жалоба № 78103/14, § 81; см. также § 49 Постановления Палаты по настоящему делу). Статья 2 в соответствующей части гласит:

«Право каждого лица на жизнь охраняется законом...».

А. Предварительные возражения властей государства-ответчика

1. Доводы сторон

105. Власти государства-ответчика повторили возражения, ранее представленные в ходе разбирательства в Палате (см. § 51 Постановления Палаты по настоящему делу). Они заявили, что жалоба заявительницы на предположительную недостаточность законодательной базы в вопросе защиты ее детей является неприемлемой для рассмотрения по существу ввиду неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Хотя действительно в рассматриваемое время действие приказа об ограничениях и защите, выданного полицией, не могло быть распространено на территорию школы, заявительнице была доступна возможность обратиться в компетентный окружной суд за получением временного запретительного приказа в порядке статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве (см. выше § 54 *et seq.*). Такой приказ мог бы быть эффективным средством защиты, способным предотвратить любую угрозу на территории школы, где учились дети заявительницы. Такое заявление могло быть подано в соответствующий окружной суд в любой рабочий день в установленные часы работы. Особенностью такого приказа является то, что он должен быть выдан сразу. В Законе Австрии об исполнительном производстве содержится специальное разрешение судам при выдаче временного запретительного приказа не проводить заседания с участием ответчика, если «существует непосредственная угроза вновь подвергнуться опасности со стороны лица, представляющего угрозу» (часть 1 статьи 382c Закона об исполнительном производстве; см. также выше § 58).

106. Власти представили статистические данные за 2012 год, согласно которым 170 заявлений о выдаче временных запретительных приказов было рассмотрено в день обращения, 117 из них удовлетворены. Из 180 заявлений, рассмотренных на следующий день после обращения, было удовлетворено 126. 132 заявления были рассмотрены в течение двух дней с момента обращения, из них удовлетворено 87. Поэтому власти государства-ответчика пришли к заключению, что, несмотря на выводы, сделанные Палатой (см. ниже § 108), было на самом деле возможно получить временный запретительный приказ в достаточно короткое время после обращения. Следовательно, сама заявительница не использовала всех эффективных национальных средств правовой защиты.

107. Заявительница утверждала, что она исчерпала все доступные внутригосударственные средства правовой защиты как формально (подав исковое заявление об установлении ответственности должностных лиц, поддерживая его вплоть до разбирательства в Верховном суде), так и по сути (при-

ведя все те же доводы в своих обращениях в национальные суды, что также были заявлены в жалобе в Европейский Суд). В частности, она не была обязана дополнительно подавать в окружной суд заявление о получении временного запретительного приказа, который бы охватывал территорию школы, где учились ее дети, на основании статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве. Принимая во внимание, что окружной суд был вправе рассматривать такие заявления в течение четырех недель, данную меру нельзя считать эффективной для целей немедленного обеспечения безопасности ее детей. Если бы даже она обратилась за получением временного запретительного приказа в окружной суд в день подачи заявления о расторжении брака, суд, вероятно, не успел бы рассмотреть заявление в течение трех дней, а именно через три дня и был убит ее сын. Кроме того, судья того суда, куда она подавала заявление о расторжении брака, не сообщил ей о такой возможности, несмотря на ее заявления о насилии и угрозах со стороны ее мужа.

2. Обстоятельства, установленные Палатой

108. Палата сочла, что заявление, подаваемое в порядке статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве, не могло бы обеспечить заявительнице и ее детям необходимую немедленную защиту. Ее также не убедили доводы о том, что такое заявление могло быть эффективным средством против потенциального риска в настоящем деле, поэтому возражения властей государства-ответчика были отклонены.

3. Мнение Европейского Суда

109. Большая Палата полагает, что основной вопрос, высказанный в предварительных возражениях властей государства-ответчика, состоит в том, сумела ли заявительница в связи с предполагаемыми недостатками законодательной базы, как указано в ее жалобе, воспользоваться всеми средствами, предоставленными ей национальным законодательством, в частности теми, которые закреплены в статьях 382b и 382e Закона об исполнительном производстве. Придерживаясь иного подхода, чем тот, что был утвержден Палатой, Большая Палата считает, что предварительные возражения властей государства-ответчика не относятся исключительно к вопросу исчерпания национальных средств правовой защиты, так как целью рассматриваемых правовых норм является недопущение причинения вреда в будущем, а не исправление последствий уже причиненного вреда. Поэтому Большая Палата находит, что этот вопрос неразрывно связан с вопросом о достаточности существовавшей законодательной базы для обеспечения надлежащей защиты заявительницы и ее детей от домашнего насилия, а также с вопросом об обя-

занности властей государства-ответчика проявлять должную осмотрительность. Соответственно, Европейский Суд относит данный вопрос к рассмотрению дела по существу и будет рассматривать его в рамках статьи 2 Конвенции (см., среди прочих, Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), жалоба № 33401/02, § 116, ECHR 2009).

В. Постановление Палаты

110. Палата единогласно постановила, что не нашла каких-либо нарушений статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

111. Сначала Палата рассмотрела жалобу заявительницы, касающуюся позитивных обязательств государства по принятию оперативных профилактических мер для защиты жизни ее сына. Палата согласилась с властями государства-ответчика в том, что по имеющейся у них на тот момент информации, рассматриваемой в совокупности, у властей государства-ответчика имелось основание полагать, что выданного приказа об ограничениях и защите, распространяющего свое действие на жилище заявительницы и ее родителей, а также прилегающие территории, было достаточно для защиты жизни заявительницы, а также жизнью А. и Б. Реальность и непосредственность риска совершения убийства, планировавшегося Е., на тот момент установить было невозможно.

112. Далее, что касается жалобы на недостаточность законодательной базы, позволявшей бы распространять действие приказа об ограничениях и защите на школы и детские сады, Палата дала этим доводам оценку, как указано выше, в том смысле, что на основании фактов, известных властям государства-ответчика, какая-либо угроза жизни сына заявительницы во время его нахождения в школе отсутствовала.

113. Палата пришла к заключению, что компетентные органы власти государства-ответчика не нарушили своих позитивных обязательств по защите жизни сына заявительницы.

С. Доводы сторон

1. Доводы заявительницы

114. Заявительница утверждает, что власти государства-ответчика не сумели выполнить свои позитивные обязательства по защите жизни ее сына в соответствии со статьей 2 Конвенции.

115. Заявительница утверждала, что принципы, установленные Европейским Судом в его Постановлении по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII, относятся к случайным происшествиям, тогда как она подвергалась длительно-

ся во времени насилию в семье, что типично для случаев домашнего насилия. Адекватная оценка риска в таких случаях предусматривала учет общего опыта и эмпирических данных, а также динамику домашнего насилия, чтобы иметь возможность прогнозировать потенциальную будущую угрозу. В большинстве случаев домашнее насилие было длительным и обострялось с течением времени. Следовательно, требовался подход, учитывающий контекст и конкретные обстоятельства («прямой и непосредственный риск... с учетом конкретных обстоятельств домашнего насилия»), как было указано Европейским Судом в его Постановлении по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*) от 2 марта 2017 г., жалоба № 41237/14; а также в Постановлении по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*) от 9 июля 2019 г., жалоба № 41261/17¹.

116. По вопросу о том, должны ли власти государства-ответчика были знать о риске для жизни ее сына, заявительница утверждала, что в своем заявлении в полицию она упомянула не только о насильственных действиях и угрозах ее мужа в отношении нее, но и о том, что она считала, что жизнь ее детей также находится в опасности. Это было очевидно, так как Е. угрожал убить детей на ее глазах, а также из того, что Е. признался, что шлепал их. Она особо подчеркнула, что защита детей явилась главным мотивом ее обращения в полицию. Несмотря на это, в приказе об ограничениях и защите дети не были упомянуты как «лица, находящиеся в опасности» по смыслу статьи 38а Закона о полиции безопасности. Усилия властей государства-ответчика были сосредоточены на защите заявительницы, не принимая во внимание риск для ее детей. Более того, в полиции никогда специально не интересовались у нее, имел ли ее муж доступ к оружию. Если бы ее спросили, она бы сказала, что муж неоднократно повторял, что ему легко достать оружие, «достаточно один раз позвонить».

117. Заявительница вновь повторила, что во время подачи заявления о преступлении в полицию она говорила о многих факторах риска, а именно о предыдущей судимости ее мужа (за преступления против тех же охраняемых законом интересов – за угрозы и телесные повреждения) в 2010 году; о повторном возникновении у него игровой зависимости в 2012 году, и, как следствие, росте агрессивности; его отказе принять ее желание расторгнуть брак и, как результат, ее страхе, что он приведет свои угрозы в исполнение; его отрицании и легком отношении к насилию; увеличении частоты и интенсивности актов насилия, вылившихся в изнасилование. Заявительница указала, что полиция отдельно упомянула некоторые из этих признаков возрас-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 4 (примеч. редактора).

тания риска в приказе об ограничениях и защите от 2012 года, а также была поставлена в известность о насилии в отношении детей. Расставание с мужем, в частности, должно было быть признано фактором высокого риска не только на основании общих данных о домашнем насилии, но и в связи с угрозами убийством, которые Е. все время высказывал в связи с желанием заявительницы расторгнуть с ним брак.

118. Заявительница подчеркнула, что она, таким образом, проинформировала власти государства-ответчика обо всех существенных факторах, которые должны были позволить им обнаружить высокую степень риска, которую ее муж представлял для нее и ее детей. Несмотря на это, власти государства-ответчика не сумели принять необходимых мер для устранения этого риска, в частности, не заключили Е. под стражу до суда в связи с существовавшей непосредственной угрозой совершения нового преступления (часть 2 статьи 173 УПК Австрии; см. выше § 67). Однако наличие повышенного риска не было признано властями государства-ответчика, что привело к убийству ее сына. Заявительница утверждала, что общеизвестным является тот факт, что домашнее насилие никогда не является однократным инцидентом. До тех пор, пока лицо, совершающее насилие, не будет надежно изолировано от своих жертв, сохраняется риск, что насилие повторится. Исследования домашнего насилия показывают, что дети всегда соприкасаются с насилием, происходящим в семье. Насилие со стороны партнера никогда не ограничивается непосредственной жертвой, поэтому необходимо принимать аналогичные меры по защите детей, особенно если дети сами уже непосредственно подвергались насилию или были объектом угрозы убийством, как это было в деле заявительницы.

119. Заявительница утверждала, что власти государства-ответчика не приняли во внимание особый контекст домашнего насилия, как того требует наработанная Европейским Судом практика, начиная с упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*). Ими был сделан значительный упор на то, что она подала заявление об изнасиловании только через три дня после происшествия, расценив это как фактор, смягчающий риск. Однако после многих лет домашнего насилия заявительница сильно опасалась действовать решительно. Именно конкретные обстоятельства домашнего насилия в семье заявительницы не позволяли обвинять ее в нерешительности. Женщины, подвергающиеся насилию, часто проявляют двойственное отношение к лицу, его совершающему. Эмоциональная привязанность, надежда на перемены, но, главное, постоянный страх могут являться причинами такой двойственности, влияющими на отношение женщины к уголовно-

му преследованию виновного лица. Одним из возможных последствий этого явилось запоздалое обращение заявительницы в полицию. Но это же, в свою очередь, возлагало особые требования на правоохранительные органы при рассмотрении дел о домашнем насилии. Таким образом, не следует перекладывать ответственность за принятие необходимых оперативных мер с правоохранительных органов на жертву.

120. Заявительница утверждала, что ни сотрудники полиции, ни прокурор при принятии решения о неотложных мерах не пользовались разработанным для дел о домашнем насилии механизмом оценки риска, несмотря на то что первый такой тест был разработан Жаклин Кэмпбелл в 1986 году, и с тех пор инструменты оценки риска широко использовались правоохранительными органами, адвокатами и специалистами по здравоохранению на протяжении последующих двадцати пяти лет. Хотя в рапорте полиции от 22 мая 2012 г. о выдаче приказа об ограничениях и защите были перечислены некоторые факторы риска, это было сделано бессистемно, а также отсутствовала методика их оценки при принятии окончательного решения по выдаче приказа об ограничениях и защите. Прокуроры также не пользовались какими-либо механизмами оценки риска при принятии решения о том, должно ли лицо, совершившее насилие, быть заключено под стражу до суда.

121. Заявительница настаивала на том, что приказ Министерства юстиции от 3 апреля 2019 г. (см. выше § 63) показал, что в 2012 году направление органами полиции сведений о выдаче приказов об ограничениях и защите в прокуратуру не являлось стандартной процедурой, как и не являлось таковой для этих органов власти использование механизма оценки риска.

122. Тот факт, что стандартизированные механизмы оценки риска все еще не используются в работе властей Австрии, широко критиковался группой наблюдателей, созданной приказом Федерального министерства внутренних дел после большого числа убийств женщин в начале 2019 года. Эта группа состояла из сотрудников полиции, судебно-медицинских экспертов (психологов) и представителей Института уголовного права и криминологии Венского университета и проводила оценку всех дел об убийствах или покушениях на убийства за период с 1 января 2018 г. по 25 января 2019 г. Главной из ее рекомендаций было утверждение механизма оценки риска для использования правоохранительными органами по делам о домашнем насилии.

123. Заявительница настаивала, что законодательная база, существовавшая на момент рассмотрения в жалобе событий, не была достаточной для защиты ее и ее детей от актов насилия со стороны Е., в частности, из-за невозможности распространить действие приказа об ограничениях

и защите на школу, где учились дети. Временный запретительный приказ, предусмотренный статьей 382е Закона об исполнительном производстве, не мог быть выдан в необходимое время, так как в распоряжении соответствующих судов было до четырех недель на рассмотрение такого заявления. Заявительница далее утверждала, что судья окружного суда, куда она обратилась с иском о расторжении брака 22 мая 2012 г., не сообщил ей о такой возможности, хотя из ее заявлений должно было быть понятно, что существовала острая необходимость в защите.

124. Кроме того, заявительница указала, что в рассматриваемое время отсутствовал закон об обязательном уведомлении Агентства по защите детей и молодежи (YWO) после того, как выдавался приказ об ограничениях и защите, так как соответствующая статья Гражданского кодекса Австрии (статья 211) вступила в силу только 1 февраля 2013 г. (см. выше § 60).

2. Доводы властей

125. Власти Австрии считают, что ими были выполнены позитивные обязательства, вытекающие из статьи 2 Конвенции. Они подчеркнули, что объем таких позитивных обязательств должен толковаться таким образом, чтобы не возлагать непосильное или неразумное бремя на власти государства-участника (власти привели для сравнения упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 116; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Oruz v. Turkey*), § 129; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 101), а также учитывать конкурирующие права, вытекающие из статьи 5, пункта 2 статьи 6 и статьи 8 Конвенции.

126. Власти государства-ответчика утверждали, что в деле заявительницы они действовали без промедления и исполнили свои обязательства в рамках статьи 2 Конвенции наилучшим образом. У них не было информации, из которой они могли бы заключить, что имеется прямая и непосредственная угроза жизни детей заявительницы, почему они и не были упомянуты в полицейском рапорте о приказе об ограничениях и защите как «лица, находящиеся в опасности». Тем не менее приказ об ограничениях и защите был выдан в интересах защиты не только заявительницы, но и ее детей, что следует из обоснования включения в него места жительства родителей заявительницы с формулировкой «поскольку она и ее дети находятся там». Заявительница в своем заявлении в полицию от 22 мая 2012 г. впервые упомянула, что муж также бил детей и высказывал угрозы убить их с марта 2012 года. До этого заявления в полицию муж зая-

вительницы попадал в поле зрения органов полиции и прокуратуры в этом отношении только один раз – в связи с жестоким обращением с заявительницей за два года до рассматриваемых событий. В течение следующих двух лет после этого заявления в полицию ни о каких фактах правонарушений со стороны ее мужа властям государства-ответчика известно не было. Специфические особенности домашнего насилия также были учтены. Муж не только соблюдал требования приказа об ограничениях и защите в 2010 году, но впоследствии по своей инициативе обратился в медицинскую организацию, чтобы лечиться от психологических проблем. Таким образом, у полиции были все основания полагать, что и в 2012 году он будет вновь выполнять требования приказа.

127. Власти настаивали на том, что заявительница и сама лишь со временем начала осознавать угрозу, которую представлял ее муж для детей. У нее ушло три дня с момента обострения конфликта в субботу 19 мая 2012 г. на то, чтобы обратиться с заявлением о расторжении брака и подать заявление в полицию. Впоследствии, 25 мая 2012 г., она подтвердила полиции, что после выдачи приказа об ограничениях и защите она согласилась разрешить Е. продолжать общаться с детьми, но только в присутствии отца заявительницы. Заявительница не стала обращаться за получением временного запретительного приказа, в который могли бы быть включены другие места, кроме ее дома и прилегающей территории. Она также не планировала сообщать о проблемах учителям ее детей до 26 мая 2012 г. – как показали дальнейшие события, это был следующий день после нападения на ее сына. Даже несмотря на то, что, по ее словам, она видела мужа перед школой утром незадолго до совершения им преступления, она не стала немедленно сообщать о каком-либо риске учителю.

128. Власти государства-ответчика настаивали на том, что в их распоряжении, как выяснилось впоследствии, было очень мало фактов, позволяющих оценить степень возможной угрозы, исходящей от мужа. Во время допроса в день [подачи заявления об изнасиловании] муж выглядел спокойным, выражал готовность сотрудничать; гинекологический осмотр заявительницы также не выявил следов изнасилования. Ввиду того что заявительница обратилась в полицию лишь спустя три дня после происшествия (хотя такие заявления принимаются круглосуточно), а также в связи с тем, что в заявлении говорилось о насилии только в отношении нее, а не детей, прокурор не был обязан предполагать, что налицо ситуация острой опасности, как указывается в пункте 4 части 1 статьи 170 § 1 УПК (см. выше § 65). Заявительница провела весь этот промежуток времени с супругом в их общем доме. Согласно показаниям заявительницы, каких-либо новых случаев жестокого обращения со стороны мужа за эти три

дня также не было. Кроме того, факты, указанные заявительницей, имели место только в домашней обстановке; не было, следовательно, каких-либо указаний на то, что возможно совершение преступления в общественных местах, таких как школа, где учились дети. Поэтому невозможно было предвидеть, что муж будет стрелять в своего сына в школе.

129. Власти государства-ответчика утверждали, что существовал контрольный список шагов, которые сотрудники полиции должны были предпринимать в случаях вмешательства в порядке статьи 38а Закона о полиции безопасности, которые включали фиксирование определенных факторов риска, таких как опасные угрозы либо иные преступные деяния, владение оружием, злоупотребление наркотиками или алкоголем, психологическое и эмоциональное состояние лица, представляющего угрозу. Полиция была обязана фиксировать любые признаки непосредственной угрозы нападения, а также любые признаки увеличения степени опасности лица, совершившего насилие. Любые травмы, нанесенные жертве, должны документироваться в письменном виде и фотографироваться; это же касалось любого ущерба, нанесенного одежде или жилищу жертвы. Этот контрольный список использовался полицией в деле заявительницы.

130. Власти утверждали, что прокуратура, рассматривая вопрос о заключении Е. под стражу, проводила оценку риска для заявительницы и двух ее детей. Хотя это не было сделано в точном соответствии с упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), были рассмотрены все существенные обстоятельства, касающиеся оценки серьезности подозрений и оснований для содержания под стражей и, в частности, риска совершения новых преступлений. Последнее основание само по себе требовало оценки риска. Поскольку статья 5 Конвенции и соответствующая судебная практика допускали ограничение прав на свободу и безопасность только в качестве крайней меры (власти привели в пример Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*) от 29 января 2008 г., жалоба № 13229/03, § 79, с последующими ссылками), содержание под стражей являлось законным только при наличии соответствующих обстоятельствам серьезных подозрений. Однако после выдачи приказа об ограничении и защите в распоряжении полиции и прокуратуры не было данных, которые могли бы служить основанием для такого подозрения. Власти государства-ответчика настаивали на том, что, прокурор, анализируя известные ему в то время факты, имел все основания полагать, что муж не представляет собой реальной и непосредственной угрозы, во всяком случае, для детей и что при-

каза об ограничениях и защите, выданного и контролируемого полицией в качестве более мягкой меры, будет достаточно для защиты заявительницы и ее детей. С точки зрения *ex ante*, все возможности, имеющиеся в распоряжении властей и суда (быстрое расследование с целью оценки ситуации, включая опрос заявительницы, Е. и детей, и выдача приказа об ограничениях и защите в порядке статьи 38а Закона о полиции безопасности), были таким образом исчерпаны. По оценке всех трех прокуроров, участвовавших в деле, эти меры были достаточными в рассматриваемый момент времени, и решение не заключать Е. под стражу было законным.

131. Власти государства-ответчика далее утверждали, что заявительнице, которая получала правовую помощь Центра защиты от насилия, должно было быть известно, что она могла просить убежища для себя и своих детей в ближайшем женском кризисном центре. По данному делу эксперт компетентного Центра защиты от насилия провел стандартную оценку рисков независимо и на основе полной информации по делу и пришел к такому же выводу, что и власти Австрии.

132. Власти государства-ответчика настаивали на том, что для того, чтобы дать надежные результаты, оценка риска должна включать в себя полную информацию для конкретных случаев; недостаточно механически применять стандартные методы оценки риска. Необходимо иметь хорошо подготовленных специалистов, которые могли бы проверять отдельно по каждому делу наличие общепризнанных факторов и способов поведения, таких как чрезмерное употребление алкоголя, контролирующее поведение, принуждение в сексуальной сфере и психологическое насилие. Поэтому власти Австрии постоянно организовывали целевое обучение в общем, а также для сотрудников полиции, занимающихся вопросами профилактики насилия, в частности.

133. Власти государства-ответчика утверждали, что первый Закон о защите от насилия (*Gewaltschutzgesetz*) от 1997 года вводил обязанность специальной подготовки по вопросам домашнего насилия для сотрудников полиции. В целях надлежащего применения второго Закона о защите от насилия, вступившего в силу 1 июня 2009 г., Министерство внутренних дел организовало мероприятия по специальной подготовке и повышению информированности для сотрудников полиции. Тема «Насилие в отношении детей» была одной из главных в ходе обучения. В относящееся к делу время одна из сотрудниц отделения муниципальной полиции г. Санкт-Пёльтена имела большой опыт и показала высокую добросовестность в делах о домашнем насилии.

134. С 1 июня 2009 г. для прокуроров и судей стало обязательным отрабатывать как минимум две недели в учреждениях по защите или охране

прав жертв насилия во время специальной подготовки. Прокурор, который в первый раз рассматривал дело заявительницы, прошел два таких курса обучения. Второй прокурор, участвовавший в деле, специальной подготовки в этих вопросах не имел. Третий прокурор, участвовавшая в деле (*aktführende Staatsanwältin*), в рамках курса подготовки в течение пяти месяцев стажировалась у юриста, специализировавшегося на оказании правовой помощи в основном в делах о (главным образом, домашнем) насилии. За это время она приобрела глубокие знания по вопросу защиты жертв насилия.

135. Власти государства-ответчика пояснили, что полиция имеет общую обязанность предотвращать опасные посягательства, *inter alia*, на жизнь, здоровье и свободу, если существует вероятность совершения таких посягательств (на основании статьи 22 Закона о полиции безопасности; см. выше § 45). Полиция самостоятельно выдает приказ об ограничениях и защите при наличии соответствующего обстановке риска в том или ином деле (на основании статьи 38а Закона о полиции безопасности; см. выше § 48); это освобождает жертв насилия от бремени первых шагов, необходимых для прерывания цикла насилия. Власти государства-ответчика подчеркнули, что приказы об ограничениях и защите и судебные запреты не лишают [суды] возможности выносить решение об аресте или содержании под стражей до суда (как определено статьями 170 и 173 УПК в соответствии со статьей 5 Конвенции).

136. С 1 сентября 2013 г. полиция обязана сообщать в отделы по делам молодежи о выдаче приказов об ограничениях и защите, в которых упоминаются дети (см. выше § 60). Отделы молодежи, в свою очередь, должны провести полную оценку риска и выработать меры по защите ребенка. Кроме того, полиция обязана уведомить о выдаче приказа об ограничениях и защите соответствующий Центр защиты от насилия. Сотрудники Центра должны как можно скорее войти в контакт с жертвами насилия и предложить им помощь и поддержку в части дальнейших правовых шагов. Полиция обязана следить за выполнением приказа об ограничениях и защите и имеет право арестовать лицо, не соблюдающее требования приказа. Для получения защиты на более длительный срок жертва домашнего насилия может обратиться в компетентный окружной суд за получением временного запретительного приказа (вытекающего из или независимо от приказа об ограничениях и защите, выданного полицией). В случаях серьезного насилия жертвам, как правило, рекомендуют покинуть жилище вместе с детьми и обратиться за предоставлением убежища в женских кризисных центрах, даже если агрессивный партнер уже выселен или ему запрещено приближение.

3. Доводы лиц, участвующих в деле в качестве третьей стороны

(а) Группа экспертов по борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (ГРЕВИО)

137. ГРЕВИО, орган, чьей обязанностью является мониторинг выполнения Стамбульской конвенции (см. выше § 87 *et seq.*), заявила, что понимание гендерного характера домашнего насилия, как требует Стамбульская конвенция, может быть достигнуто только если власти государства-ответчика, чьей обязанностью является предупреждение соответствующих преступлений и защита их жертв, будут учитывать специфическую природу и динамику домашнего насилия и признают его ярко выраженный гендерный характер. Постоянно повторяющиеся циклы домашнего насилия были нормой, с течением времени возрастающая частота, интенсивности и степени опасности. Заявления женщины о расторжении брака или раздельном проживании являлись тем фактором, который мог привести к обострению ситуации с домашним насилием в отношении нее и ее ребенка (детей).

138. Описанное выше положение объясняет, почему женщина может не сообщить немедленно о фактах насилия (включая случаи сексуального насилия), либо забирает назад свою жалобу, либо даже прощает партнера, совершившего насилие. Проведенные в этой связи исследования показали, что женщины обращаются за получением приказа о защите только в случаях серьезного уровня преследования или насилия, совершавшегося на протяжении длительного времени. Иными словами, жалобы на домашнее насилие подавались только после нескольких случаев совершения такого насилия, зачастую после столь серьезных случаев, что они делали продолжение отношений невозможным, невыносимым (а зачастую и смертельно опасным) для жертвы. Такие факторы, как финансовая зависимость, статус мигранта, инвалидность или возраст в сочетании с насилием могут влиять на способность женщины вырваться из круга насилия.

139. ГРЕВИО пояснила, что Стамбульская конвенция уделяет внимание специфическим рискам в отношении детей в контексте домашнего насилия и рассматривает детей, как подвергающихся непосредственному насилию, так и являющихся свидетелями домашнего насилия, как жертв, нуждающихся в защите. Исследования и статистические данные подчеркивают, что лица, совершающие насилие в отношении своего полового партнера, могут также совершать насилие в отношении детей, с которыми они совместно проживают, даже после завершения отношений с жертвой насилия. Располагая меньшими возможностями подчинять себе партнера после прекращения отношений, многие лица, склонные к совершению домашнего насилия, старались воздействовать на него, под-

вергая насилию детей. Нанесение вреда детям как путем неисполнения обязанностей по отношению к ним, так и путем психологического, сексуального и физического насилия, включая умышленное убийство, часто являлось формой мести, и многие дети ежедневно жили в обстановке насилия или угрозы жизни. Женщины, являвшиеся жертвами домашнего насилия, расставаясь с лицами, совершавшими насилие, часто сталкивались с угрозами в адрес детей, к которым следовало относиться серьезно. Поэтому необходимо понимать эти особенности и проводить эффективную оценку риска также и в отношении детей.

140. ГРЕВИО утверждала, что статья 51 Стамбульской Конвенции требует от властей проводить в отношении жертв, немедленно по получении заявления от них, оценку риска по стандартизированной методике, содержащей предварительно определенные вопросы, которые должны задавать и на которые должны получать ответы компетентные органы власти. Применяемая система должна обеспечивать сотрудников правоохранительных органов соответствующими методиками и критериями, которыми следует руководствоваться при вмешательстве или иных действиях в деликатных ситуациях. Существует несколько международно-признанных методик, как, например, Оценка риска супружеского насилия (SARA), Межведомственная конференция по оценке рисков, разработанная в Соединенном Королевстве, VioGen в Испании, а также методика обследования домашнего насилия (DVSI, DVSI-R), которые применяются для оценки риска, в том числе риска угрозы жизни, который лица, совершающие домашнее насилие, представляли для своих жертв. Существует несколько показателей, которые обычно включаются в систему оценки риска и служат признаком высокого риска, среди которых: обращение жертвы с заявлением о расторжении брака или раздельном проживании, случаи ранее совершенного насилия, психологические проблемы лица, совершающего насилие, принятие в прошлом ограничительной меры, зависимости, потеря работы, угрозы отобрать общих детей, акты сексуального насилия, угрозы убить жертву и ее детей, угрозы совершить самоубийство, принуждающее и контролирующее поведение. Наиболее важным признаком, как определено статьей 51 Стамбульской конвенции, является доступ лица, совершающего насилие, к оружию. Этот вопрос должен систематически и методично исследоваться в делах о домашнем насилии на всех этапах расследования.

141. ГРЕВИО настаивала на важности того, что власти не должны полагаться на собственную оценку риска со стороны жертвы, которая, учитывая динамику насилия, могла быть необъективной. Более того, оценка риска и определение мер защиты должны проводиться на всех этапах расследования сотрудниками полиции, прокурорами и судья-

ми, начиная с первой встречи с жертвой и вплоть до возможного вынесения приговора, так как степень риска может меняться с течением времени и может возникнуть необходимость в учете новой информации. Если деятельность по управлению рисками не является надежной и продолжительной, у жертв может возникнуть ложное чувство безопасности, которое делает их открытыми к еще более серьезному риску. Безусловно, критически важно, чтобы оценка риска проводилась систематически не только по отношению к женщине, но и к ее детям.

142. Задача оценки риска состоит в том, чтобы позволить компетентным органам управлять установленным риском и обеспечивать согласованную защиту и поддержку жертвам. Это означает, что соответствующие органы должны предоставлять информацию о рисках и действовать согласованно с другими заинтересованными сторонами, находящимися в регулярном общении с жертвами, в случае детей – с учителями. ГРЕВИО добавила, что состояние/поведение лица, совершающего насилие, вне пределов дома не должно приниматься во внимание при оценке степени опасности и риска совершения новых актов насилия. Основная опасность для женщин и детей, состоящих с обидчиком в близких отношениях, исходит от него дома или в схожих обстоятельствах.

143. ГРЕВИО утверждала, что существующая правовая система должна обеспечивать сотрудников правоохранительных органов соответствующими методиками и критериями, которыми следует руководствоваться при вмешательстве или иных действиях в деликатных ситуациях, таких как дела о домашнем насилии. Согласно статье 15 Стамбульской конвенции (см. выше § 81), такая подготовка могла бы существенно улучшить понимание динамики домашнего насилия и его связи с вредом, причиняемым детям, тем самым позволяя специалистам лучше оценивать существующий риск, реагировать соответствующим образом и обеспечивать быструю защиту. Кроме того, подготовка полиции, прокуроров и судей по вопросам домашнего насилия имеет важное значение в оценке риска совершения повторных преступлений и принятии необходимых мер защиты.

144. Обращаясь к вопросу об обязательствах государств-участников по наделению надлежащих органов полномочиями, позволяющими приказывать лицу, совершающему домашнее насилие, покинуть место совместного проживания или запретить ему или ей приближаться к жилищу или входить в контакт с жертвой (статья 52 Стамбульской конвенции, см. выше § 82), ГРЕВИО подчеркнула, что может возникнуть необходимость расширить полномочия по защите детей жертвы, например, запретив лицу, совершающему насилие, приближаться к школам и/или детским садам. Любые требования, которые ограничиваются только

запретом лицу, совершающему насилие, приближаться к жилищу жертв, но позволяют ему или ей контактировать с ними в других местах, не позволяют выполнять обязательства, определенные статьей 52 Стамбульской конвенции. При выдаче приказа о запрете контактов власти должны обеспечить исполнение его требований путем постоянного контроля с тем, чтобы бремя обеспечения выполнения условий приказа не легло на жертву и/или ее детей. В своих докладах ГРЕВИО указывала способы достижения этого на практике, например использование электронных устройств, регулярных проверок жертвы и ее детей по телефону, периодические встречи с лицом, совершающим насилие, с разъяснением сущности запретительно-го приказа и последствий его нарушения.

145. В заключение ГРЕВИО утверждала, что статья 16 Стамбульской конвенции накладывает обязательства на государства-участники по развитию программ превентивного вмешательства и лечения для того, чтобы помочь лицам, совершающим насилие, изменить свое отношение и поведение для недопущения совершения новых актов насилия. Эти программы должны быть основаны на лучших практиках и результатах исследований о наиболее эффективных методах работы с лицами, совершающими насилие. Программы должны поощрять лиц, совершающих насилие, принимать на себя ответственность за свои действия, а также изучать их отношение к женщинам и убеждения в отношении них. В своих оценочных докладах ГРЕВИО неоднократно указывала на необходимость участия [лиц, совершающих насилие], в таких программах с целью снижения вероятности рецидива.

(b) Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) и организация «Равенство сейчас» (Equality Now)

146. В совместных замечаниях Европейский центр защиты прав человека (Университет Мидлсекса, Соединенное Королевство) и организация «Равенство сейчас» (международная неправительственная организация) указали, что Большая Палата должна прояснить и усовершенствовать свою судебную практику, которая касается объема позитивных обязательств государства по предотвращению риска для жизни и здоровья со стороны негосударственных субъектов в делах о домашнем насилии. Они настаивали, в частности, на том, чтобы критерии, выработанные Европейским Судом в упомянутом выше Постановлении по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), по вопросу возникновения позитивных обязательств государства, требующие, чтобы «власти своевременно знали или должны были знать о существовании риска для жизни того или иного лица», применялся, принимая во внимание контекст домашнего насилия. По самой своей при-

роде домашнее насилие – явление циклическое, периодически повторяющееся и имеющее тенденцию к эскалации. Поэтому, чтобы считать угрозу «непосредственной», достаточно, чтобы власти были извещены – возможно, из первого заявления жертвы о неоднократном совершении насилия – что угроза причинения вреда осуществилась в акте домашнего насилия, и что насилие продолжается. Уже на этой стадии необходимо провести оценку риска угрозы жизни.

147. Кроме того, в отношении того, что власти «должны были знать», с учетом принципа должной осмотрительности, Европейский Суд убедительно доказал в упомянутом выше Постановлении по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*, § 92), что в делах о домашнем насилии требовалось проявлять «особое внимание». Как подтвердил Европейский Суд в упомянутом выше Постановлении по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*, § 118) неспособность (надлежащим образом) оценить риск для жизни и здоровья не может быть основанием для отрицания осведомленности о существовании угрозы.

148. Лица, участвующие в деле в качестве третьей стороны, также утверждали, что при выполнении государством своих позитивных обязательств по вмешательству в дела о домашнем насилии, должен применяться гендерный подход. Поскольку домашнее насилие – это результат исторически сложившегося взгляда на подчиненное положение женщины в обществе и, таким образом, является одной из форм дискриминации женщин по гендерному признаку, такие дела должны автоматически рассматриваться на основании статьи 14 Конвенции. Кроме того, принимая во внимание систематический и структурный характер насилия в отношении женщин, Европейский Суд должен вынести решение о принятии мер общего характера в соответствии со статьей 46 Конвенции.

(c) Федеральная Ассоциация австрийских центров защиты от насилия (*Bundesverband der Gewaltschutzzentren Österreichs*)

149. Федеральная Ассоциация австрийских центров защиты от насилия утверждала: необходимо, чтобы власти государства обладали информацией об особенностях динамики ситуаций домашнего насилия, по причине которых жертвы зачастую не сообщают в полицию сразу же после совершения насильственных действий либо отказываются давать показания в рамках уголовного дела, а также что эти особенности должны учитываться властями в ходе оценки риска. На практике власти государства-ответчика не применяли стандартные механизмы оценки угроз, которые бы принимали во внимание факторы риска, присущие делам о домашнем насилии (такие как прекращение отношений, предыдущие случаи совершения наси-

лия, владение оружием, угрозы совершения насилия, невыполнение полицейских и судебных приказов, повышенное чувство опасности (страха) со стороны жертвы).

150. Ассоциация сообщила, что по ее опыту в делах, где был установлен высокий риск совершения серьезных актов насилия, полицейские срочные приказы об ограничениях и судебные запретительные приказы, которые выдавались в течение нескольких дней, а иногда и недель, не могли обеспечить адекватной защиты жертвы. Поэтому в таких случаях было необходимо заключать лиц, представляющих угрозу, под стражу до суда в соответствии со статьей 173 УПК Австрии.

(d) Ассоциация «Женская народная инициатива 2.0» (*Frauenvolksbegehren 2.0*)

151. «Женская народная инициатива 2.0», неправительственная организация, борющаяся за гендерное равенство в Австрии, утверждала, что специалисты в области права и сотрудники правоохранительных органов получили некоторую, но совершенно недостаточную подготовку по вопросам домашнего насилия, которая привела к судебным стереотипам о том, «как ведут себя жертвы», и к гендерной предвзятости в политике в контексте сохраняющейся женоненавистнической культуры. При вмешательстве в дела о домашнем насилии сотрудники правоохранительных органов не использовали стандартизированные методики оценки риска, основанные на перечне научно обоснованных показателей риска, с тем, чтобы должным образом оценивать риск эскалации насилия и степень такого риска. Неправительственная организация далее отметила, что в делах с высокой степенью риска гражданско-процессуальные механизмы, такие как защитные приказы, не обеспечивают достаточной защиты, и в таких случаях должно было чаще применяться содержание под стражей до суда.

(e) Ассоциация независимых убежищ для женщин Австрии (*Verein Autonome Österreichische Frauenhäuser – AÖF*)

152. Ассоциация независимых убежищ для женщин Австрии высказала точку зрения, что, хотя Австрия на протяжении многих лет занимала лидирующие позиции в Европе в вопросах предупреждения насилия и защиты жертв, в этой сфере сохраняются многочисленные недостатки. В частности, судьи и прокуроры должны пройти подготовку, чтобы получить лучшее понимание насилия над женщинами как явления, имеющего гендерную специфику, а также форм и последствий наносимого вреда с тем, чтобы преодолеть превращение насилия в отношении женщин в банальность. Кроме того, необходимо утвердить ясную и обязательную методику, которую бы правоохранитель-

ные органы использовали для оценки риска для того, чтобы быть в состоянии принять эффективные меры для защиты жертвы. Опыт Ассоциации независимых убежищ для женщин Австрии показал, что приказы, выдаваемые полицией или гражданскими судами, не являлись достаточными для предотвращения убийств и в случаях высокой степени риска не должны применяться вместо содержания под стражей до суда.

153. Кроме того, как утверждала Ассоциация независимых убежищ для женщин Австрии, согласно исследованию, проведенному Агентством ЕС по основным правам (см. выше § 97), количество обращений с заявлениями о случаях насилия в отношении женщин обычно невелико. Зачастую лица, совершающие насилие, угрожают жертвам, стараясь не допустить их обращения в полицию, и потому требуется огромное мужество, правовая и иная поддержка жертв, чтобы они могли обратиться в органы власти. Поэтому тот факт, что жертвы не могут сразу же сообщить о случаях насилия, не должен использоваться против них.

(f) Женщины Европы против насилия (*WAVE*)

154. Женщины Европы против насилия, сеть женских неправительственных организаций в сорока шести странах, борющаяся против насилия в отношении женщин и домашнего насилия в Европе, подчеркнула важность проведения властями государства-ответчика систематической оценки риска, учитывая хорошо известные в настоящее время факторы риска, в том числе для детей, в делах о домашнем насилии. Важно соответствующим образом готовить сотрудников правоохранительных органов, чтобы они правильно понимали вопросы домашнего насилия и его специфику. При возникновении риска совершения повторного или тяжкого акта насилия приказы, выдаваемые полицией, и временные запретительные приказы, на выдачу которых необходимо, по меньшей мере, четыре-пять дней, не могут являться средством, обеспечивающим быструю и эффективную государственную защиту. Кроме того, обязанность принимать меры не должна перекладываться на жертв домашнего насилия. В таких случаях государство должно использовать уголовно-правовые инструменты и принимать решение о заключении лица, виновного в совершении насилия, под стражу либо иные меры, предусмотренные уголовным законом, в частности частью 5 статьи 173 УПК Австрии (см. выше § 67) в качестве более мягких мер.

(g) Союз женщин против насилия (*Donne in Rete Contro la Violenza – D.i.Re*)

155. Союз женщин против насилия, сеть из более восьмидесяти итальянских женских непра-

вительственных организаций, занимающихся борьбой и предотвращением насилия в отношении женщин и домашнего насилия, согласился с мнением организации «Женщины Европы против насилия» о необходимости соответствующей подготовки сотрудников правоохранительных органов по вопросам домашнего насилия, а также необходимости принятия уголовно-правовых мер для обеспечения защиты жертв в делах с высокой степенью риска.

156. Союз женщин против насилия также высказал мнение, что критерии, выработанные Европейским Судом в упомянутом выше Постановлении по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), приводящие в действие позитивные обязательства государства по предотвращению риска для жизни со стороны частных лиц, не являющихся агентами государства, а именно, чтобы «власти своевременно знали или должны были знать о существовании риска для жизни того или иного лица», должны применяться также в делах о домашнем насилии, затрагивающих гендерные проблемы и являющихся одной из форм дискриминации по гендерному признаку. В силу особой уязвимости жертв в делах о домашнем насилии должно проявляться «особое внимание», как, в частности, указано Европейским Судом в Постановлении по делу «M.G. против Турции» (*M.G. v. Turkey*) от 22 марта 2016 г., жалоба № 646/10; и упомянутом выше Постановлении по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*). Особое положение жертвы оправдывает понижение порога риска, требующегося для вмешательства государства, с «непосредственной угрозы» до «наличия угрозы».

D. Мнение Европейского Суда

1. Общие принципы

(а) Позитивные обязательства, вытекающие из статьи 2 Конвенции в целом

157. Европейский Суд постановил, что статья 2 Конвенции закрепляет одну из базовых ценностей демократических обществ, входящих в Совет Европы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. United Kingdom*) от 27 сентября 1995 г., жалоба № 18984/91¹, § 147). Первое предложение пункта 1 статьи 2 Конвенции предписывает государствам не только воздерживаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но и предпринимать соответствующие шаги по защите жизни тех, кто находится

под его юрисдикцией (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 115; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кальвелли и Чильо против Италии» (*Calvelli and Ciglio v. Italy*), жалоба № 32967/96, § 48, ECHR 2002-I). Последнее обязательство включает в себя первейшую обязанность государства по обеспечению права на жизнь путем выработки эффективных норм уголовного закона, способствующих предотвращению совершений преступлений против личности, поддерживаемых системой правоохранительных органов, направленной на предотвращение, преследование и наказание в случае нарушения этих положений. При определенных обстоятельствах оно также распространяется на позитивные обязательства властей по принятию профилактических оперативных мер для защиты лица, чья жизнь находится под угрозой совершения преступных деяний со стороны другого лица (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 115; Постановление Европейского Суда по делу «Контрова против Словакии» (*Kontrová v. Slovakia*) от 31 мая 2007 г., жалоба № 7510/04, § 49; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 128).

158. Принимая во внимание сложности политической деятельности в современном обществе, непредсказуемость человеческого поведения и проблему выбора приоритетов и ресурсов, массив позитивных обязательств должен толковаться таким образом, чтобы не налагать на власти чрезмерное или невозможное для исполнения бремя. Поэтому не каждый заявленный случай риска для жизни должен влечь за собой конвенционное обязательство государства по принятию необходимых оперативных мер для предотвращения такого риска. Для того чтобы такое обязательство возникло, необходимо, чтобы власти знали или должны были знать на момент рассматриваемых событий о существовании явной и непосредственной угрозы жизни того или иного лица, исходящей от преступных деяний третьих лиц, и не сумели принять мер которые были в их компетенции и которые, по разумному суждению, могли бы способствовать устранению такого риска (так называемый «тест Османа» – см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 116).

159. Европейский Суд отмечает, что обязательство по принятию профилактических оперативных мер касается самих мер, а не их результатов. Таким образом, в случаях, когда компетентным органам было известно о существовании прямого и непосредственного риска, приводящего к воз-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 9 (примеч. редактора).

никновению их обязательства по принятию мер, и когда они отреагировали на установленный риск принятием необходимых мер, находящихся в их компетенции, с целью устранения такого риска, тот факт, что такие меры могли, тем не менее, не привести к достижению желаемого результата, сам по себе не оправдывает вывод о нарушении государством своих обязательств по принятию профилактических мер в соответствии со статьей 2 Конвенции. С другой стороны, Европейский Суд отмечает, что в данном контексте оценка характера и степени риска является составной частью обязательства по принятию мер, если установленный риск того требует. Таким образом, рассмотрение вопроса о выполнении государством своего обязательства, согласно статье 2 Конвенции, должно включать в себя анализ как достаточности оценки риска, проведенной органами государства, так и достаточности самих принятых мер в случаях, где установлено или должно было быть установлено наличие риска, порождающего соответствующие обязательства государства по принятию мер.

160. Заявителю достаточно доказать, что власти не сделали всего, что от них разумно ожидалось, для устранения прямого и непосредственного риска для жизни, о котором они знали или должны были знать. Ответ на данный вопрос может быть дан в свете всех известных обстоятельств по каждому конкретному делу (*ibid.*, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 130). Кроме того, Европейский Суд постановил, что необходимо проявлять осторожность в оценке событий в ретроспективе (см. Постановление Европейского Суда по делу «Баббинс против Соединенного Королевства» (*Bubbins v. United Kingdom*), жалоба № 50196/99, § 147, ECHR 2005-II (извлечения)). Это означает, что каждое дело, в котором существовавший прямой и непосредственный риск воплотился в жизнь, должно оцениваться с позиций того, что было известно компетентным органам на момент соответствующих событий.

(b) Позитивные обязательства согласно статье 2 Конвенции в контексте домашнего насилия

(i) Общие соображения

161. Вопрос домашнего насилия, которое может принимать различные формы, начиная с физических посягательств и заканчивая сексуальным, экономическим, эмоциональным насилием, а также словесными оскорблениями, выходит за рамки обстоятельств конкретного дела. Это общая проблема, которая затрагивает в той или иной степени все государства-участники и которая не всегда выходит на поверхность в общественной сфере, так как насилие происходит в сфере личных отно-

шений и в скрытой от посторонних обстановке и жертвами его становятся различные члены семьи, хотя женщины составляют в этом отношении подавляющее большинство (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 132); и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), § 71). В настоящее время масштабы домашнего насилия хорошо изучены (см., например, результаты опроса Агентства ЕС по основным правам, касающегося опыта женщин стран ЕС, см. выше § 97). За последние два десятилетия проведено большое количество исследований по вопросам домашнего насилия и насилия по гендерному признаку, что позволило значительно улучшить правовую базу и практику во многих государствах (см. выше результаты сравнительно-правового анализа в §§ 99–101).

162. В соответствующих международных документах существует общее понимание необходимости принятия полноценных правовых и иных мер по обеспечению эффективной защиты и безопасности жертв домашнего насилия (см. выше замечания властей государства-ответчика по упомянутому выше Постановлению Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), а также материал, обобщенный в разделе «Международное право и правоприменительная практика», § 73 *et seq.*).

163. Дети, подвергающиеся домашнему насилию, особенно уязвимы, и государство должно гарантировать им необходимую защиту, заключающуюся в эффективном противодействии серьезным нарушениям прав на личную неприкосновенность и являющуюся следствием позитивных обязательств государства согласно статье 2 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 159; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 99; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), § 72). Насилие в отношении детей, проживающих в одной семье, включая насилие со смертельным исходом, может использоваться лицом, совершающим насилие, как последнее средство наказания партнера.

164. Существование прямого и непосредственного риска для жизни (см. выше §§ 158–160) должно оцениваться с надлежащим учетом конкретных обстоятельств домашнего насилия. В таких случаях в этом вопросе необходимо прежде всего учитывать повторяемость актов насилия в одной и той же семье (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 122; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по

делу «Володина против Российской Федерации» (Volodina v. Russia), § 96; а также Постановление Европейского Суда по делу «Мунтяну против Республики Молдова» (Munteanu v. Moldova) от 26 мая 2020 г., жалоба № 34168/11, § 70). Поэтому Европейский Суд считает необходимым пояснить, что он имеет в виду под учетом конкретных обстоятельств и динамики домашнего насилия согласно тесту Османа (см. выше § 158).

(ii) Требование незамедлительного реагирования на сообщения о домашнем насилии

165. Европейский Суд вновь повторяет, что от властей требуется незамедлительное реагирование на сообщения о домашнем насилии (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (Talpis v. Italy), § 114). Там, где было установлено, что власти не сумели быстро отреагировать на жалобу о домашнем насилии, Европейский Суд счел, что такое бездействие лишает жалобу всякого значения, создавая обстановку безнаказанности и приводя к совершению актов насилия в дальнейшем (см. Постановление Европейского Суда по делу «Халиме Килич против Турции» (Halime Kılıç v. Turkey) от 28 июня 2016 г., жалоба № 63034/11, § 99; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (Talpis v. Italy), § 117).

166. Кроме того, Европейский Суд подтверждает, что властям необходимо проявлять «особое внимание» в делах о домашнем насилии (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «M.G. против Турции» (M.G. v. Turkey), § 93; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (Volodina v. Russia), § 92; и Постановление Европейского Суда по делу «Барсова против Российской Федерации» (Barsova v. Russia) от 22 октября 2019 г., жалоба № 20289/10, § 35).

(iii) Обязательства, относящиеся к оценке риска

167. Сравнительно-правовой материал, имеющийся в распоряжении Европейского Суда (см. выше § 101), показывает, что оценка риска проводится во всех государствах, участвовавших в опросе, с целью установить, может ли жертва домашнего насилия подвергнуться риску в дальнейшем. Суд также отмечает, что, согласно статье 51 Стамбульской конвенции, оценки риска угрозы жизни, серьезности ситуации, а также риска совершения новых актов насилия являются существенными профилактическими мерами в делах о домашнем насилии (см. выше § 82, а также Пояснительный доклад по данному положению,

см. выше § 83). Суд отмечает, что, согласно мнению ГРЕВИО, компетентные органы должны проводить такую оценку риска сразу после получения заявления от жертвы с использованием, в идеале, стандартизированных, международно признанных и научно обоснованных форм, содержащих заранее установленные вопросы, которые власти должны систематически задавать и на которые должны получать ответы. Существующая система должна предоставлять правоохранительным органам четкие методики и критерии, регулирующие действия и вмешательства в подобные деликатные ситуации (см. выше замечания третьей стороны, представленные ГРЕВИО, § 140).

168. Европейский Суд считает такой подход применимым к позитивным обязательствам государств, согласно статье 2 Конвенции, в контексте домашнего насилия. Суд отмечает, что для того, чтобы иметь возможность понять, существует ли прямой и непосредственный риск для жизни жертвы домашнего насилия (ср. с критериями, приведенными в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (Osman v. United Kingdom), § 158), власти обязаны провести оценку риска угрозы жизни, которая должна быть независимой, своевременной и полной.

169. Понятия «независимая» и «своевременная» требуют от властей не полагаться целиком на оценку риска самой жертвой, а дополнять ее своими собственными оценками. Принимая во внимание исключительную психологическую ситуацию, в которой оказывается жертва домашнего насилия, власти, рассматривающие дело, обязаны задавать все необходимые вопросы, чтобы получить всю необходимую информацию, в том числе от других государственных органов, вместо того, чтобы рассчитывать, что такую информацию даст сама жертва (ср. с Постановлением Европейского Суда по делу «Валиулиене против Литвы» (Valiulienė v. Lithuania) от 26 марта 2013 г., жалоба № 33234/07¹, § 69, в котором Европейский Суд признал, что психологическое воздействие является важным аспектом домашнего насилия; а также с Постановлением Европейского Суда по делу «Т.М. и С.М. против Республики Молдова» (T.M. and S.M. v. Republic of Moldova) от 28 января 2014 г., жалоба № 26608/11, § 46, в котором Европейский Суд установил, что «полиция была обязана рассмотреть по своей собственной инициативе необходимость принятия мер, направленных на предотвращение домашнего насилия, учитывая, в каком уязвимом положении обычно находится жертва домашнего насилия»).

170. В упомянутом выше Постановлении по делу «Тальпис против Италии» (Talpis v. Italy), § 107–

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (примеч. редактора).

125. Европейский Суд не придал решающего значения оценке риска со стороны жертвы (например, тот факт, что жертва отозвала свою жалобу, меняла показания, отрицала ранее данные показания о фактах насилия и вернулась к лицу, совершавшему насилие). В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 153, Европейский Суд отметил, в частности, что, «как только ситуация стала известна властям, они лишились возможности сослаться на оценку со стороны жертвы, объясняя свою неспособность принять необходимые меры, которые могли бы предотвратить вероятность воплощения в жизнь лицом, совершающим насилие, своих угроз в отношении неприкосновенности личности жертвы». Таким образом, любая оценка риска или решение о принятии необходимых мер не могут основываться только на показаниях жертвы. Хотя Суд считает, что собственное восприятие жертвой степени риска, которому она подвергается, является существенным и должно учитываться властями в качестве отправной точки (ср. с Постановлением Европейского Суда по делу «Бэлшан против Румынии» (*Bălșan v. Romania*) от 23 мая 2017 г., жалоба № 49645/09, § 62; упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 111; и упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Халиме Килич против Турции» (*Halime Kılıç v. Turkey*, § 93), это не освобождает последние от самостоятельного сбора и оценки информации обо всех существенных факторах риска и обстоятельствах дела в ходе исполнения обязанностей по проверке заявления о домашнем насилии.

171. Понятие «полнота» в контексте домашнего насилия, которое должно являться составной частью любого официального расследования, в равной степени применимо к делам о домашнем насилии. Европейский Суд считает, что, хотя собственные суждения хорошо подготовленных сотрудников правоохранительных органов являются существенными для каждого конкретного дела, использование стандартизированного контрольного списка вопросов, содержащего специфические факторы риска и разработанного на основе внушающих доверие криминологических исследований, и учитывающего наилучшую сложившуюся практику по делам о домашнем насилии, может способствовать полноте оценки риска, проводимой властями по делам о домашнем насилии (см. также выше замечания третьей стороны, представленные ГРЕВИО, § 140). Сравнительно-правовой материал показывает, что большинство государств-членов используют стандартизированные механизмы оценки риска (см. выше § 101).

172. Европейский Суд признает важность того, чтобы сотрудники органов, занимающиеся вопросами домашнего насилия, проходили регулярную

подготовку и повышали свою осведомленность, в частности, в вопросах оценки риска с тем, чтобы это дало им возможность лучше определять и оценивать любой существующий риск, реагировать соответственно и обеспечивать быструю защиту (ср. с частью 2 статьи 18 Стамбульской конвенции и замечаниями третьей стороны, представленными ГРЕВИО, см. выше § 143).

173. Кроме того, Европейский Суд считает, что в случаях, когда домашнее насилие направлено на нескольких лиц, будь то прямо или косвенно, любая система оценки риска должна позволять систематически определять и обращаться ко всем возможным жертвам (ср. также замечания третьей стороны, представленные ГРЕВИО, см. выше § 141). При проведении оценки власти должны принимать во внимание, что в конечном итоге уровень риска может оказаться различным для разных лиц.

174. Понимая, что вмешательство правоохранительных органов и прокуроров в дела о домашнем насилии зачастую требует срочности, а также необходимости обмена соответствующей информацией между всеми заинтересованными органами, Европейский Суд считает, что важным является проведение хотя бы базового документирования процесса оценки риска. Суд вновь повторяет, что цель оценки риска – дать возможность компетентным органам управлять всеми выявленными рисками и принимать согласованные меры по обеспечению безопасности и реабилитации жертв. Это означает, что правоохранительные органы должны предоставлять необходимую информацию всем другим организациям, поддерживающих постоянный контакт с лицами, находящимися под угрозой, например, в случае с детьми – школьным учителям (ср. также с замечаниями третьей стороны, представленными ГРЕВИО, см. выше § 142). Суд придерживается мнения, что власти должны знакомить жертву, (в) с результатами своей оценки риска, а также в случае необходимости давать рекомендации и консультировать их относительно возможных правовых и оперативных мер защиты.

175. Обращаясь к толкованию понятия «незамедлительно», как оно изложено в тесте Османа, приведенном в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), Европейский Суд считает, что применение принципа незамедлительности в этом контексте должно учитывать специфические особенности дел о домашнем насилии и их отличие от других дел, связанных с разовыми происшествиями, как, например, в упомянутом выше Постановлении по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*). Суд вновь отмечает, что повторяющиеся циклы домашнего насилия, часто с возрастающей с течением времени частотой, интенсивностью и степенью опасности, являются весьма рас-

пространенными в данном контексте (ср. также с замечаниями третьей стороны, представленными ГРЕВИО, ЕНРАС и «Равенством сейчас», см. выше §§ 137 и 146). В Пояснительном докладе к статье 52 Стамбульской конвенции (см. выше §§ 84 и 85) уточняется, что содержащееся в указанной норме понятие «непосредственная угроза» относится ко всем случаям домашнего насилия, в которых причинение вреда является весьма вероятным либо вред уже причинен и существует вероятность его причинения в будущем. Европейский Суд усмотрел в некоторых других делах, что лицо, ранее привлекавшееся к ответственности за домашнее насилие, представляло собой значительную угрозу совершения серьезных, зачастую связанных с риском для жизни, актов насилия в дальнейшем (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 134; Постановление Европейского Суда по делу «Еремия против Республики Молдова» (*Eremia v. Republic of Moldova*) от 28 мая 2013 г., жалоба № 3564/11¹, § 59; Постановление Европейского Суда по делу «Мудрич против Республики Молдова» (*Mudric v. Republic of Moldova*) от 16 июля 2013 г., жалоба № 74839/10², § 51; и Постановление Европейского Суда по делу «В. против Республики Молдова» (*V. v. Republic of Moldova*) от 16 июля 2013 г., жалоба № 61382/09, §§ 52–53). Основываясь на доступной в настоящее время информации о динамике домашнего насилия, можно спрогнозировать поведение лица, совершающего насилие, в условиях явной эскалации ситуации. Эти общие знания о домашнем насилии, а также обширные исследования, имеющиеся по данному вопросу, должны надлежащим образом учитываться властями при оценке риска дальнейшего ухудшения ситуации, даже после выдачи приказа об ограничениях и защите.

176. Понятие «незамедлительный» не поддается точному определению. В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), §§ 134–136 Европейский Суд счел в отношении непосредственной угрозы, что власти могли предвидеть посягательство на жизнь матери заявительницы из-за обострения ситуации с насилием, о которой было известно властям и которая была достаточно серьезной, чтобы потребовались профилактические меры. Основываясь на длительной истории насилия в отношениях сторон (шесть зафиксированных случаев), а также на том, что муж заявительницы преследовал ее, ходил вокруг ее дома, носил с собой ножи и пистолеты, Европейский Суд посчитал «очевидным», что данное лицо, уже совершавшее насилие, представляло серьезную угрозу

совершения новых актов насилия. Угроза жизни, таким образом, была неотвратима и предсказуема. В упомянутом выше Постановлении по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 122, Европейский Суд установил, что, поскольку в одну и ту же ночь дважды потребовалось вмешательство полиции в отношении мужа заявительницы, так как он находился в состоянии наркотического опьянения и на него дважды составлялся протокол (за два случая насилия подряд за одну ночь, требовавших вмешательства полиции), властям «должно было быть известно, что [он] представлял реальную угрозу для нее, вероятность неизбежного исполнения которой далеко не исключалась» (*ibid.*, § 122). Основываясь на своей прецедентной практике по данному вопросу, Суд, таким образом, применил понятие «непосредственная угроза» более гибко, чем в традиционных случаях вроде рассматривавшегося в деле «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), принимая во внимание общую направленность эскалации обстановки в делах о домашнем насилии, даже если точное время и место нападения предвидеть было невозможно в каждом конкретном случае. Суд подчеркивает, однако, что на власти не должно возлагаться чрезмерное или невыполнимое бремя обязанностей (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 116).

(iv) Обязательства, относящиеся к принятию оперативных мер

177. Европейский Суд вновь подчеркивает, что, если власти установили наличие прямого и непосредственного риска для жизни одного или нескольких определенных лиц, возникает их прямое обязательство по принятию необходимых оперативных мер.

178. Такие оперативные меры предупреждения и защиты должны быть направлены на как можно более скорое устранение опасной ситуации (ср. с упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 114). При рассмотрении ряда дел Европейский Суд установил, что, даже когда власти не полностью бездействовали, они все равно не сумели выполнить свои обязательства по Конвенции, если меры, которые они приняли, не остановили лицо, совершившее насилие, от повторения насильственных действий в отношении жертвы (ср. с упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), § 86 с дальнейшими ссылками).

179. Вопрос о том, имеются ли в распоряжении властей достаточные законодательные и практические инструменты в критический момент при-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 3 (примеч. редактора).

нения решения о действиях в ситуации домашнего насилия, тесно связан с вопросом о достаточности существующей законодательной базы («меры, находящиеся в компетенции властей», как определено в критериях, упомянутых в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*). Иными словами, набор существующих правовых и оперативных мер должен предлагать компетентным органам перечень существенных мер, из которых они могли бы выбирать и которые были бы достаточными и соответствующими степени риска (в том числе смертельной угрозы) согласно проведенной оценке. Европейский Суд должен быть убежден в том, что, с общей точки зрения, законодательная база была достаточной для обеспечения защиты от насилия со стороны частных лиц в каждом конкретном случае (ср. с упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 100 с последующими ссылками).

180. Европейский Суд далее отмечает, что планы по управлению рисками и согласованные усилия по поддержке жертв насилия доказали свою практическую ценность, давая возможность властям принимать достаточные оперативные меры после того, как выявлен риск. Сюда включается и быстрое информирование всех заинтересованных лиц. Если в подобные ситуации вовлечены дети или установлено, что они подвергаются риску, необходимо как можно скорее сообщить об этом в орган по защите детей, а также в школу и/или другое детское учреждение (см. выше статью 51 Стамбульской конвенции и замечания третьей стороны, представленные ГРЕВИО, §§ 82, 83 и 142). Достаточные профилактические меры часто требуют согласованных действий различных ведомств (см. например, выше замечания третьей стороны, представленные ГРЕВИО, § 141).

181. В качестве дополнительной меры предупреждения Европейский Суд считает желательным разработать программы исправления для лиц, совершающих насилие. Согласно сравнительно-правовому анализу, имеющемуся в распоряжении Европейского Суда, семь опрошенных государств-членов применяют различные виды обучения лиц, совершающих насилие, ненасильственному поведению (см. выше § 99). Статья 16 Стамбульской конвенции налагает на государства-участники обязательства разрабатывать программы, направленные на обучение лиц, совершающих акты домашнего насилия, ненасильственному поведению и изменению взглядов с целью предупреждения дальнейшего совершения актов насилия.

182. Далее, Европейский Суд считает, что принятие властями решения о конкретных оперативных мерах неизбежно потребует, как на общеполитическом, так и на индивидуальном уровне, тщательно взвешивать конкурирующие права

и другие ограничения в данном вопросе. Суд не раз подчеркивал в делах о домашнем насилии настоятельную необходимость защищать права жертв на жизнь и неприкосновенность личности, физическую и психологическую (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 147; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 123; а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шахиде Гекче против Австрии» (*Şahide Goekce v. Austria*), § 92). В то же время необходимо убедиться, что полиция использует свои полномочия по контролю и предотвращению преступлений таким образом, чтобы уважались надлежащие правовые процедуры и другие гарантии защиты от произвола, которые законным образом ограничивают масштаб их действий, включая гарантии, содержащиеся в статьях 5 и 8 Конвенции (ср. с упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 116; и упомянутым выше Постановлением Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 129).

183. Обращаясь к вопросу о профилактических оперативных мерах, которые могли бы потребоваться, согласно статье 2 Конвенции, Европейский Суд подчеркивает, что такие меры, поскольку они затрагивают предполагаемое лицо, виновное в совершении насилия, должны, с одной стороны, избираться с целью достаточного и эффективного устранения риска для жизни, поскольку таковой был установлен, но, с другой стороны, они должны соответствовать другим обязательствам государств-участников, определенным Конвенцией. В вопросе о принятии защитных и профилактических мер в целом неизбежно может потребоваться вмешательство властей в личную и семейную жизнь лица, предположительно виновного в совершении насилия, необходимое для защиты жизни и других прав жертв домашнего насилия, а также для предотвращения новых актов насилия против жизни и здоровья жертв. Характер и степень риска, согласно проведенной оценке (см. выше § 168), всегда будут являться важными факторами при оценке достаточности принимаемых мер предупреждения и защиты (см. выше § 179), будет ли это касаться положений статьи 8 Конвенции или, в зависимости от обстоятельств дела, ограничения свободы, подпадающего под действие статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции, гарантирующей свободу передвижения. Что касается мер, влекущих за собой лишение свободы, то статья 5 Конвенции накладывает ряд ограничений, которые будут рассмотрены Судом в следующих параграфах.

184. Прежде всего, Европейский Суд вновь подчеркивает, что для того, чтобы лишение свободы было допустимым в соответствии со статьей 5

Конвенции, такая мера должна соответствовать как национальному праву государства, так и закрытому перечню оснований для заключения под стражу, изложенному в пункте 1 данной нормы. Даже при этих условиях позитивное обязательство по защите жизни, согласно статье 2 Конвенции, может повлечь за собой некоторые требования к внутренней законодательной базе, касающиеся возможности принятия необходимых мер в случаях, когда того требуют обстоятельства. Однако в то же самое время необходимо, чтобы любые меры, предусматривающие лишение свободы, принимались с учетом как требований применимого национального законодательства, так и положений статьи 5 Конвенции и соответствующей прецедентной практики.

185. В этой связи по вопросу принятия профилактических мер Европейский Суд вновь подчеркивает, во-первых, что для целей применения положений подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, который допускает лишение свободы в случае невыполнения законного требования суда или для обеспечения обязательств, предписанных законом, Судом неоднократно указывалось, что обязательство *не* совершать преступление должно считаться «специфическим и конкретным» только если место и время вероятного совершения преступления и его возможная жертва (жертвы) установлены с достаточной определенностью. В случае возникновения обязанности воздерживаться от совершения какого-либо действия в отличие от обязанности совершить какое-либо действие необходимо, прежде чем прийти к выводу о том, что лицо не выполнило указанное обязательство, убедиться, что этому лицу было известно, от какого именно действия ему или ей следует воздерживаться, но он или она проявили нежелание воздерживаться от совершения таких действий (см. Постановление Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» (*Ostendorf v. Germany*) от 7 марта 2013 г., жалоба № 15598/08, §§ 93–94). Европейский Суд отметил, в частности, что обязанность не совершать преступление в ближайшем будущем не может считаться конкретной и специфической в том случае, если не принимались каких-либо специфических мер, которые, поэтому, и не соблюдались (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S., V. и A. против Дании» (*S., V. and A. v. Denmark*) от 22 октября 2018 г., жалоба № 35553/12¹ и две другие жалобы, § 83).

186. Во-вторых, Европейский Суд вновь подчеркивает, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции касается содержания под стражей с целью обеспечить доставление лица в компетентный государственный орган по разумному подо-

зрению в совершении данным лицом преступления либо если считается необходимым предотвратить совершение преступления либо побег после совершения преступления. Что касается второй части данной нормы, Суд признает, что она дает четкие основания для содержания под стражей независимо от существования «разумных подозрений в совершении преступления». Она таким образом применима к заключению под стражу до начала процедуры уголовного судопроизводства (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S., V. и A. против Дании» (*S., V. and A. v. Denmark*), § 114). Однако даже в контексте данной части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции Европейский Суд считает, что эта норма не позволяет использовать ее в качестве общей профилактической меры, направленной против лиц, которых власти считают опасными или склонными к совершению преступлений. Это основание для содержания под стражей является для государств-участников не более чем средством предупреждения конкретных и четко определенных преступлений, когда известно время и место их совершения и личность жертв(ы). Для того чтобы содержание под стражей являлось обоснованным, согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, власти должны убедительно доказать, что конкретное лицо, по всей вероятности, было вовлечено в совершение конкретного и четко определенного преступления, если бы совершение этого преступления не было предотвращено заключением под стражу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S., V. и A. против Дании» (*S., V. and A. v. Denmark*), §§ 89 и 91). Европейский Суд, исходя из существующей практики по подпункту «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции и второй части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (содержание под стражей с целью предотвращения совершения преступления), разрешал применять содержание под стражей в качестве меры предупреждения только на очень короткие периоды времени (четыре часа в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» (*Ostendorf v. Germany*), § 75, и восемь часов в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «S., V. и A. против Дании» (*S., V. and A. v. Denmark*), §§ 134 и 137).

187. В-третьих, что касается первой части подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, посвященной вопросам содержания под стражей до суда, Европейский Суд вновь подчеркивает, что данная норма может применяться только в случае расследования преступления, которое уже было совершено. Она позволяет заключать лицо под стражу с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом вследствие разумного подозрения в совершении им преступления (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай про-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 12 (примеч. редактора).

тив Турции» (*Şahin Alpay v. Turkey*) от 20 марта 2018 г., жалоба № 16538/17, § 103); Постановление Европейского Суда по делу «Ечиус против Литвы» (*Jėčius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, § 50, ECHR 2000-IX); и Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии» (*Schwabe and M.G. v. Germany*), жалобы №№ 8080/08 и 8577/08, § 72, ECHR 2011 (извлечения)). Соответственно, содержание под стражей до суда может применяться в качестве профилактической меры только в тех пределах, в которых оно обосновано разумным подозрением в совершении преступления, по поводу которого уже начато уголовное судопроизводство. Предотвращение совершения новых преступлений может, таким образом, быть побочным эффектом содержания под стражей, и риск совершения нового преступления может учитываться в качестве одной из составляющих при определении причин заключения под стражу или продления срока содержания под стражей до суда, но только при условии, что разумное подозрение, касающееся уже совершенного преступления, все еще сохраняется. В этой связи Суд вновь подчеркивает, что, поскольку сохранение разумного подозрения является условием *sine qua non* для законности любого содержания под стражей до суда, требование наличия других «обоснованных и достаточных» причин в дополнение к сохраняющемуся разумному подозрению должно быть соблюдено уже в момент принятия первого решения о содержании под стражей, то есть «незамедлительно» после задержания (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. Republic of Moldova*) от 5 июля 2016 г., жалоба № 23755/07¹, §§ 92 и 102). Европейский Суд далее подчеркивает, что в своей практике он определил некоторые приемлемые категории таких оснований, как возможность совершения задержанным новых преступлений в случае его или ее освобождения из-под стражи. По данному вопросу Европейский Суд установил, что опасность совершения новых преступлений должна быть обоснованной, а принимаемые меры уместными в свете обстоятельств дела и, в частности, личности соответствующего лица и его прошлого (см. Постановление Европейского Суда по делу «Клоот против Бельгии» (*Clooth v. Belgium*) от 12 декабря 1991 г., § 40, Series A, № 225).

188. Что касается принятия решения о содержании под стражей до суда в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что хотя, такое решение не может являться профилактической мерой в чистом виде, данные и результаты любой оценки риска, проводимой в целях возможного принятия профилактических оперативных мер, учитываются в контексте

оценки риска совершения новых преступлений (прошлое виновного лица и прогноз наличия угрозы жизни). Кроме того, как указывалось ранее, лишение свободы на этом основании всегда требует наличия соответствующей национальной правовой базы. В любом случае, несоответствие данной нормы внутреннему законодательству не освобождает власти от ответственности за принятие иных, менее жестких мер, находящихся в их компетенции, которые соответствуют установленному уровню риска.

189. Европейский Суд далее отмечает, что некоторые другие положения пункта 1 статьи 5 Конвенции, касающиеся допустимых оснований для содержания под стражей, также могут применяться в определенных обстоятельствах при принятии решения о возможных профилактических оперативных мерах в случаях, связанных с домашним насилием, в частности подпункт «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако в свете известных по данному делу фактов и содержания поданной жалобы нет необходимости углубляться в изучение данного вопроса.

(v) Обобщенное изложение обязательств, возложенных на власти в контексте домашнего насилия

190. В качестве общего вывода Европейский Суд вновь указывает, что от властей требуется незамедлительно реагировать на сообщения о фактах домашнего насилия (см. выше § 165). Власти должны установить, существует ли прямой и непосредственный риск для жизни одной или нескольких жертв домашнего насилия путем проведения независимой, своевременной и полной оценки риска (см. выше § 168 *et seq.*). Реальность и непосредственность риска должны оцениваться с должным учетом конкретных обстоятельств дела о домашнем насилии (см. выше § 164). Если в результате оценки устанавливается наличие прямого и непосредственного риска для жизни, возникает обязательство властей принять необходимые профилактические оперативные меры. Такие меры должны быть достаточными и соответствовать уровню установленного в ходе оценки риска (см. выше § 177 *et seq.*).

2. Применение упомянутых выше принципов к настоящему делу

(a) Отреагировали ли власти государства-ответчика незамедлительно на сообщение о домашнем насилии

191. Европейский Суд с самого начала подчеркивает, что в настоящем деле в отличие от многих других дел о домашнем насилии или

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12 (примеч. редактора).

насилии по гендерному принципу, рассмотренных им ранее (см., например, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 136; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 114), не было каких-либо задержек или бездействия со стороны властей государства-ответчика в их реакции на заявление о домашнем насилии. Напротив, как в 2010 году, так и в 2012 году власти государства-ответчика немедленно отреагировали на обращение заявительницы, собрали доказательства и выдали приказы об ограничениях и защите. Применительно к данному случаю Европейский Суд отмечает, что у полиции имелся контрольный перечень факторов риска, которым она должна была руководствоваться, принимая решение о вмешательстве, согласно статье 38а Закона о полиции безопасности (см. выше доводы властей, § 129).

192. Сама заявительница утверждала, что она жалуется не на какую-либо задержку или бездействие властей государства-ответчика, но на выбор ими принятых мер. Поэтому Большая Палата поддерживает выводы Палаты по данному вопросу (см. § 67 Постановления Палаты).

193. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что после получения сообщения от заявительницы сотрудники полиции проводили ее домой для того, чтобы она не оставалась с мужем один на один после того, как заявила на него в полицию. Полиция также проинформировала ее, вручив ей памятку, о дальнейших возможных мерах защиты, например, подаче заявления на получение временного запретительного приказа, согласно статьям 382(b) и 382(e) Закона об исполнительном производстве. Далее, сотрудники полиции сопроводили мужа заявительницы с собой в отдел полиции для производства допроса и забрали у него ключи от семейного жилища (см. выше §§ 25, 26, 55 и 57). Суд также приветствует тот факт, что одним из сотрудников, занимавшихся делом заявительницы, было лицо, прошедшее специальную подготовку по вопросам домашнего насилия (см. выше § 17 и доводы властей, § 133).

194. Европейский Суд считает, что перечисленные выше меры продемонстрировали, что власти государства-ответчика проявили требуемое особое усердие, незамедлительно отреагировав на обращение заявительницы о домашнем насилии.

(b) Качество оценки риска

195. Европейский Суд далее переходит к исследованию качества проведенной властями государства-ответчика оценки риска (см. выше § 168). Суд подчеркивает, что он обязан оценивать обстоятельства дела так, как о них было известно в рассматриваемое время, а не задним числом (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по

делу «Баббинс против Соединенного Королевства» (*Bubbins v. United Kingdom*), § 147).

196. Во-первых, Европейский Суд удовлетворен тем, что оценку риска, проведенную властями государства-ответчика, можно считать независимой и своевременной, так как полиция не просто полагалась на показания заявительницы, которой, кроме того, оказывал помощь давно сотрудничавший с ней консультант Центра защиты от насилия, но основывалась при принятии решения на других собранных доказательствах. В день обращения заявительницы полиция опросила всех причастных к делу лиц, а именно саму заявительницу, ее мужа, их детей, и составила детальные протоколы их опроса. В качестве доказательства также были сделаны фотографии видимых травм, полученных заявительницей. Заявительница также прошла медицинское освидетельствование (см. выше § 21).

197. Полиция также провела исследование в электронной базе данных на предмет ранее выдававшихся в отношении Е. приказов об ограничениях и защите, а также судебных приказов и запретов. Полиции стало известно, что ранее он был осужден за поведение, представляющее угрозу, и домашнее насилие и что двумя годами ранее в отношении него выдавался приказ об ограничениях и защите. Кроме того, полиция проверила, зарегистрировано ли на имя мужа заявительницы какое-либо оружие, проверка дала отрицательный результат (см. выше § 22). В этом контексте Европейский Суд вновь подтверждает важность для властей убедиться в том, владеет ли или имеет ли доступ к оружию лицо, предположительно виновное в совершении насилия (см. упомянутое выше дело «Контрова против Словакии» (*Kontrová v. Slovakia*), § 52; а также статью 51 Стамбульской конвенции, § 82).

198. Во-вторых, Европейский Суд находит, что оценка риска, проведенная властями государства-ответчика, учитывала все известные на тот момент серьезные факторы риска в данном деле, что видно из составленного ими рапорта (см. выше § 27). В частности, ими было принято во внимание, что заявительница сообщила об изнасиловании, что на ее теле имелись видимые признаки насилия (гематомы), что она была в слезах и очень испугана, что в отношении нее высказывались угрозы и что дети также подвергались насилию. Полиция отдельно отметила ряд специфических факторов риска, а именно известные, как зафиксированные, так и не зафиксированные, имевшие место ранее факты насилия, его эскалацию, текущие факторы стресса, такие как потеря работы, расторжение брака и/или раздельное проживание, а также склонность к обыденному отношению к насилию со стороны Е. Было также учтено поведение Е., а именно что он был слегка возбужден, но сотрудничал с полицией и добро-

вольно отправился с ее сотрудниками в отдел полиции. Полиция также отметила, что на имя Е. огнестрельного оружия зарегистрировано не было.

199. Европейский Суд считает, что, определив все перечисленные специфические факторы, власти государства-ответчика доказали, что они должным образом учли контекст домашнего насилия по настоящему делу в своей оценке риска.

200. Обращаясь к вопросу угроз, и в особенности угрозы жизни со стороны Е., Европейский Суд отмечает, что все они были направлены на заявительницу, будь то прямо или косвенно, в форме угроз убить или покалечить ее, ее близких или самого себя (см. выше § 19). Суд повторяет в данном контексте, что угрозы (жизни) должны восприниматься очень серьезно и должна оцениваться их реалистичность (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Контрова против Словакии» (*Kontrová v. Slovakia*), § 52; Постановление Европейского Суда по делу «Бранко Томашич и другие против Хорватии» (*Branko Tomašić and Others v. Croatia*) от 15 января 2009 г., жалоба № 46598/06, §§ 52 и 58; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), § 141; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Еремия против Республики Молдова» (*Eremia v. Republic of Moldova*), § 60; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 111; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Халиме Килич против Турции» (*Halime Kılıç v. Turkey*), §§ 93–94). Европейский Суд отмечает, что полиция не прошла мимо факта угроз со стороны Е. в адрес заявительницы, а также того, что он душил ее, что видно из рапорта, направленного в прокуратуру вечером того же дня (см. выше § 30), где все эти факты прямо упомянуты.

201. Европейский Суд считает, что дежурный прокурор имел в своем распоряжении достаточно фактов по данному делу, чтобы принять решение о дальнейших шагах. Ему сообщили по телефону об обвинениях против Е. и о выдаче приказа об ограничениях и защите в тот же день, как он был выдан. В своем решении по данному делу он кратко изложил основные обстоятельства, предписал осуществить дальнейшие следственные действия (опрос детей, представление докладов о ходе расследования), а также возбудил уголовное дело в отношении Е. по подозрению в совершении им указанных преступлений (см. выше § 28). В тот же самый вечер дежурный прокурор получил рапорт, которые он запрашивал (см. выше § 30).

202. Европейский Суд поэтому удовлетворен оценкой риска, проведенной властями государства-ответчика, которая хотя и велась не на основе какой-либо стандартизированной процедуры, все же соответствовала требованиям независимости,

своевременности и полноты. Поэтому Суду остается только определить, можно ли было, несмотря на выдачу приказа об ограничениях и защите, установить наличие риска для жизни сына заявительницы.

(с) Знали ли власти государства-ответчика или должны ли были знать о существовании прямого и непосредственного риска для жизни сына заявительницы

203. Европейский Суд отмечает, что по результатам оценки риска, проведенной властями государства-ответчика, в интересующее Суд время им была известна следующая информация.

(i) На основании факта предыдущей судимости Е. и показаний заявительницы властям было известно, что Е. был осужден в 2010 году за нанесение телесных повреждений заявительнице и к данному моменту испытательный срок по приговору еще не истек (см. выше §§ 12–15). В ходе допроса в полиции в дни, предшествовавшие трагическому событию, заявительница рассказала о других фактах насилия, имевших место в период ее семейной жизни, включая события 19 мая 2012 г. С момента происшествия в 2010 году заявительница получала регулярные консультации специалистов Центра защиты от насилия (см. выше §§ 16 и 19).

(ii) Дети заявительницы также подвергались насилию со стороны отца – физически, получая шлепки, и психологически, являясь свидетелями его обращения с их матерью, но при этом не были объектом прямого насилия со стороны Е. (см. выше §§ 18–20).

(iii) Согласно показаниям заявительницы, данным полиции, обстановка обострилась три дня назад, когда муж начал душить и изнасиловал ее (см. выше § 18).

(iv) Заявительница утверждала, что причиной обострения ситуации было ее намерение разойтись с ним (см. выше § 18).

(v) Заявительница сообщила, что у ее мужа была игровая зависимость и другие психические проблемы, которые, по ее мнению, способствовали росту агрессивности Е. и насилия в отношении нее. Избиения ее и шлепки детей происходили особенно часто, когда он возвращался из букмекерской конторы (см. выше § 20). Муж заявительницы проходил стационарное лечение в психиатрической клинике от игровой зависимости и других (неустановленных) психических проблем, которое, по-видимому, результатов не дало (см. выше § 19).

(vi) Согласно протоколу допроса заявительницы в полиции, она считала, что угрозы, высказываемые мужем в адрес ее и ее детей с марта 2012 года, в особенности угрозы жизни, стали особенно ее беспокоить. Она также сообщила полиции, что воспринимала эти угрозы очень серьезно (см. выше § 19).

(vii) Заявительница упомянула в полиции, что иногда муж отбирал у нее мобильный телефон и запирали ее в доме, чтобы она не могла уйти (см. выше § 20).

204. Основываясь на указанной выше информации, власти государства-ответчика пришли к выводу, что существует риск новых актов насилия со стороны Е., и выдали в отношении него приказ об ограничениях и защите согласно статье 38а Закона о полиции безопасности (см. выше § 25). Европейский Суд указывает, что в проведении этой оценки участвовали сотрудники с соответствующим опытом в данном вопросе, поэтому Суд должен проявлять осторожность, подвергая сомнению их выводы и не делать этого задним числом.

205. В то время как действительно специальной оценки риска в отношении детей не проводилось, Европейский Суд считает, что, основываясь на имеющейся в тот момент информации, в любом случае это не изменило бы ситуацию по причинам, изложенным ниже.

206. Европейский Суд вновь подчеркивает, что дети заявительницы подвергались как физическому насилию (шлепкам), так и психологическому, будучи свидетелями насилия в отношении их матери, чего ни в коем случае не следует недооценивать. Однако по информации, имевшейся у властей государства-ответчика на тот момент по данному делу, дети не являлись объектом насилия и угроз со стороны Е. Все они были адресованы заявительнице, прямо или косвенно (см. выше § 200). Главной причиной обращения заявительницы в полицию 22 мая 2012 г. был тот факт, что Е. душил ее и предположительно изнасиловал в прошедший выходной, а также продолжающееся насилие в отношении нее. Кроме того, Суд соглашается с властями государства-ответчика в том, что, хотя в приказе об ограничениях и защите дети прямо не упоминались как лица, находящиеся под угрозой по смыслу статьи 38а Закона о полиции безопасности, в рапорте о ходе расследования, направленном в прокуратуру в 23.20 того же дня, они прямо назывались жертвами указанных преступлений. В дальнейшем их свидетельские показания были приобщены к этому рапорту. У властей государства-ответчика имелись законные основания полагать, что дети были защищены в домашней обстановке от возможных несмертельных угроз насилия и преследований со стороны их отца в той же степени, что и заявительница, выданным приказом об ограничениях и защите (см. выше § 126). Отсутствовали какие-либо признаки того, что дети, находясь в школе, подвергнутся какому-либо риску, тем более риску для жизни (см. выше § 128). Представляется также, хотя ни в коей мере не является решающим обстоятельством, что заявительница и ее консультант из Центра защиты от насилия сами не считали, что существующий уровень угрозы требует полного запрета на общение между отцом и детьми.

207. Обращаясь к доводам заявительницы о том, что тяжесть акта насилия, совершенного в отношении нее, в сочетании с угрозами Е. совершить новые, и возможно, сопряженные с риском для жизни акты насилия, давала достаточные основания для заключения его под стражу, Европейский Суд отмечает, что утверждение заявительницы о том, что он должен был быть помещен под стражу, основывается на сочетании нескольких оснований, а именно предположительно совершенных Е. ранее актах насилия и риске возможного повторения насилия, учитывая его прошлую судимость. Власти государства-ответчика не сочли достаточно серьезными угрозы Е., а вероятность их выполнения высокой, чтобы опасаться риска для жизни жертв, что дало бы основания для его содержания под стражей до суда или притягивания иных, более жестких профилактических мер, чем приказ об ограничениях и защите. Суд не находит оснований ставить под сомнение оценку властей государства-ответчика, сделанную на основании имевшихся у них на тот момент фактов, посчитавших маловероятным, чтобы Е. достал оружие, пошел в школу и отнял жизнь у собственного сына и что события могли бы развиваться столь быстро.

208. Наконец, Европейский Суд отмечает, что на власти государства-ответчика оказало, по-видимому, определенное влияние спокойное поведение мужа заявительницы в полиции, что, как полагает Суд, в контексте домашнего насилия может вводить в заблуждение и не должно учитываться при оценке риска. Однако Суд не убежден, что этот элемент оценки может породить сомнения в сделанном выводе, что в рассматриваемое время можно было определить наличие риска для жизни детей. Также, хотя, рассуждая задним числом, можно сделать вывод, что желательно было бы срочно уведомить школу или орган по вопросам защиты детей, во время тех конкретных событий власти государства-ответчика не могли предвидеть, что такая мера [как арест] требовалась для предотвращения нападения на А. Таким образом, бездействие в вопросе информирования, обязательность которого в то время не была установлена в законе, нельзя расценивать как нарушение властями государства-ответчика обязательства проявлять особое внимание в контексте позитивных обязательств властей на основе критериев, упомянутых в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*).

209. В силу упомянутых выше причин Европейский Суд соглашается с властями государства-ответчика в том, что, основываясь на известных им в рассматриваемое время фактах, отсутствовали признаки прямого и непосредственного риска совершения новых актов насилия против сына заявительницы за пределами мест, включенных в приказ об ограничениях и защите, а тем более риска

для его жизни. Оценка риска выявила определенный риск несмертельного насилия в отношении детей, которое мог совершить отец в контексте домашнего насилия, главным объектом которого была заявительница. Меры, принятые властями государства-ответчика по результатам проведенной оценки риска, можно считать достаточными для защиты от любого риска дальнейшего насилия в отношении детей. Власти государства-ответчика тщательно и добросовестно принимали все необходимые меры защиты. Никакого прямого и непосредственного риска посягательства на жизнь детей, который бы подпадал под критерии, обозначенные в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), установить было невозможно (см. выше § 164). Поэтому у властей государства-ответчика не возникало обязательство принимать дальнейшие профилактические меры специально в отношении детей заявительницы, будь то в частных владениях или общественных местах, например выдавать приказ об ограничениях и защите, распространяющийся на школу, где учились дети.

210. Далее Европейский Суд, принимая во внимание требования уголовного законодательства государства-ответчика (см. выше § 65 *et seq.*), а также требования, вытекающие из статьи 5 Конвенции, защищающие права обвиняемых (см. выше § 182), не находит причин ставить под сомнение решения судов Австрии о том, что действия их властей, не заключивших Е. под стражу до суда, были законными. В этом контексте Суд вновь повторяет, что, согласно статье 5 Конвенции, никто не может быть лишен свободы иначе как в соответствии с законодательством государства. Суд далее отмечает, что заявительницей не подавалась жалоба на несоответствие внутренней законодательной базы, касающейся заключения под стражу, позитивным обязательствам, вытекающим из статьи 2 Конвенции. Соответственно, исследование указанного вопроса выходит за пределы данного дела.

(d) Вывод

211. Европейский Суд приходит к заключению, что власти государства-ответчика проявили требуемое должное усердие, быстро отреагировав на сообщение заявительницы о домашнем насилии и должным образом учли специфику домашнего насилия в настоящем деле. Они провели независимую, своевременную и полную оценку риска, по результатам которой ими был выдан приказ об ограничениях и защите. Однако данная оценка не указывала на наличие прямого и непосредственного риска для жизни сына заявительницы. Вследствие этого не возникло обязательство принимать какие-либо меры предупреждения в этом отношении.

212. Соответственно, отсутствовало нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

213. В свете данного вывода Европейский Суд не считает необходимым выносить решение по предварительному возражению властей государства-ответчика, касающемуся вопроса исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда делу «Беннич-Залевский против Польши» (*Bennich-Zalewski v. Poland*) от 22 апреля 2008 г., жалоба № 59857/00, § 98).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

214. Заявительница утверждала, что, не сумев защитить ее от домашнего насилия, государство-ответчик подвергло ее дискриминации как женщину, чем нарушило статью 14 Конвенции. Европейский Суд отмечает, однако, что в ранее поданной заявительницей жалобе в Европейский Суд (которая была направлена 16 декабря 2015 г.) данный вопрос не поднимался, а впервые возник только в ее замечаниях от 10 января 2020 г., поданных в Большую Палату

215. Поскольку последнее решение суда государства-ответчика было вручено заявительнице 16 июня 2015 г. (см. выше § 44), жалоба в этой части считается поданной за пределами установленного пунктом 1 статьи 35 Конвенции шестимесячного срока и поэтому признается неприемлемой для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Денисов против Украины» (*Denisov v. Ukraine*) от 25 сентября 2019 г., жалоба № 76639/11¹, §§ 135–136).

На основании изложенного Европейский Суд:

1) *объявил* единогласно жалобу в части, касающейся статьи 14 Конвенции, неприемлемой для рассмотрения по существу;

2) *объединил* большинством голосов предварительные возражения властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты с рассмотрением по существу и не нашел необходимым выносить отдельное постановление по данному вопросу;

3) *постановил* десятью голосами «за» при семи «против», что отсутствовало нарушение статьи 2 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 15 июня 2021 г.

Мариалена ЦИРЛИ Секретарь Большой Палаты Суда	Роберт СПАНО Председатель Большой Палаты Суда
---	---

¹ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению приобщены следующие особые мнения:

(а) совпадающее мнение судьи Паулиине Коскело, к которому присоединились судьи Бранко Лубарда, Жорж Раварани, Габриэль Кучко-Штадльмайер, Алена Полачкова, Йован Илиевский, Эрик Веннерстрём и Раффаэле Сабато;

(b) совместное особое мнение судей Ксени Туркович, Пауля Лемменса, Армена Арутюняна, Марии Элосеги, Джильберто Феличи, Дариана Павли и Саадет Юксель;

(с) особое мнение судьи Марии Элосеги.

Р.С.О.
М.Ц.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛИИНЕ КОСКЕЛО, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ СУДЬИ БРАНКО ЛУБАРДА, ЖОРЖ РАВАРАНИ, ГАБРИЭЛЬ КУЧКО-ШТАДЛЬМАЙЕР, АЛЕНА ПОЛАЧКОВА, ЙОВАН ИЛИЕВСКИЙ, ЭРИК ВЕННЕРСТРЁМ И РАФФАЭЛЕ САБАТО

1. Мы полностью поддерживаем настоящее Постановление. Данное мнение прилагается с целью представить некоторые дополнительные соображения в интересах прояснения нашей позиции по ряду вопросов.

I. КОНТЕКСТ

2. Данное дело возникло в результате серьезной трагедии – убийства сына заявительницы его отцом, который на момент рассматриваемых в жалобе событий являлся мужем заявительницы. Жалоба заявительницы должна была быть рассмотрена в соответствии со статьей 2 Конвенции, если быть точным, той ее частью, которая касается обязательств государства-ответчика принимать профилактические оперативные меры для защиты жизни. Хотя данное дело касается домашнего насилия, его контекст и пределы рассмотрения, как всегда, ограничены обстоятельствами. Как на уровне государств, так и в масштабе самой Конвенции домашнее насилие является более широкой социальной и правовой проблемой, чем те конкретные обстоятельства, которые Европейский Суд призван исследовать и которые он обязан рассматривать в каждом конкретном деле. Помимо статьи 2 Конвенции вопросы домашнего насилия могут, в частности, подпадать под действие статей 3 и 8 Конвенции. И хотя Суд не должен упускать из виду более широкое понимание проблемы и ее многогранные аспекты, особенно в мотивировке по соответствующим общим принципам, его выводы, тем не менее, должны находиться в фактических и законодательных рамках рассматриваемого им дела.

3. Поэтому, хотя данное Постановление касается явления домашнего насилия и хотя эта позиция частично отражена в описании общих принципов, пределы рассмотрения дела ограничены взглядом на эту проблему с точки зрения указанных выше позитивных обязательств, вытекающих из статьи 2 Конвенции, с учетом конкретных обстоятельств.

II. ПОЗИТИВНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ОБЕСПЕЧИВАТЬ ЗАЩИТУ

4. Основу позитивных обязательств, возникающих у государств в ходе борьбы с домашним насилием, составляет необходимость выработки мер предупреждения и наказания для обеспечения защиты жертв от любого вреда или угрозы его причинения. Но как характер таких рисков, так и способы их устранения являются весьма разнообразными. Соответственно, конкретное толкование позитивных обязательств, вытекающих из различных положений Конвенции, в том числе согласование конкурирующих прав и интересов, которые могут быть ими затронуты, находится в сильной зависимости от обстоятельств конкретного дела. Широкий спектр обязательств по защите не всегда влечет и не может повлечь за собой столь же широкого набора мер, которые могут быть приняты, или полномочий, которые могут осуществляться для защиты интересов в каждом конкретном деле, он также не снимает обязанность выполнять положения Конвенции, относящиеся к конкретному делу, в их совокупности. Важность данного утверждения подчеркивается тем фактом, что власти обязаны принимать меры защиты без промедления на основе заявления жертвы и собственной оценки риска, однако зачастую это влечет за собой вмешательство в другие права.

5. В частности, хотя требование проведения независимой или своевременной и полной *оценки риска* в отношении всех возможных жертв (см. §§ 167–173 Постановления Европейского Суда) является существенным, оно не освобождает ни власти от возложенных на них обязанностей проявлять осторожность в оценках и принимать необходимые меры реагирования на основе конкретных обстоятельств и фактических и правовых соображений, касающихся каждой конкретной ситуации, ни Европейский Суд от обязанности осуществлять свой надзор в соответствии со стандартами Конвенции. Хотя, например, факты насилия и риск их совершения между партнерами или бывшими партнерами могут повлечь за собой увеличение риска насилия также и в отношении детей, проживающих в семье, такого общего фактора риска недостаточно для обоснования запрета на общение родителя и его ребенка в отсутствие достаточно конкретных признаков существования вышеупомянутого риска в определенных обстоятельствах. И хотя необходимо учитывать ситуацию

в семье в целом, это не означает, что не потребуется дифференцированный подход к оценке ситуации.

6. Что касается методологии оценки риска, Европейский Суд отметил важность применения стандартизированных механизмов, таких как опросники или контрольные списки вопросов (см. §§ 167 и 173–174 Постановления Европейского Суда). Он также признал необходимость «хотя бы базового документирования» даже при необходимости срочного реагирования, чтобы удостоверить факт проведения оценки риска (см. § 174 Постановления Европейского Суда). В то же время в этом вопросе должна проявляться определенная осторожность. Во-первых, полагаясь на стандартизированные методы, власти не избавлены от обязанности учитывать специфические факторы, которые существуют в конкретном деле, но которые могут отсутствовать в стандартизированной методике оценки риска. Во-вторых, использование стандартизированных методов не всегда говорит о том, что оценка реально проводилась, если она воспринимается как формальность или бюрократическая процедура. Также нельзя исключать, например, что оценка риска может быть эффективной, даже если она не проводилась на основании каких-либо стандартизированных методов.

III. РИСК И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ОБЯЗАННОСТИ

7. Домашнее насилие – это сложное явление, которое проявляется во всех сферах общества и не имеет простого решения. Оно может различаться по форме, интенсивности, динамике, особенно, когда это понятие толкуется широко, включая в себя не только физическое насилие, но также и экономическое, эмоциональное давление или словесное оскорбление (см. § 157 Постановления Европейского Суда). Риски совершения такого насилия в будущем также различаются по своему характеру и интенсивности. Кроме того, как характер, так и интенсивность риска могут быть различными для разных членов семьи. Соответственно, реакция властей, вытекающая из их позитивных обязательств, также может и должна быть различной. Принятие соответствующих законов и оказание помощи жертвам на практике требуют проведения специальных исследований и принятия согласованных, учитывающих гендерную специфику политических, правовых и финансовых мер.

8. Что касается обязательства принимать профилактические оперативные меры, вытекающего из статьи 2 Конвенции, то оно определяется отношением к риску и действиями. Определяется степень необходимого риска, приводящего к возникновению обязательств, а также в соответствии с данным риском определяются необходимые профилактические меры. И хотя указанное обяза-

тельство касается самих мер, а не их результатов, утверждение о его нарушении не может быть основано на действиях или бездействии, не имеющих прямого отношения к делу, по времени либо по существу, в том, что касается наличия риска, приводящего к возникновению обязательства. Главные вопросы в данном случае – это, во-первых, знали ли власти или должны ли были знать о существовании риска для жизни, требующего незамедлительного принятия профилактических мер, и, если да, то имело ли место бездействие, которое привело к последующему фатальному исходу.

9. Когда, как в настоящем деле, задействована статья 2 Конвенции, приниматься во внимание должен риск для жизни, а не риск совершения какого-либо иного насилия. Более того, речь здесь идет о риске для жизни конкретного члена семьи, ребенка, чья жизнь была отнята. Как следствие, вопрос, который был призван исследовать Европейский Суд, заключался в том, имело ли место со стороны компетентных органов государства-ответчика неисполнение обязательства по оценке риска для жизни в отношении сына заявительницы, а если быть более точным, существовал ли прямой и непосредственный риск, о котором было или могло быть известно властям, что отец убьет сына, несмотря на выданный полицией 22 мая 2012 г. приказ об ограничениях и защите.

10. Обязательство принимать профилактические оперативные меры, вытекающие из статьи 2 Конвенции, связано с наличием такого риска или, точнее, добросовестной и разумной оценки наличия такого риска. Иными словами, обязанность принимать профилактические оперативные меры возникает при наличии риска, имеющего конкретный характер и направленного на конкретный объект. Мы разделяем вывод, сделанный в Постановлении (§ 209 Постановления Европейского Суда), что в данном случае обязательство по принятию профилактических оперативных мер не возникло.

IV. РАССУЖДЕНИЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ ПРОТИВ ТРУДНОСТЕЙ ПРЕДВИДЕНИЯ

11. Рассматривая вопрос о том, как власти государства-ответчика действовали в ситуациях, относящихся к делам о домашнем насилии, когда предметом обсуждения является достаточность профилактических мер со стороны властей, очень важно избегать оценок, сделанных задним числом. Даже тогда, когда оценка риска проводится заранее, все равно существуют трудности и неопределенности в возможности предсказать конкретные действия. Судебный орган, такой как Европейский Суд, оценивая события, которые уже имели место, не должен недооценивать трудности определения характера, объектов и времени совершения возможных актов насилия. Европейский Суд также не должен

недооценивать все те сложности, с которыми сталкиваются власти при выборе тех или иных мер реагирования в каждом конкретном случае. В некоторых случаях защитные меры, направленные на уменьшение риска для потенциальных жертв, только провоцируют лиц, совершающих насилие. Даже при наличии высокого профессионализма и добросовестности точно предсказать, что может произойти, когда и где и какие профилактические меры из числа имеющихся необходимо принять, по меньшей мере сложно. Судить о направленности действий или времени их совершения гораздо легче задним числом, чем в ситуации, складывавшейся на момент принятия решения.

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ
ЕВРОПЕЙСКИХ СУДЕЙ КСЕНИИ ТУРКОВИЧ,
ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА, АРМЕНА АРУТЮНЯНА,
МАРИИ ЭЛОСЕГИ, ДЖИЛЬБЕРТО ФЕЛИЧИ,
ДАРИАНА ПАВЛИ И СААДЕТ ЮКСЕЛЬ**

1. В основе данного дела лежит трагическая смерть сына заявительницы от рук собственного отца, ставшая итогом длительного периода домашнего насилия. В более широком смысле это дело представляет Большой Палате Европейского Суда возможность уточнить объем обязательств государства в материально-правовом аспекте статьи 2 Конвенции по делам о домашнем насилии. Мы полностью согласны с общими принципами и частично с новеллами, провозглашенными Европейским Судом в этой связи. На двух из них мы считаем необходимым остановиться отдельно. Во-первых, Европейский Суд исследовал обязанность государства проводить полную оценку риска, в особенности риска для жизни, с которым сталкиваются жертвы домашнего насилия. Только такая оценка может оправдывать утверждение властей государства-ответчика о том, что у них не было фактической или достаточной информации о существовании прямого и непосредственного риска. Во-вторых, Европейский Суд пролил свет на то, как следует понимать сам термин «неизбежность» в данном конкретном случае, отметив, что необходимо учитывать «общую направленность обострения ситуации в делах о домашнем насилии» и иные факторы, отличающие такие дела от других (то есть от дел об однократных актах насилия) ситуаций наподобие дела «Осман против Соединенного Королевства» (см. § 176 Постановления Европейского Суда, в котором упоминается Постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII). Сегодняшнее Постановление также было полезным в изложении общих принципов по вопросу лишения свободы, согласно статье 5 Конвенции, рассмотренному через призму возможных профилак-

ческих мер, которые могут быть приняты *vis-à-vis* лица, совершающего акты насилия (см. §§ 184–189 Постановления Европейского Суда).

2. Наше несогласие с большинством касается применения вышеуказанных принципов к обстоятельствам настоящего дела. По нашему мнению, правильное применение этих принципов должно было привести к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции.

3. Сначала мы рассмотрим предварительные возражения, представленные властями государства-ответчика о том, что заявительница не исчерпала всех внутригосударственных средств правовой защиты, и сформулируем вывод о том, почему его следовало отклонить. Далее мы обратимся к существу требований, изложенных в жалобе заявительницы касательно статьи 2 Конвенции. Как указано в § 159 сегодняшнего Постановления, исследование выполнения государством-ответчиком своих обязательств, согласно статье 2 Конвенции, должно включать в себя как анализ достаточности оценки риска, проведенной властями, так и в случае установления наличия такого риска достаточности принятых профилактических мер. Исследовав оба эти аспекта, мы сформулируем вывод о том, что оценка риска, проведенная властями по данному делу, была недостаточной, что риск для жизни сына заявительницы в рассматриваемое время вполне возможно было установить и что власти не сумели принять необходимых профилактических мер. Мы также отметим, что перечень мер по защите детей, являющихся жертвами домашнего насилия, во время рассматриваемых в жалобе событий был весьма ограничен (см. ниже § 34).

**I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ
ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА**

4. Власти государства-ответчика настаивали на том, что заявительница не должна была полагаться на доводы о том, что законодательство государства-ответчика не позволяло распространить действие приказа об ограничениях и защите на школу, которую посещали ее дети. Власти государства-ответчика заявляли, что такое распространение было возможно в случае получения временного запретительного приказа, за выдачей которого заявительница своевременно не обратилась (см. §§ 105–106 Постановления Европейского Суда). Большинство постановило, что ввиду сделанного им вывода о том, что со стороны властей государства-ответчика невозможно было установить наличие риска для жизни сына заявительницы, нет необходимости выносить решение по предварительным возражениям (см. § 213 Постановления Европейского Суда).

5. Поскольку мы не согласны с выводом большинства о характере риска, известного властям государства-ответчика, мы считаем необходимым

обратиться к предварительным возражениям властей государства-ответчика. В свете сказанного мы считаем, что данные возражения не относятся к вопросу об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты как таковых. Как приказ об ограничениях и защите, так и временный запретительный приказ, согласно законодательству Австрии, являются мерами профилактического характера. С убийством сына заявительницы они потеряли свою силу в отношении него и утратили свою актуальность; поэтому у заявительницы не осталось средств защиты, которые она могла бы исчерпать. Следовательно, возражения властей государства-ответчика касаются скорее вопроса о разделении обязанностей по превентивной должной осмотрительности между государством и заявительницей как (матерью) жертвы насилия. В качестве таковых они касаются существа дела, и мы рассмотрим их должным образом ниже.

II. МОЖНО ЛИ БЫЛО ВО ВРЕМЯ РАССМАТРИВАЕМЫХ В ЖАЛОБЕ СОБЫТИЙ ОПРЕДЕЛИТЬ НАЛИЧИЕ НЕИЗБЕЖНОГО РИСКА ДЛЯ ЖИЗНИ СЫНА ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ – ДОСТАТОЧНОСТЬ ОЦЕНКИ РИСКА

6. Обращаясь к существу жалобы заявительницы, согласно статье 2 Конвенции, мы вновь повторяем, что поддерживаем общий принцип, согласно которому проверка соблюдения государством-ответчиком положений статьи 2 Конвенции должна включать в себя анализ достаточности оценки риска, проведенной властями государства-ответчика (см. § 159 Постановления Европейского Суда). Достаточность оценки требует незамедлительной реакции властей государства на обращения о домашнем насилии. Власти должны установить, существует ли прямой и непосредственный риск для жизни одной или нескольких определенных жертв путем проведения независимой, своевременной и полной оценки риска. Наконец, наличие прямого и непосредственного риска должно оцениваться с учетом конкретного контекста домашнего насилия. Если в результате оценки будет установлено наличие прямого и непосредственного риска, возникает обязательство по принятию властями государства мер предупреждения (см. § 190 Постановления Европейского Суда).

7. Мы расходимся с большинством именно в том выводе, что действия властей государства-ответчика в данном деле соответствовали этим стандартам (см. § 211 Постановления Европейского Суда). Хотя мы признаем, что власти изначально быстро отреагировали на сообщения заявительницы о фактах домашнего насилия (см. §§ 191–194 Постановления Европейского Суда), мы не находим, что их общая реакция была достаточно полной или что они должным образом учли контекст домашнего насилия в данном деле. Во-первых,

мы считаем, что сама процедура оценки риска содержала изъяны в некоторых важных моментах. Во-вторых, мы считаем, что оценка наличия риска для жизни была недостаточной сам по себе, так как власти государства-ответчика придали преувеличенное значение одним факторам и недооценили другие.

A. Качество использованных процедур оценки риска

8. По нашему мнению, имелись существенные аспекты, которые оказали влияние на качество оценки риска, проведенной властями государства-ответчика. В частности, полицией использовался нестандартный метод оценки риска, который отдельно не рассматривал наличие риска для жизни, в частности для жизни детей заявительницы. Также власти государства-ответчика не провели достаточно полного изучения вопроса о доступе мужа заявительницы к оружию. Кроме того, эти недостатки не были устранены в дальнейшем сотрудниками прокуратуры. Поэтому мы считаем, что власти государства-ответчика своим поведением лишили себя возможности узнать о существовании в рассматриваемое время прямого и непосредственного риска для жизни сына заявительницы.

1. Оценка возможного риска для жизни членов семьи

9. Власти государства-ответчика, по нашему мнению, не доказали, что проведенная ими оценка риска была достаточной для того, чтобы определить наличие риска для жизни со стороны мужа заявительницы в отношении своей жены и детей. На самом деле, согласно приказу Министерства внутренних дел Австрии от 22 сентября 2010 г. (приказ «Об организации и применении в вопросах “насилия в частной жизни”/“предупреждения насилия” (Erlass für die Organisation und die Umsetzung im Bereich “Gewalt in der Privatsphäre”/“Gewaltschutz”)), который действовал в момент рассматриваемых событий, полиция не имела права проводить какую-либо оценку риска, выходящую за рамки мер, направленных на выдачу приказа об ограничениях. Хотя такая оценка риска сама по себе не считается неразумной, необходимо подчеркнуть, что существует разница между оценкой риска, выполняемой срочно для выдачи приказа об ограничениях, для чего достаточно лишь установить возможность совершения новых актов насилия виновным в них лицом (см. § 48 Постановления Европейского Суда), и полномасштабной оценкой риска, которая сосредоточена на выявлении *риска для жизни* членов семьи. У властей государства-ответчика была возможность провести более полную оценку риска в отношении как заявительницы, так и ее детей

в менее стесненных обстоятельствах, после допроса детей заявительницы вечером 22 мая 2012 г., а также после повторного допроса мужа заявительницы двумя днями позже, утром 24 мая 2012 г. Однако в деле нет записей или иной информации о том, что когда-либо проводилась полная оценка риска (см. § 174 Постановления Европейского Суда) несмотря на то, что заявительница в своих показаниях настаивала на том, что воспринимала угрозы мужа в отношении детей «очень серьезно» (см. § 19 Постановления Европейского Суда).

10. Такое бездействие может быть связано с решением властей Австрии не использовать национальные или региональные стандартизированные механизмы с заранее подготовленными вопросами или критериями для оценки риска угрозы жизни в делах о домашнем насилии. Мы согласны с большинством, что, согласно критериям, приведенным в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), использование таких методик прямо не требуется, но они, тем не менее, могут быть весьма полезны для того, чтобы сотрудники полиции проводили оценку риска с должной строгостью и сосредоточенностью (см. §§ 167–168 Постановления Европейского Суда). Очень важным в этом отношении является то, что буквально все участвовавшие в деле в качестве третьей стороны лица (см. §§ 137–156) указали на отсутствие стандартизированной методики оценки риска в Австрии как на серьезную проблему, и власти самого государства-ответчика признали необходимость улучшить систему оценки возможного рецидива по делам о домашнем насилии (см. § 90 Постановления Европейского Суда). Как представляется, власти Австрии с 2013 года используют ряд таких методик в качестве пилотных проектов, однако ни одна из них еще не принята по причинам, которые для нас неясны (см. §§ 61–64 Постановления Европейского Суда).

11. В результате властям государства-ответчика не удалось заметить значительные факторы риска, которые, в противном случае, привлекли бы их внимание. Например, хотя полиция, выдавая приказ об ограничениях и защите, и отметила ряд факторов риска (см. §§ 27 и 129 Постановления Европейского Суда), она не сумела заметить целый ряд международно признанных факторов риска, таких как игровая зависимость мужа и имевшиеся у него ранее проблемы с психикой; его экономическая зависимость от заявительницы и последующая потеря заявительницей работы; высказываемые ранее мысли о самоубийстве наряду с угрозами убийства.

2. Оценка риска конкретно для жизни детей

12. Мы отмечаем, что в отношении детей не проводилось какой-либо отдельной оценки риска (см. § 205 Постановления Европейского Суда).

Кроме того, оценка риска, проведенная в отношении заявительницы, не рассматривала риск домашнего насилия как риск, способный повлиять на семью в целом. В действительности власти государства-ответчика, по-видимому, сосредоточили внимание исключительно на заявительнице как на основном объекте насилия и угроз со стороны ее мужа и конкретному положению детей уделялось мало внимания. Мы находим этот факт наиболее проблематичным, учитывая, что, как признает практика Европейского Суда, дети, ставшие жертвами насилия в семье, являются особенно уязвимыми и имеют право на государственную защиту от серьезных нарушений права на личную неприкосновенность (см. § 163 Постановления Европейского Суда, в котором упоминаются Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), жалоба № 33401/02, § 59, ECHR 2009); Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*) от 2 марта 2017 г., жалоба № 41237/14, § 99); и Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*) от 9 июля 2019 г., жалоба № 41261/17, § 72).

13. Позиция властей государства-ответчика, преимущественно поддержанная большинством, основана на предполагаемом отсутствии какого-либо видимого риска для жизни детей заявительницы. Учитывая информацию, которая была доступна в рассматриваемое время, мы не можем согласиться с этим аргументом. Сами дети давали показания о физическом насилии со стороны их отца. В Постановлении подчеркивается, что дети не были основным объектом насилия или угроз (см. § 206 Постановления Европейского Суда); однако отец детей неоднократно угрожал заявительнице, прямо заявляя, что убьет детей. Кроме того, подобный подход игнорирует тот факт, что нападения на детей могут быть задуманы эмоционально нестабильным и склонным к насилию отцом, столкнувшимся с внезапной возможностью расторжения брака и связанного с ним, как ему казалось, унижения, как высшая форма наказания для их матери.

14. Даже если власти государства-ответчика не провели отдельную оценку риска для детей, они должны были, по крайней мере, учитывать, что насилие в семье в отношении матери следует считать представляющим угрозу для детей в широком смысле. Насилие в семье следует рассматривать как нечто, происходящее в семье как едином целом, даже если оно в первую очередь направлено на конкретного члена семьи (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 122; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), § 86). Важно

отметить, что в соответствии со Стамбульской конвенцией любая оценка риска должна систематически учитывать риск не только для подвергшегося насилию супруга, но и для всех затронутых таким насилием детей (см. замечания ГРЕВИО, § 139 Постановления Европейского Суда). Уместно отметить, что после трагических событий, произошедших в данном деле, в австрийское законодательство были внесены изменения, требующие, чтобы службы по делам молодежи немедленно информировались, если в отношении семей с детьми выдается приказ об ограничениях и защите, а также о предоставлении этим ведомствам полномочий обращаться за временными запретительными приказами от имени детей, находящихся в опасности (см. § 60 Постановления Европейского Суда).

3. Прочие недостатки

15. Полиция провела проверку на предмет наличия оружия, зарегистрированного на имя мужа заявительницы, и получила отрицательный результат (см. §§ 22 и 197 Постановления Европейского Суда). Однако из имеющихся в деле рапортов полиции видно, что полиция не спрашивала заявительницу о том, было ли у ее мужа оружие. Учитывая критически важное значение в делах о домашнем насилии установления возможности доступа лица, совершающего насилие, к оружию (см. Постановление Европейского Суда по делу «Контрова против Словакии» (*Kontrová v. Slovakia*) от 31 мая 2007 г., жалоба № 7510/04, § 52), а также статью 51 Стамбульской конвенции), мы считаем, что недостаточно было просто проверить, зарегистрировано ли какое-либо оружие на имя мужа заявительницы.

16. Наконец, ни одна из проблем, связанных с наличием риска для жизни, не была решена впоследствии. Мы отмечаем, что любая оценка риска, которую мог бы провести прокурор, основывалась исключительно на информации, предоставленной полицией, прокурор лично не допрашивал ни заявительницу, ни ее мужа, ни ее детей. Кроме того, в последние три дня, предшествующие смертельному нападению, этим делом занимались несколько прокуроров поочередно. Поэтому мы не считаем, что какие-либо власти государства-ответчика проводили достаточную и полномасштабную оценку риска для жизни детей.

В. Качество оценки риска по существу

17. В дополнение к недостаткам процедуры проведения оценки риска мы также считаем, что в содержании такой оценки имелся ряд проблем, так как власти государства-ответчика переоценили влияние одних факторов и недооценили влияние других.

1. Существенные факторы риска, учтенные в недостаточной степени

18. Власти не придали должного значения ряду факторов, таких как обострение насилия в отношении заявительницы и ее детей (кульминацией которого стали совершенные мужем предполагаемое изнасилование заявительницы и попытки души ее за несколько дней до смертельного нападения на сына заявительницы), наличие причин, способствующих совершению убийства члена семьи, а также тот факт, что заявительница сообщила об участившихся серьезных угрозах в адрес ее и ее детей. Эти факторы указывают на степень общей опасности со стороны мужа и поэтому должны были учитываться при оценке риска, который он представлял, не только в отношении заявительницы, но и в отношении их общих детей.

19. Что касается утверждений заявительницы, что муж изнасиловал ее, складывается впечатление, что власти государства-ответчика несколько преуменьшили серьезность таких заявлений, сославшись на отсутствие гинекологических травм. Прокурор в своих замечаниях, приложенных к делу заявительницы, указал, что «во время акта муж не прижимал ее, не применял какого-либо иного насилия и жертва не кричала» (см. § 28 Постановления Европейского Суда). Такая реакция на обращение заявительницы представляет собой устаревший взгляд на изнасилование (см. Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (*M.C. v. Bulgaria*), жалоба № 39272/98, §§ 130–147 и 166, ECHR 2003-XII) и вызывает сомнения в серьезности отношения властей государства-ответчика к фактам домашнего насилия, которому подверглась заявительница.

20. Представляется также, что власти государства-ответчика упустили или не придали значения или недооценили тот факт, что муж душил заявительницу. Существует обширный эмпирический материал, говорящий о том, что попытка удушения является серьезным предупреждающим сигналом. В некоторых странах было обнаружено, что риск совершения убийства возрастает в семь раз для тех лиц, которых когда-либо душил половой партнер, а 43 процента женщин, убитых в результате домашнего насилия, подвергались удушению в течение предшествующего года (см. Nancy Glass et al., “Non-fatal Strangulation Is an Important Risk Factor for Homicide of Women”, 35(3) *Journal of Emergency medicine* 329–335 (2008)).

21. Далее, кроме общих отсылок к признакам эскалации ситуации с домашним насилием, власти государства-ответчика придали сравнительно небольшое значение ряду провоцирующих факторов, таких как заявление о расторжении брака, тот факт, что муж мог быть лишен родительских прав, которые, как широко известно, могут при-

вести к росту домашнего насилия, связанного с угрозой для жизни. По факту, они поступили противоположным образом: подчеркнув тот факт, что муж соблюдал условия приказа об ограничениях и защите, выданного в 2010 году (см. § 41 Постановления Европейского Суда), они проигнорировали значение инициирования заявительницей бракоразводного процесса и общее ухудшение отношений супругов в предшествующие годы. В целом в оценке риска, проведенной властями государства-ответчика, не применялся подход, учитывающий гендерные факторы (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), § 111).

22. Наконец, власти государства-ответчика преуменьшили значение показаний заявительницы о том, что муж угрожал ее жизни и жизни ее детей. В действительности власти государства-ответчика сочли, что эти угрозы не столь серьезны, а выполнение их не столь вероятно, чтобы говорить о риске для жизни (см. § 206 Постановления Европейского Суда). Однако исследования показывают, что жертвы домашнего насилия обращаются за защитой только после совершения серьезного акта насилия либо после продолжительного периода такого насилия. Иными словами, жалобы на домашнее насилие обычно подаются только после нескольких случаев насилия и зачастую после столь серьезного акта насилия, что он делает невыносимым и нетерпимым совместное проживание и даже представляет угрозу для жизни жертвы.

2. Факторы, значение которых было преувеличено

23. И наоборот, власти государства-ответчика преувеличили значимость ряда факторов при проведении оценки риска. В частности, как представляется, они придали чрезмерно большое значение спокойному поведению мужа в присутствии полиции, тому факту, что большинство случаев насилия до настоящего времени имели место только дома, отсутствию оружия, зарегистрированного на имя мужа заявительницы, а также тому, что заявительница не приняла против своего мужа мер сразу же после происшествия.

24. В своей оценке риска полиция основывалась на том факте, что на допросе муж казался спокойным, отметив, что он не проявлял агрессии в присутствии представителей власти (см. §§ 33 и 41 Постановления Европейского Суда). Полиция также сочла важным, что муж был вежлив и дружелюбен со своими знакомыми, включая родителей одноклассников своих детей (см. § 37 Постановления Европейского Суда). Однако отсутствие агрессивности по отношению к знакомым или полиции не является надежным свидетельством того, что лицо не может проявить агрессию по

отношению к своей жене или ребенку (см. § 208 Постановления Европейского Суда).

25. Власти государства-ответчика также подчеркивали, что муж заявительницы никогда не причинял вред жене или детям за пределами своего дома (см. § 41 Постановления Европейского Суда). Однако этот факт не должен был иметь никакого, тем более серьезного значения; как только мужу было запрещено приближаться к дому, где он совершал насилие, его призывы к насильственным действиям должны были найти себе выход в каком-нибудь другом месте. Насилие совершается в отношении лиц, а не мест. Принятые защитные меры поэтому были основаны на этом серьезном заблуждении, как мы покажем ниже. Стоит также подчеркнуть, что с января 2020 года законодательство Австрии предусматривает такой инструмент, как приказ о запрете контактов, направленный на лиц, а не определенные места (см. § 53 Постановления Европейского Суда).

26. Власти государства-ответчика сочли существенным, что запрос в реестр владельцев оружия дал отрицательный результат (см. § 22 Постановления Европейского Суда). Однако, как уже было отмечено, полиция не задавала вопрос заявительнице о том, было ли у ее мужа оружие (официально или неофициально), а также не выясняла, мог ли он как-либо достать такое оружие. Европейский Суд признал, что, учитывая особое психологическое состояние, в котором находятся жертвы домашнего насилия, власти, расследующие дело, обязаны задавать все относящиеся к делу вопросы с целью получения достаточной информации, а не полагаться на то, что жертва по своей инициативе сообщит все существенные детали (см. § 170 Постановления Европейского Суда и Постановление Европейского Суда по делу «Т.М. и С.М. против Республики Молдова» (*T.M. and S.M. v. Republic of Moldova*) от 28 января 2014 г., жалоба № 26608/11, § 46). Особенно существенной является неспособность властей государства-ответчика провести более детальное изучение вопроса о доступе мужа заявительницы к оружию: исследования показывают, что наличие пистолета в обстоятельствах, связанных с домашним насилием, приводит к росту риска совершения убийства женщины на 500 процентов (см. *C. Campbell et al., "Risk Factors for Femicide Within Physically Abusive Intimate Relationships: Results from a Multi-Site Case Control Study"*, 93 *American Journal of Public Health* 1089–1097 (2003)).

27. Наконец, власти государства-ответчика придали слишком большое значение действиям или бездействию со стороны заявительницы. В частности, тот факт, что заявительница сообщила об изнасиловании и удушении только через три дня после происшествия, был сочтен фактором, говорящим об отсутствии непосредственного риска (см. § 127 Постановления Европейского Суда). Однако

широко известно, что жертвы иногда обращаются в полицию спустя годы после изнасилования, особенно если речь идет об изнасилованиях со стороны супруга. Заявительница находилась в процессе принятия, может быть, самого важного решения в жизни – подачи заявления о расторжении брака в следующий понедельник, что, вероятно, было связано с ее решением сообщить об изнасиловании. Тот факт, что у заявительницы ушло три дня (включая выходные), чтобы решиться на этот трудный шаг, не должен свидетельствовать против нее и определенно не освобождает власти государства-ответчика от обязанности внимательно оценить объективные факторы риска.

28. Главный пункт решения большинства основан на выводе о том, что «не было признаков существования риска для жизни детей в школе (см. § 206 Постановления Европейского Суда) либо «за пределами мест, на которые распространялось действие приказа об ограничениях и защите» (см. § 209 Постановления Европейского Суда), и что, в любом случае, любая оценка риска привела к выводу об отсутствии угрозы жизни детей (там же). По причинам, изложенным в § 25 настоящего мнения, мы считаем, что учет серьезных рисков для жизни и здоровья *в узязке только с конкретным местом* (например, домом, где живут дети) является серьезным заблуждением в контексте домашнего насилия. Мы просто не в состоянии понять, почему живущего отдельно психически неуравновешенного мужа, который готов отнять жизнь собственных детей, должны удерживать от этого конкретные координаты местности, указанные в приказе об ограничениях. Мы также не согласны с тем, что невозможно было определить наличие риска для жизни детей.

С. Вывод

29. В заключение данного раздела мы хотим сказать, что на основании тех доказательств, которые были или должны были быть в распоряжении властей государства-ответчика во время рассматриваемых в жалобе событий, включая ряд существенных факторов, говорящих о наличии риска для жизни, было вполне возможно установить наличие прямого и непосредственного риска в отношении детей заявительницы. Оценка риска для жизни, проведенная властями государства-ответчика, не была ни по форме, ни по существу независимой, своевременной и полной; в ней также не был учтен специфический контекст домашнего насилия. Такой вывод вызывает вопрос, может ли оценка риска, содержащая серьезные недостатки, привести, тем не менее, к принятию достаточных мер защиты в фактических обстоятельствах. Но, так как мы согласны с большинством в том, что оценка риска является «составной частью» обязательств государства по принятию профи-

лактических мер согласно критериям, приведенным в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (Osman v. United Kingdom) (см. § 159 Постановления Европейского Суда), мы переходим к оценке того, были ли профилактические меры, принятые властями государства-ответчика, достаточными в данных обстоятельствах.

III. ДОСТАТОЧНОСТЬ ПРИНЯТЫХ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР

30. Установив, что факты, известные властям государства-ответчика во время рассматриваемых в жалобе событий, были достаточными для возникновения у них обязательства по принятию профилактических мер для защиты жизни детей заявительницы, мы далее обращаемся к вопросу о достаточности фактически принятых мер. В противоположность мнению, выраженному большинством, мы не можем прийти к выводу, что власти государства-ответчика тщательно и добросовестно приняли все необходимые меры защиты (см. § 209 Постановления Европейского Суда). По нашему мнению, принятые меры были явно недостаточными, чтобы освободить государство от ответственности, вытекающей из статьи 2 Конвенции.

А. Непринятие каких-либо профилактических мер, касающихся школы, в которой учились дети

31. Цель оценки риска в значительной степени заключается в том, чтобы дать возможность компетентным органам управлять выявленным риском и предоставить согласованную защиту и поддержку жертвам. Для содействия этой цели соответствующие органы власти должны предоставлять информацию о рисках и координированную поддержку со всеми другими соответствующими заинтересованными сторонами, которые регулярно контактируют с лицами, подверженными риску (см. § 180 Постановления Европейского Суда). Что касается детей, школьный персонал и учителя, очевидно, относятся к числу этих соответствующих заинтересованных сторон, учитывая количество времени, которое дети обычно проводят в школе, и регулярность их присутствия там (*ibid.*; см. также статью 51 Стамбульской конвенции). Однако во время рассматриваемых событий австрийское законодательство не требовало, чтобы информация о насилии в семье передавалась в школу, в которой учатся дети (см. § 208 Постановления Европейского Суда), и полиция не имела возможности распространить действие приказа об ограничениях на школу (см. § 105 Постановления Европейского Суда). В результате учитель сына заявительницы был совершенно не осведомлен о проблемах насилия в семье, затрагивающих ребенка, и не было

принято каких-либо мер для запрета или контроля доступа мужа на территорию школы (см. § 35 Постановления Европейского Суда). Элементарное отсутствие взаимодействия и профилактики вылилось в критическую ошибку, которая позволила развернуться трагическим событиям того дня.

32. Власти государства-ответчика утверждали, что, хотя приказ об ограничениях и защите, выданный полицией, не мог распространяться на школу, в которой учатся дети, заявительница могла обратиться за временным запретительным приказом, который давал бы такую возможность (см. § 105 Постановления Европейского Суда). Не подав заявление о применении последней меры в надлежащее время, заявительница не в полной мере использовала профилактические меры, предусмотренные законодательством страны. В ответ на ранее сделанный Палатой по этому делу вывод о том, что временный запретительный приказ не может считаться эффективным средством правовой защиты в данных обстоятельствах, представители властей государства-ответчика представили дополнительные аргументы в ходе разбирательства в Большой Палате, включая статистическую информацию, якобы показывающую, что на практике такие приказы часто выдаются в считанные дни и, следовательно, могли бы предотвратить убийство сына заявительницы (см. § 106 Постановления Европейского Суда).

33. Мы считаем вывод Палаты, сделанный по данному вопросу, правильным. Во-первых, несмотря на дополнительные обобщенные данные, представленные властями государства-ответчика, временные рамки, в течение которых выдается судебный запрет, являются неопределенными и оставляются на усмотрение председательствующего судьи (см. доводы заявительницы в §§ 107 и 123 Постановления Европейского Суда). Во-вторых, что самое главное, мы не думаем, что, рассматривая вопрос под углом должного внимания государства на основе критериев, приведенных в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), будет правильным требовать от жертвы домашнего насилия, испытывающей страх вполне возможного посягательства на ее жизнь и жизнь ее детей, чтобы она запускала какие-либо судебные процедуры для защиты своей жизни. Предотвращение неминуемого риска для жизни требует более своевременных действий со стороны правоохранительных органов и органов прокуратуры. Именно власти должны добиваться соответствующих судебных решений и/или помогать жертве в этом – как, например, ограничение свободы (свободы передвижения) лица, совершившего насилие или представляющего угрозу совершения такового – одновременно принимая иные профилактические меры на протяжении всего судебного разбирательства. Поэтому мы считаем

доводы властей государства-ответчика в этой части несостоятельными.

34. Как уже отмечалось, после произошедших в данном деле событий в законодательство Австрии были внесены изменения, распространяющие действие приказов об ограничениях на школы, а также требующие незамедлительно уведомлять об этом органы по делам защиты детей, и совсем недавно – вводящие норму о запрете или регулировании любого контакта или попыток приблизиться к лицу, находящемуся под защитой («приказ о запрете контактов»). И хотя такие изменения не должны говорить против государства-ответчика, тем более с позиций сегодняшнего дня, тем не менее, трудно не заметить, что эти многочисленные изменения являются скрытым признаком на уровне государства существования пробелов в законодательной базе, действовавшей в рассматриваемое время.

В. Недостаточность иных мер, принятых властями государства-ответчика

35. Единственной оперативной мерой, принятой в данном деле, была выдача приказа об ограничениях и защите в отношении мужа заявительницы, который запрещал ему приближаться к дому, где жила его семья, дому родителей заявительницы и прилегающим территориям (см. § 25 Постановления Европейского Суда). Как уже отмечалось, тот факт, что приказы были территориально привязаны только к этим двум местам, подрывал их эффективность. Кроме того, широко известно, что в контексте домашнего насилия таких приказов самих по себе недостаточно для того, чтобы предотвратить посягательство на жизнь, хотя они несколько смягчают такой риск и должны применяться там, где это уместно (см. R. Logar and J. Niemi, «Emergency Barring Orders in Situations of Domestic Violence: Article 52 of the Istanbul Convention (Council of Europe, 2017), p. 10). Ввиду явного риска для жизни со стороны мужа заявительницы в специфических обстоятельствах данного дела выдача приказа об ограничениях была недостаточной и непропорциональной мерой.

36. Кроме того, нам представляется ясным, что существовали другие разумные меры, которые власти государства-ответчика могли и должны были принять для защиты заявительницы и ее детей. Даже оставляя в стороне вопрос о заключении мужа под стражу до суда (см. ниже § 37), в распоряжении властей государства-ответчика был ряд других мер. Как минимум, опытные сотрудники полиции, участвующие в деле, после проведенной оценки риска должны были дать консультации заявительнице об уровне риска, который представлял, по их профессиональному суждению, муж для нее и ее детей. Другими мерами могли быть: совет заявительнице временно переехать с детьми в убе-

жище (см. пункты 2 и 22 статьи 18 Стамбульской конвенции); более тщательная охрана семьи полицией; применение системы оповещения жертв, которая давала бы знать заявительнице, что муж находится поблизости; любые срочные меры защиты по отношению к школе, где учились дети. Власти государства-ответчика должны были также провести немедленное консультирование лица, виновного в насилии, учитывая его предыдущие проблемы с психикой и общее расстройство личности, вызванное данной ситуацией. В этой связи мы отмечаем, что начиная с января 2020 года статья 38а Закона о полиции безопасности требует, чтобы лицо, в отношении которого выдан приказ об ограничениях и защите, посещало обязательные консультации. Тот факт, что эти меры, вместе или в отдельности, отсутствовали в законодательстве государства-ответчика, вызывает вопрос об общей достаточности законодательной базы для защиты жизни в подобных случаях.

37. Обращаясь к жалобе заявительницы на то, что прокурор не добивался заключения ее мужа под стражу до суда (см. §§ 40, 42 и 102 Постановления Европейского Суда), мы отмечаем, что такая мера является законной в соответствии с законодательством государства, если она принята на основании разумного подозрения в том, что лицо совершило преступление, а также соответствует другим требованиям подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. § 186 Постановления Европейского Суда). Поэтому у международного суда должны быть серьезные причины, чтобы поставить под сомнение решение прокуроров государства-ответчика не ходатайствовать о заключении под стражу в данном деле, если нет оснований полагать наличие в деле предвзятости, небрежности и тому подобных факторов. Хотя мы высказали некоторые оговорки по поводу того, как вели себя власти государства-ответчика в вопросе о предполагаемом изнасиловании заявительницы, мы все же согласны с большинством в том, что «отсутствуют причины ставить под сомнение решения судов Австрии, что действия государственных органов, не заключивших [мужа заявительницы] под стражу до суда, были законными» (см. § 210 Постановления Европейского Суда). В то же время важно отметить, что, как признается в Постановлении, «все факты и результаты проводимой оценки риска» в соответствии с критериями, приведенными в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), «могут учитываться в контексте риска совершения новых преступлений» для целей, указанных в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. § 188 Постановления Европейского Суда). По нашему мнению, правильно проведенная оценка риска должна была законным образом привести к решению о содержании под стражей, которое учитывает, *inter alia*, оценку риска совершения новых преступ-

лений. Так как в данном случае оценка риска не соответствовала требованиям статьи 2 Конвенции, в том числе и оценка, проведенная прокурорами, участвовавшими в деле заявительницы, она могла не дать возможность властям государства-ответчика принять более строгую меру, связанную с лишением свободы мужа заявительницы.

38. В этой связи мы признаем, что, хотя повышенная степень риска и вызывает необходимость более интенсивного контроля за лицом, представляющим угрозу, до суда, это не может служить единственным основанием для принятия решения о заключении его под стражу. В то же время, как мы уже подчеркивали (см. выше § 35), приказы об ограничениях являются краткосрочной мерой и не могут обеспечить достаточной степени дистанцирования и, следовательно, защиты жертвы от лица, виновного в насилии в случаях потенциально серьезного акта насилия (см. §§ 146 и 150 Постановления Европейского Суда). Поэтому приказы об ограничениях не могут подменять собой более жесткие меры предупреждения в случаях, когда существует риск совершения неоднократных и тяжких актов насилия, включая угрозу жизни.

39. Задачей Европейского Суда ни в коей мере не является указывать задним числом, какие конкретные меры могли бы быть достаточными в данном деле. В связи с недостатками оценки риска будут отвлеченными все рассуждения о том, какие меры могли бы оказаться эффективными для противодействия угрозе, если бы оценка была проведена должным образом в рассматриваемое время. В законодательстве каждого государства-участника должны быть приняты собственные стандарты на этот счет, при условии, однако, что они, взятые в совокупности, позволят властям иметь в своем распоряжении комплекс оперативных мер, способных противодействовать или, по крайней мере значительно смягчать риск серьезных посягательств на жизнь (см. §§ 179 и 182 Постановления Европейского Суда). Критерии, установленные в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), не требуют доказывать, что, «если бы не» какое-то упущение или бездействие властей, убийства бы не произошло. Более важным и достаточным для возникновения у властей ответственности по статье 2 Конвенции является то, что разумные меры, не принятые властями, имели реальную перспективу привести к другому исходу или значительно смягчить причиненный вред (см. Постановление Европейского Суда по делу «Блякай и другие против Хорватии» (*Bljakaj and Others v. Croatia*) от 18 сентября 2014 г., жалоба № 74448/12, § 124, с последующими примерами).

40. В данном случае, поскольку мы считаем, что существовали другие разумные меры, которые не были приняты властями для защиты жизни сына

заявительницы, мы приходим к выводу, что власти государства-ответчика не выполнили свои обязательства, предусмотренные статьей 2 Конвенции.

С. Выводы

41. Хотя мы признаем, что сотрудники полиции, участвовавшие в деле, приложили определенные усилия и проявили добрую волю, мы считаем, что этого недостаточно для освобождения государства-ответчика от ответственности по данному делу. Проведенная ими оценка риска не соответствовала тому, что ожидается от действительно независимой, своевременной и полной оценки риска (см. § 169 Постановления Европейского Суда). Поэтому вынесение такого Постановления несет в себе опасность недостаточно серьезного внимания к общим принципам, изложенным применительно к вопросам оценки риска в делах о домашнем насилии.

42. В конкретных обстоятельствах данного дела, по нашему мнению, был недооценен риск для жизни детей. Мы приходим к заключению, что власти государства-ответчика не проявили требуемого внимания в свете показаний заявительницы об обострении ситуации с домашним насилием. Они не провели специальную оценку риска для жизни с учетом особенностей контекста домашнего насилия и, в частности, оценку положения детей заявительницы. Если бы цели оценки были правильно сформулированы, а сама она проведена должным образом, власти государства-ответчика сумели бы обнаружить прямой и непосредственный риск для жизни сына заявительницы. Таким образом, в данном случае возникло бы обязательство принять достаточные защитные меры, согласно статье 2 Конвенции.

43. В данных обстоятельствах единственная мера, принятая властями Австрии для защиты жизни детей заявительницы, – выдача приказа об ограничении и защите, с ограниченной сферой действия, который оставлял их совершенно беззащитными за пределами собственного дома, – была явно несущественной и недостаточной для предотвращения дальнейшего насилия, включая посягательство на жизнь. Даже оставляя в стороне вопрос о содержании под стражей (см. § 188 Постановления Европейского Суда), в распоряжении властей был или должен был быть, ряд широко применяемых в контексте домашнего насилия мер, принятие которых имело реальную перспективу не допустить трагического исхода. Определенные недостатки в законодательной базе государства-ответчика (см. выше § 34), хотя сами по себе и не повлекли нарушения его обязательств, установленных в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), но взятые вместе, существенно подорвали способность властей реаги-

ровать должным образом. На этом основании мы приходим к выводу о том, что имело место нарушение материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРИИ ЭЛОСЕГИ

1. Я благодарю своих коллег за столь глубокое суждение. Нам пришлось рассматривать трудное и трагическое дело. У Большой Палаты была хорошая возможность применить критерии, приведенные в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), с учетом особых черт домашнего насилия, на основании упомянутых выше Постановления Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), жалоба № 33401/02, ECHR 2009; Постановления Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*) от 2 марта 2017 г., жалоба № 41237/14; и Постановления Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), от 9 июля 2019 г., жалоба № 41261/17 (см. § 153–171 Постановления Европейского Суда). Как лицо, участвовавшее в рассмотрении дела «Володина против Российской Федерации», я хочу сказать, что это дело является очень важным не только для Российской Федерации, но и для всех государств – участников Конвенции.

2. Целью настоящего особого мнения является попытка сосредоточиться на существенном элементе оценки прямого и непосредственного риска для уязвимых лиц, являющихся жертвами домашнего насилия, а также риска насилия в отношении детей, проживающих в одной семье с родителями (см. § 159 Постановления Европейского Суда). Таким элементом является значение культурного контекста при оценке риска домашнего насилия. Как признается в Постановлении, необходимо использовать стандартизированные контрольные списки, учитывающие специфические факторы риска и составленные с учетом криминологических исследований и лучших примеров практики по делам о домашнем насилии. При этом необходимо обращать внимание на полноту проводимой властями оценки риска (см. § 167 Постановления Европейского Суда). Культурное происхождение лица, совершающего насилие, считается одним из факторов, вызывающих насилие по гендерному признаку. В этой связи доклады международных организаций отмечают различие культурных моделей в зависимости от государства происхождения лица, совершающего насилие.

3. В отношении данного Постановления я голосовала против решения большинства, не усмотревшего каких-либо нарушений [Конвенции], по различным причинам. Некоторые из них объясняются в совместном особом мнении, выраженном семью судьями, включая меня, где сказано, что в данном

деле имело место нарушение по причине некорректной и неполной оценки риска, проведенной властями Австрии.

4. Постановление в том виде, как оно принято, отражает доводы властей Австрии. И, напротив, никакие доводы заявительницы учтены не были. На будущее при оценке риска властями может быть необходимо более точно придерживаться подхода ГРЕВИО, высказанного в отзыве третьей стороны (§ 8), учитывая также «спираль» насилия (см. комментарии ГРЕВИО и доводы заявительницы, стр. 6 и 30¹), структурное неравенство, гендерный уклон, стереотипы и травмы жертв (см. доводы заявительницы, стр. 22). Я понимаю, что просить власти государства-ответчика о выполнении позитивных обязательств довольно трудно, если риск возможного убийства не был предсказуем, и я также согласна с тем, что задача Европейского Суда состоит в том, чтобы оценивать конкретные обстоятельства и факты, а не брать на себя роль законодательного органа или заниматься анализом *in abstracto*.

Говоря это, я думаю, что австрийские власти не стали рассматривать семью как единое целое, включая детей, когда возникла необходимость проведения оценки риска совершения насилия. На мой взгляд, властям государства-ответчика можно было установить, что в данном случае очевиден был прямой и непосредственный риск для жизни ребенка или семьи в целом. Следовательно, принятые меры, несомненно, нельзя считать достаточными.

5. Для того чтобы прийти к такому выводу, при оценке риска в случаях насилия в семье необходимо учитывать конкретное положение, в котором находится жертва, включая, в частности, ее социальное положение и культурное происхождение. Из нашей предыдущей судебной практики совершенно ясно, что необходимо проанализировать уровень уязвимости жертвы (как указано в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*) и в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), а также Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «С.М. против Хорватии» (*S.M. v. Croatia*) от 25 июня 2020 г., жалоба № 60561/14). При оценке того, относится ли женщина к уязвимой группе, власти должны приложить значительные усилия для понимания возможного прямого и непосредственного риска для жертвы и ее детей, чтобы правильно истолковать любые симптомы и тревожные сигналы.

¹ Что касается доклада ГРЕВИО по Австрии, см. Программы работы с лицами, виновными в домашнем насилии: Статья 16 Стамбульской конвенции – Собрание документов по Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, Совет Европы, 2014 год, <https://rm.coe.int/168046e1f2>.

В Постановлении используется очень абстрактный подход, которому недостает реализма в том, что касается необходимости понимания властями государства-ответчика женщин, находящихся в уязвимом положении. Вывод Постановления об отсутствии нарушений позитивных обязательств властей Австрии не является последовательным в своей аргументации и не позволяет сделать необходимые выводы из фактов в том виде, как они были описаны. Особое внимание должно уделяться анализу характерных факторов, относящихся к насилию по гендерному признаку, как было описано ГРЕВИО, заявительницей и остальными лицами, выступающими в данном деле в качестве третьей стороны.

6. В отличие от большинства (см. §§ 185 и 197 Постановления Европейского Суда) мой вывод заключается в том, что власти государства-ответчика не провели правильную и всестороннюю оценку рисков. Причина в том, что контрольный список, использованный полицией (см. § 125 Постановления Европейского Суда), был недостаточным и содержал много пробелов. Вопреки утверждениям властей государства-ответчика (см. §§ 124–125 Постановления Европейского Суда), существовало много факторов риска, которые они не принимали во внимание. В том числе:

(i) Пристрастие мужа к азартным играм.

(ii) Его экономическая зависимость от заявительницы (и наоборот, ее зависимость от него в эмоциональном смысле и в связи с традиционным разделением ролей).

(iii) Предполагаемое изнасилование и тот факт, что заявительница утверждала, что в течение десяти лет ее склоняли к половым отношениям без ее согласия.

(iv) Неблагополучная социально-экономическая категория, к которой оба принадлежали, а также род их занятий. В информации, представленной властями Австрии, нет ни слова о том, что муж работал в кебаб-кафе, а жена работала на кухне.

(v) Культурное происхождение.

(vi) Отношение властей государства-ответчика к оценке риска удивительно. Мы видим, что «медицинский осмотр не выявил каких-либо повреждений в области половых органов» (см. §§ 21 и 191 Постановления Европейского Суда), и там же сказано, что муж душил ее (см. § 195 Постановления Европейского Суда).

(vii) Муж находился на испытательном сроке по прошлой судимости за нанесение телесных повреждений.

7. Постановление и доводы властей Австрии полностью опускают какие-либо конкретные обстоятельства, касающиеся заявительницы. Мы только случайно узнаем, что она и ее муж были турецкого происхождения, так как в Постановлении об этом сказано лишь однажды. Конечно, согласно результатам научных и академических исследований, не обязательно присутствует причинная связь между

культурным происхождением и домашним насилием. Правда, что домашнее насилие – это явление, затрагивающее женщин всех социальных слоев, и оно не обязательно связано с культурным происхождением. Однако в Постановлении и доводах властей Австрии эти особенности, касающиеся заявительницы, были умышленно проигнорированы. Материалы дела содержат конкретную информацию, которая была существенной для оценки реальности угрозы для жертв.

8. В Постановлении сказано, что заявительница является гражданкой Австрии, но в нем ничего не говорится об уровне ее образования. Согласно сведениям, представленным адвокатом заявительницы, она родилась в Турции в 1978 году и училась там в школе до достижения ею возраста 14 лет. Когда ей было 14 лет, она переехала из Турции в Австрию. В Австрии она училась только два года (с 14 до 16 лет) в средней школе (*Hauptschule*), где она и начала учить немецкий язык. Она не закончила школу и в дальнейшем не получила никакого профессионального образования. Она никогда не посещала курсы немецкого языка. Она работала нянкой и училась немецкому от детей, за которыми ухаживала, а потом от своих детей. Потом она работала помощницей на кухне, а впоследствии потеряла и эту работу. Все консультации она получала на турецком от специалиста турецкого происхождения из Центра защиты от насилия, так как не могла нормально говорить по-немецки. Когда она пошла в полицию, ее также сопровождала женщина-турчанка из Центра защиты от насилия, но допрос в полиции шел на немецком, а переводчика у нее не было.

9. Необходимо отметить, что адвокат заявительницы в первый раз подняла вопрос о том, что допрос шел на немецком, во время устных слушаний. До этого момента данный вопрос никогда не поднимался. Заявительница также никогда не утверждала, что турецкая культура имела какое-то значение в ее деле. Однако мы видим из имеющихся в деле материалов, что в полиции ее допрашивали на немецком, без помощи переводчика, и мы также знаем, что сопровождавшая ее адвокат из Центра говорила с ней по-турецки. В 2010 году заявительница потеряла работу, и этот факт вызвал трения между ней и мужем. В это время он также был безработным и отреагировал агрессивно, так как она не могла ему больше помогать и оплачивать его игорные долги, как она делала раньше. До наступления рассматриваемых событий и заявительница, и ее муж имели работу и получали доход. Заявительница была помощницей на кухне, а муж работал в кебаб-кафе.

10. Удивительно, что в данном Постановлении ни слова не сказано ни о роде занятий госпожи Курт, ни об уровне ее образования. Но эти факторы очень важны при определении наличия риска домашнего насилия. В действительности полиция не придавала особого значения словам заявительницы о зависимости мужа, а также о его угрозах убить сына и дочь на ее глазах. У них была эта информа-

ция, но должной оценки она не получила (см. § 198 Постановления Европейского Суда). Несмотря на австрийское гражданство, она оставалась женщиной турецкого происхождения с невысоким уровнем образования. Для сравнения, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*) заявительница румынского происхождения, которая была замужем за молдаванином, также говорила о том, что сначала она не владела итальянским языком и поэтому не обращалась в полицию несмотря на то, что муж-алкоголик постоянно избивал ее.

11. Можно возразить, что заявительница сама не поднимала вопрос о культурном происхождении, говоря об обстоятельствах дела ни перед властями Австрии, ни даже в жалобе в Европейский Суд. Ее адвокат сообщил некоторые сведения на этот счет во время слушаний в Большой Палате, отвечая на вопрос судьи. Более того, жалоба на нарушение статьи 14 Конвенции в связи с тем, что власти государства-ответчика предположительно дискриминировали ее как женщину, была подана заявительницей в первый раз во время рассмотрения дела Большой Палатой, 10 января 2020 г., а не в первоначальной жалобе в Палату (которая была подана 16 декабря 2015 г.) (см. § 208 Постановления Европейского Суда). Далее, по формальному признаку были применены положения пункта 1 статьи 35 Конвенции о шестимесячном сроке, и жалоба на нарушение статьи 14 Конвенции была признана неприемлемой для рассмотрения по существу, так как последнее решение властей государства-ответчика было вручено заявительнице 16 июня 2015 г. (см. § 209¹ Постановления Европейского Суда).

12. Но я считаю, что данные факты не освобождают власти государства-ответчика от обязательства учитывать все вышеупомянутое при оценке риска насилия против женщин со смешанным культурным происхождением. Это так, потому что взгляд на распределение ролей между мужчиной и женщиной в семье тесно связан с культурным происхождением и зависит также от уровня интеграции в новое общество². Документ о гражданстве не меняет этого

¹ Так в тексте. На самом деле имеется в виду § 215 Постановления Европейского Суда (*примеч. переводчика*).

² Предупреждение и борьба с домашним насилием в отношении женщин – Учебный материал для подготовки сотрудников правоохранительных и судебных органов по вопросам насилия в отношении женщин и домашнего насилия, Совет Европы, 2016 год, <https://rm.coe.int/16806ee727>. Страница 12: «В различной степени патриархальные культурные и сексуальные нормы, дискриминационное разделение полномочий и труда, финансовая зависимость женщин продолжают существовать в обществе – в Европе и за ее пределами». Страница 13: «Домашнее насилие как насилие по гендерному признаку укоренилось в социальных и культурных ценностях общества и создает питательную почву для терпимости к такому насилию. Патриархальное общество побуждает мужчин думать, что они имеют право осуществлять власть и контроль над супругами и/или детьми».

факта. Достижение большего равноправия мужчин и женщин в семье зависит от возможности повышать свой уровень образования и степень социальной интеграции. По этому вопросу существует множество научных исследований, особенно по поводу разницы между женщинами-мигрантами первого поколения и мигрантами второго или третьего поколений. Все эти элементы необходимо принимать в расчет при оценке прямого и непосредственного риска домашнего насилия. Иногда женщины-мигранты не владеют в достаточной степени языком новой страны, имеют низкий экономический статус и культурное происхождение и не имеют других родственников или имеют родственников, находящихся в такой же экономической ситуации, или тех, кто сам склонен проявлять дискриминацию в отношении женщин. Иногда женщины, являющиеся жертвами насилия, не оставляют своего партнера, потому что им просто некуда идти. Оценка риска поэтому должна учитывать специфику культурного контекста, как сказано Советом Европы в учебном материале 2016 года:

«Применение широкой оценки риска может помочь в установлении и контроле над источниками мотивации и их изменения во времени и может быть полезным, помогая сотрудникам других ведомств, таких как здравоохранение, социальная защита или защита детей, понять динамику отношений с учетом специфики культурного контекста и реагировать соответствующим образом¹».

13. Понимание данной ситуации также требует подготовки судей и сотрудников полиции, работающих с женщинами по этим вопросам. Власти государства-ответчика, полиция и социальные службы должны пройти обучение и приобрести навыки распознавать эти особенные факторы риска в делах о домашнем насилии, куда вовлечены женщины-мигранты. В случае, когда определяется наличие непосредственного риска, недостаточно полагаться на культурные взгляды того или иного лица. Как сказано в справочнике Совета Европы «Предупреждение и борьба с домашним насилием в отношении женщин – Учебный материал для подготовки сотрудников правоохранительных и судебных органов», «прокуроры будут лучше подготовлены полностью оценивать степень насилия и понимать риски, если они будут помещать данное уголовное происшествие в более широкий социокультурный и поведенческий контекст²».

¹ Программы работы с лицами, виновными в домашнем насилии: Статья 16 Стамбульской конвенции – Собрание документов по Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, Совет Европы, 2014 год, <https://rm.coe.int/168046e1f2>.

² Предупреждение и борьба с домашним насилием в отношении женщин – Учебный материал для подготовки сотрудников правоохранительных и судебных органов по вопросам насилия в отношении женщин и домашнего насилия, Раздел 1.4 «Причины насилия в отношении женщин и домашнего насилия», Совет Европы, 2016 год, <https://rm.coe.int/16806ee727>, с. 44.

14. Как упоминалось ранее, навыки в языке государства пребывания, среди прочего, являются существенным фактором, особенно когда женщины должны выражать свои мысли по очень личным сексуальным вопросам, вызывающим у них чувство неловкости при общении с полицейскими, судебными медицинскими экспертами или врачами больниц.

Например, рассмотрим вопрос страха: обычным явлением считается отказ жертв давать показания против своих партнеров (см. по данному делу § 15 Постановления Европейского Суда). Заявительница отказалась давать показания против Е. и по поводу своих страхов (см. § 19 Постановления Европейского Суда: то же самое поведение демонстрировалось в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (Talpis v. Italy). Согласно тому, как это факты были описаны в Постановлении, были серьезные причины обратить внимание на этот фактор риска, однако они не были приняты в расчет властями государства-ответчика. Вот, например: «он, тем не менее, был признан виновным в том, что прижал ее к стене и дал ей пощечину, а также в том, что угрожал ее брату и племяннику» (§ 15 Постановления Европейского Суда), «...она была обязана заниматься с ним сексом» (§ 18 Постановления Европейского Суда), «когда она сказала [Е.], что не хочет секса с ним, он стал ее душить» (§ 28 Постановления Европейского Суда). В полицейском рапорте говорилось, что «поступило заявление об изнасиловании, имелись следы насилия в виде гематом, поступали регулярные угрозы и дети регулярно получали шлепки» (§ 27 Постановления Европейского Суда). Недостаточное внимание к чисто женским особенностям со стороны властей видно из заключения, где сказано, что «у женщины не было травм в области половых органов, но имелись царапины на подбородке» (§ 28 Постановления Европейского Суда). Также хорошо известно, что «способность женщины сообщать и описывать акты “частного” насилия меняется в зависимости от степени информированности и других культурных моделей³».

15. Данные факторы, указывающие на наличие прямого и непосредственного риска: экономическая ситуация, уровень образования, культурное происхождение, изолированность, владение языком государства пребывания, не были учтены в данной конкретной оценке. Согласно сообщению Агентства Европейского союза по основным правам (FRA):

«Исследования показали, что респонденты различаются по своему восприятию того, что есть

³ Аналитическая записка об эффективности исполнения Рекомендации Rec (2005) 5 о защите женщин от насилия, 2007 год., с. 42, <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016805915e3>.

сексуальное домогательство. На это различие в описанном выше субъективном восприятии влияют, как показано, не только существующая гендерная культура (например, признание равенства полов и недискриминация по половому признаку на работе в противоположность культуре, которая «допускает» или «поощряет» домогательства в организации), но также и преобладающие общественные и культурные ценности, нормы и подходы. Они также различаются в зависимости от общего уровня информированности и знания своих законных прав в целом и действующего законодательства в частности. Приобретенные ранее женщинами понятия о том, что является «сексуальным домогательством», а что нет, могут отличаться в разных странах. Чтобы свести к минимуму такие субъективные различия в восприятии сексуального домогательства, обусловленные культурными особенностями, в опросе FRA прямо не ставился вопрос о «сексуальных домогательствах», скорее респондентов спрашивали, был ли у них опыт совершения в отношении них нежелательных или оскорбительных для них действий. Тем не менее может все же существовать различие в той степени, в которой женщины с разными уровнями культуры воспринимают те или иные действия как оскорбление или запугивание¹.

16. Это должно быть отправной точкой. Иначе как власти смогут принимать меры защиты, если они не видят момента наступления рискованного события? В упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*) мы видели ту же самую неспособность властей разглядеть ясные признаки насилия. Как можно обсуждать, какие оперативные меры необходимо принимать, если мы не видим самой опасности?

17. В данном деле власти Австрии полностью переложили бремя оценки риска и принятия мер защиты на жертву. Согласно замечаниям ГРЕВИО, выступающей в данном деле в качестве третьей стороны, «компетентные органы власти не должны были полностью полагаться на собственную оценку риска со стороны жертвы, которая, учитывая динамику домашнего насилия, могла быть необъективной» (см. § 19 замечаний). Я также полностью согласна с § 4 данных замечаний, в котором говорится следующее (со ссылкой также на упомянутые выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» (*Volodina v. Russia*), § 86; и Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*), § 122):

«Власти государства несут ответственность за принятие мер защиты в виде предотвращения серьезных нарушений личной неприкосновенности со стороны члена семьи или партнера. Принятие эффективных мер требует проведения оценки существования прямого и непосредствен-

ного риска, должным образом учитывая контекст домашнего насилия».

18. Еще одним важным фактором является необходимость рассматривать домашнее насилие как насилие в отношении семьи в целом, даже если его главным объектом является женщина (см. доводы заявительницы, стр. 10). Власти государства-ответчика оказались не в состоянии определить, существовал ли прямой и непосредственный риск для жизни сына заявительницы в рассматриваемое время. В данном деле власти государства-ответчика не провели достаточной, независимой и полной оценки возможных рисков для жизни заявительницы и ее детей. Что касается принятых оперативных мер, то они были недостаточными и не соответствовали степени риска, который исходил от мужа заявительницы.

19. Как отражено в Постановлении, вследствие данного дела были внесены изменения в статью 38а Закона о полиции безопасности. Начиная с 1 сентября 2013 г. полиция получила право выдавать приказы об ограничениях и защите, распространяющиеся на школы и детские сады, которые посещали находящиеся под угрозой дети до четырнадцати лет (см. § 51 Постановления Европейского Суда). Однако в § 52² Постановления говорится:

«1 января 2020 г. в статью 38а Закона о полиции безопасности были внесены новые изменения. В дополнение к приказам об ограничениях и защите был введен приказ о запрете контактов (*Annäherungsverbot*), который запрещает лицу, предположительно виновному в совершении насилия, приближаться к лицам, находящимся под угрозой, на расстояние ближе 100 метров. Школы и другие детские учреждения в тексте больше не упоминаются, так как лицо, представляющее угрозу, в любом случае не имеет право подходить к ребенку, находящемуся под угрозой, на расстояние ближе 100 метров».

Кроме того, временные запретительные приказы могли распространяться на школы и места работы (см. § 53³ Постановления Европейского Суда). Однако эффективность подобных запретов вызывает сомнение, если никто не контролирует, соблюдает ли лицо, совершившее насилие, это расстояние в 100 метров. Вот почему, может быть желательно принимать профилактические меры, направленные на изоляцию агрессора от его жертв с использованием электронных устройств, таких как браслеты, которые носит как лицо, обвиняемое в совершении насилия, так и жертва и которые позволяли бы немедленно извещать полицию в случае угрозы нарушения судебного запрета. Эти устройства фиксируют каждое нарушение запрета со стороны виновного лица, за что оно может быть привлечено к уголовной ответственности.

¹ *Насилие в отношении женщин: общеевропейский опрос, FRA, с. 97, https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2014-vaw-survey-main-resultsapr14_en.pdf.*

² Так в тексте. На самом деле имеется в виду § 53 Постановления Европейского Суда (*примеч. переводчика*).

³ Так в тексте. На самом деле имеется в виду § 54 Постановления Европейского Суда (*примеч. переводчика*).

20. Рассуждая в этом же ключе, по моему мнению, власти государства-ответчика не проявили особого внимания в исполнении своих обязательств согласно критериям, приведенным в Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) (в противоположность тому, что сказано в Постановлении). Более того, признав факт бездействия и недостаточную оперативность в уведомлении сотрудников школы, Европейский Суд все же не считал это нарушением обязательств проявления особого внимания. Возможность выдачи приказа, распространяющегося на школу, вообще не рассматривалась. Власти государства-ответчика могли и должны были знать, что существовал прямой и непосредственный риск для жизни сына заявительницы. Они не стали признавать детей заявительницы лицами, находящимися под угрозой (см. доводы заявительницы, стр. 22). Однако, признавая, что государство выполнило свои позитивные обязательства, Европейский Суд основывается на том факте, что, «хотя в приказе об ограничениях и защите дети прямо не упоминались как лица, находящиеся под угрозой по смыслу статьи 38а Закона о полиции безопасности, в рапорте о ходе расследования, направленном в прокуратуру в 23.20 того же дня, они прямо назывались жертвами указанных преступлений». (см. § 201 Постановления Европейского Суда¹).

Выводы

21. Я прихожу к выводу, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте применительно к конкретным обстоятельствам заявительницы госпожи Курт, так как государство не приняло достаточных мер для того, чтобы избежать или смягчить риск. Мой вывод основывается на следующем:

(i) Власти государства-ответчика могли и должны были знать, что существовал прямой и непосредственный риск для жизни сына заявительницы (см. § 198 Постановления Европейского Суда). Они не стали признавать детей заявительницы лицами, находящимися под угрозой (см. доводы заявительницы, стр. 22).

(ii) Семья должна была восприниматься как единое целое, и оценка риска должна была проводиться по каждому из членов семьи, включая детей, которых затрагивал каждый случай домашнего насилия, даже если оно было направлено главным образом на женщину (см. доводы заявительницы, стр. 10).

(iii) Существование непосредственного риска в случаях домашнего насилия должно было истолковываться иным образом и должно было оцениваться существование серьезного риска для жизни в обозримом будущем с учетом культурных особенностей.

(iv) Сохраняется требование о должной осмотрительности. В данном деле власти государства-ответчика не провели достаточной, независимой и полной оценки возможных рисков для жизни заявительницы и ее детей. Власти государства-ответчика оказались не в состоянии разглядеть, существовал ли прямой и непосредственный риск для жизни сына заявительницы в рассматриваемое время.

(v) Во время рассматриваемых в жалобе событий возможно было определить наличие прямого и непосредственного риска для жизни сына заявительницы.

(vi) Муж заявительницы не был немедленно заключен под стражу или иным образом изолирован от жены и детей; в этом случае необходимо было рассмотреть вопрос об использовании электронных устройств, таких как браслеты, что вполне совместимо со статьей 5 Конвенции.

(vii) В нашем Постановлении должно было быть учтено понятие неполноценности женщин, о чем говорила ГРЕВИО в своих замечаниях третьей стороны (§ 8), так же как и дисбаланс силы между мужчиной и женщиной, который зачастую присутствует в случаях домашнего насилия (см. доводы заявительницы, стр. 30), цикл насилия (замечания ГРЕВИО) и спираль насилия (там же, стр. 16) для оценки существования прямого и непосредственного риска.

(viii) Другие факторы, которые должны были учитываться – это возможность выдачи приказа об ограничениях и защите, распространяющегося на школы и обязанность властей передавать в школы определенную информацию.

(ix) Оперативные меры, принятые властями государства-ответчика, были недостаточными и не соответствовали степени риска, который исходил от мужа заявительницы.

(x) Принимая во внимание все эти факторы, я не могу согласиться с выводами, изложенными в § 202² Постановления Европейского Суда. Напротив, по моему мнению, угрозы Е. должны были считаться «достаточно серьезными, а вероятность их выполнения высокой, чтобы опасаться риска для жизни жертв, что дало бы основания для его содержания под стражей до суда или принятия иных более жестких мер предупреждения, чем приказ об ограничениях и защите».

¹ Так в тексте. На самом деле имеется в виду § 206 Постановления Европейского Суда (примеч. переводчика).

² Так в тексте. На самом деле речь идет о § 207 (примеч. переводчика).